
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Институт комплексного анализа
региональных проблем
Дальневосточного отделения
Российской академии наук

Том 20 № 3
2017

Журнал основан в 1995 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
чл.-корр. РАН Е.Я. Фрисман

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

зам. гл. редактора: д.п.н. В.Н. Никитенко, д.г.-м.н. А.М. Петрищевский; ответственный секретарь
к.э.н. С.Н. Мишук; члены редколлегии: акад. РАН П.Я. Бакланов, чл.-корр. РАН Б.А. Воронов,
к.б.н. Е.А. Григорьева, к.э.н. В.С. Гуревич, акад. РАН Ю.Н. Журавлёв, к.г.н. Т.М. Комарова,
чл.-корр. РАН Б.В. Левин, д.э.н. С.Н. Леонов, к.б.н. Т.А. Рубцова, чл.-корр. РАН А.П. Сорокин,
к.г.н. Д.М. Фетисов, д.п.н. Б.Е. Фишман, д.б.н. Л.В. Фрисман, акад. РАН А.И. Ханчук, д.ф.н. А.М. Шкуркин,
проф. Син Гуанчэн, проф. Ван Цзюанлэ, проф. Алтэн-Аоцир; техн. редактор Г.В. Матвейчикова

С а й т ж у р н а л а : rp.icarp-febras.ru

А д р е с р е д а к ц и и : 679016, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, 4
ИКАРП ДВО РАН, тел./факс: 4-16-71, <http://икарп.рф>
E-mail: reg.probl@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
БИОЛОГИЯ	6
Аверин А.А., Бурик В.Н., Рубцова Т.А., Чжу Баогуан. Природные условия и позвоночные животные заповедников «Бастак» (Россия) и «Хунхэ» (Китай): сравнительный анализ	6
ЭКОНОМИКА. СОЦИОЛОГИЯ. РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ	19
Неклюдова Н.П., Трушкова Е.А. Библиометрический анализ научных публикаций по вопросам исследования российского пограничья	19

Колосов В.А., Зотова М.В., Медведев А.А. Сравнительный анализ приграничных культурных ландшафтов России и сопредельных стран средствами дистанционного зондирования и ГИС	24
Гончарова Н.П., Вараксина Н.В. Отношение к миграции, некоренному населению и культурной интеграции в Алтайском крае (по результатам социологических опросов и анализа СМИ)	34
Ващук А.С. Развитие предпринимательства на железнодорожном транспорте и в портовом хозяйстве Хасанского района Приморского края в конце XX – начале XXI вв.	39
Чернолуцкая Е.Н. Англоязычная историография об участии граждан Китая в аграрной отрасли юга Дальнего Востока России в 1990–2010-е гг.	50
Сивоплясова С.Ю. Региональные различия женской эмиграции из приграничных территорий России	58
Гамерман Е.В. Безопасность приграничных территорий в российско-китайских отношениях на современном этапе	63

REGIONAL PROBLEMS

Institute for Complex Analysis
of Regional Problems
Far Eastern Branch
Russian Academy of Sciences

Volume 20 Number 3
2017

Established in 1995
Published 4 times a year

CONTENTS

<i>Greeting on behalf of the Editorial Board</i>	5
BIOLOGY	6
Averin A.A., Burik V.N., Rubtsova T.A., Zhu Baoguang. <i>Natural conditions and vertebrates of the Bastak (Russia) and Honghe (China) reserves: comparative analysis</i>	6
ECONOMY. SOCIOLOGY. REGIONAL POLITICS AND SECURITY	19
Neklyudova N.P., Trushkova E.A. <i>Bibliometric analysis of publications on the problem of Russian Border Zone</i>	19
Kolosov V.A., Zotova M.V., Medvedev A.A. <i>Comparative analysis of the near border cultural landscapes of Russia and the adjacent countries by means of remote sensing and GIS</i>	24
Goncharova N.P., Varaksina N.V. <i>Attitude to migration, the non-indigenous population and cultural integration in the Altai region (by results of sociological surveys and media analysis)</i>	34
Vaschuk A.S. <i>Business development in rail transport and port economy of the Khasan district (Primorsky Territory) in the late XX – early XXI century</i>	39

Chernolutskaya E.N. <i>English-language historiography about Chinese participation in the agricultural sector of the south of the Russian far east during 1990–2010</i>	50
Sivoplyasova S.Yu. <i>Regional differences of women's migration from the border areas of Russia</i>	58
Gamerman E.V. <i>Security of Border areas in Russian-Chinese relations at the present stage</i>	63

© ICARP FEB RAS, 2017

Электронная верстка *Г.В. Матвейчикова*
Перевод *А.Л. Воронина*

Формат 60x84 1/8 Уч.-изд. л. 6,4
Тираж 300 экз.

*Уважаемые читатели журнала
«Региональные проблемы»!*

Вашему вниманию предлагается тематический номер журнала, посвященный исследованию приграничных регионов России. Тема не является новой, однако представленные работы отражают современные аспекты развития приграничных территорий России и сопредельных стран. Опубликованные статьи затрагивают как общие вопросы развития приграничных территорий, так и региональные особенности.

В рамках общего блока в статье Н.П. Неклюдовой и Е.А. Трушковой представлены результаты библиометрического анализа русскоязычных публикаций по вопросам исследования российского приграничья. В статье В.А. Колосова, М.В. Зотовой и А.А. Медведева на основе обработки снимков 30-метрового расширения и среднемасштабных топографических карт дана оценка социально-экономической ситуации, показаны контрасты по обе стороны границы России. Авторы делают вывод об асинхронности процессов на «новых» (постсоветских) и «старых» границах, увеличении асимметрии трансграничных взаимодействий.

Новым направлением в исследовании социально-экономических процессов в приграничных регионах России является изучение женской миграции. В работе С.Ю. Сивоплясовой приграничные регионы России разделены на три группы исходя из динамики женской миграции.

Региональная часть исследований представлена работами естественно-научного и социально-экономического блока. В коллективной статье А.А. Аверина, В.Н. Бурика, Т.А. Рубцовой и Чжу Баогуана представлены результаты сравнительного анализа природных условий и списка позвоночных животных в особо охраняемых природных территориях России и Китая.

Объектом исследования большинства статей социально-экономического блока является Дальний Восток. Подходы и оценки англоязычной историографии (1990–2010-е гг.) по вопросу участия китайских граждан в аграрной отрасли юга Дальнего Востока России раскрыты в статье Е.Н. Чернолуцкой. В статье А.С. Ващук показаны особенности становления и развития предпринимательства на железнодорожном транспорте в Хасанском районе Приморского края. Вопросы безопасности приграничных территорий в российско-китайских отношениях, перспективные пути минимизации угроз рассмотрены в статье Е.В. Гамермана. Результаты социологического исследования об отношении местных жителей к некоренному населению и интеграции в Алтайском крае представлены в статье Н.П. Гончаровой и Н.В. Вараксиной.

Несмотря на различную предметную и территориальную направленность исследований данного блока, выводы авторов отражают значимую роль фактора приграничного положения региона в характере происходящих процессов.

Редакция журнала крайне признательна авторам, поддержавшим нашу идею формированию этого номера журнала. Мы уверены, что представленные публикации будут интересны и полезны не только представителям сферы науки и образования, но и органов власти, и некоммерческих организаций, деятельность которых связана с изучением процессов, происходящих в приграничных регионах России.

*Редакционная коллегия
журнала «Региональные проблемы»*

БИОЛОГИЯ

УДК 502.7:502.4(571.621+510)

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ И ПОЗВОНОЧНЫЕ ЖИВОТНЫЕ ЗАПОВЕДНИКОВ «БАСТАК» (РОССИЯ) И «ХУНХЭ» (КИТАЙ): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

¹А.А. Аверин, ²В.Н. Бурик, ²Т.А. Рубцова, ³Чжу Баогуан

¹Государственный природный заповедник «Бастак»,
ул. Шолом-Алейхема 69а, г. Биробиджан, 679016,
e-mail: bastak@yandex.ru

²Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН,
ул. Шолом-Алейхема 4, Биробиджан, 679016,
e-mail: ecolicap@mail.ru

³Национальный природный заповедник «Хунхэ»,
г. Хунхэ, Китай

В статье приводятся результаты сравнительного анализа природных условий и позвоночных животных российского заповедника «Бастак» и китайского резервата «Хунхэ». Рассматриваемые территории находятся вблизи с российско-китайской границей и частично имеют сходные природно-климатические условия, что отражается на видовом составе животных и определяет научный интерес. В заповеднике «Бастак» выявлено 395 видов позвоночных животных, фауна заповедника «Хунхэ» представлена 298 видами. В каждом классе выявлены общие виды и определено сходство. Наибольшее сходство отмечается в классах птицы (79%) и амфибии (62,5%). Это объясняется наличием сходных для обитания данных групп животных биотопов, в первую очередь водно-болотных угодий.

Ключевые слова: заповедник, позвоночные животные, река Амур, сравнительный анализ.

Государственный природный заповедник «Бастак» располагается в южной части российского Дальнего Востока, на территории Еврейской автономной области (ЕАО). Территория заповедника представлена двумя участками, основной расположен в 17 км к северу от областного центра – г. Биробиджана до административной границы ЕАО с Хабаровским краем. Его территория охватывает юго-восточные отроги Буреинского хребта и северо-западную окраину Среднеамурской низменности. Площадь заповедной территории на момент организации заповедника в 1997 г. составляла 91 771 га. Особенностью заповедника является его пограничное положение на восточных окраинных горах Буреинского хребта и северо-западной части Среднеамурской низменности, это создаёт разнообразие растительных сообществ. Максимальная высота – 1207 м (г. Быдыр) [10]. В 2011 г. территория заповедника «Бастак» увеличилась на 35 323,5 га за счет создания кла-

стера «Забеловский», который находится в восточной части ЕАО, на Среднеамурской низменности, в пойме среднего течения р. Амур. В кластере преобладают лугово-болотные ценозы, редкостойные дубняки, осинники и березняки, озёра, водотоки.

Национальный природный заповедник «Хунхэ» расположен на Саныцзянской равнине на северо-востоке провинции Хэйлунцзян Китайской Народной Республики на расстоянии 70 км от р. Амур. Общая площадь заповедника составляет 21 836 га. Абсолютные высоты находятся в диапазоне от 48 до 54,5 м над ур. м. Ландшафт заповедника равнинный водно-болотный, наблюдается общее понижение территории с юга на север в направлении р. Амур. Река Нонг Цзян является северной границей заповедника, а р. Волулан протекает с юга на север недалеко от центра заповедника до слияния с рекой Нонг Цзян на северной границе. Заповедник «Хунхэ» находится в пределах водосборного бассейна реки Нонг Цзян.

Связь между поверхностными и грунтовыми водами в заповеднике затруднена вследствие плохой водопроницаемости глинистых почв. Таким образом, заболоченные территории «Хунхэ» не имеют достаточного обмена с грунтовыми водами и не осушаются.

По природным условиям заповедник «Хунхэ» наиболее соответствует кластеру «Забеловский», однако отличается от него большей степенью увлажнения и отсутствием крупных водотоков и озер. В связи с этим в видовом составе позвоночных животных наблюдаются как сходства, так и различия, которые в первую очередь определяются наличием в основной части заповедника «Бастак» горных территорий с разнообразными лесами, включая темнохвойные и хвойно-широколиственные (рис. 1).

В результате коллективной российско-китайской работы определен видовой состав позвоночных животных двух резерватов, который представлен в совместной монографии [9]. В заповеднике «Бастак» выявлено 395 видов позвоночных животных (1 вид миног, 58 видов рыб, 7 видов земноводных, 4 вида рептилий, 271 вид птиц, 54 вида млекопитающих). Несмотря на не-

большую площадь заповедника «Бастак» (около 3,5% от территории ЕАО), его фауна репрезентативно представляет животный мир Среднего Приамурья. Фауна заповедника «Хунхэ» представлена 298 видами позвоночных животных, включая млекопитающих (34), птиц (222 вида), рептилий (1), амфибий (6) и рыб (35). Полевые исследования, проведенные в 2017 г. позволили дополнительно выявить 7 видов рыб.

Цель данной работы – провести сравнительный анализ видового состава позвоночных животных заповедника «Бастак» (Россия) и заповедника «Хунхэ» (Китай), расположенных на лево- и правобережье р. Амур.

Ихтиофауна

К ихтиофауне заповедника «Бастак» относятся представители двух классов животных: Cephalaspidomorphi (Petrormizontes) – Миноги (1 вид) и Osteichthyes – Костные рыбы (58 видов) [4]. Видовой состав ихтиоценозов основной территории заповедника включает 34 вида рыб и рыбообразных, относящихся к 28 родам, 14 семействам, 9 отрядам, что составляет более 22% видового состава ихтиофауны амурского бассейна, включающей не менее 128 видов [8]. Ихтиоценозы разных

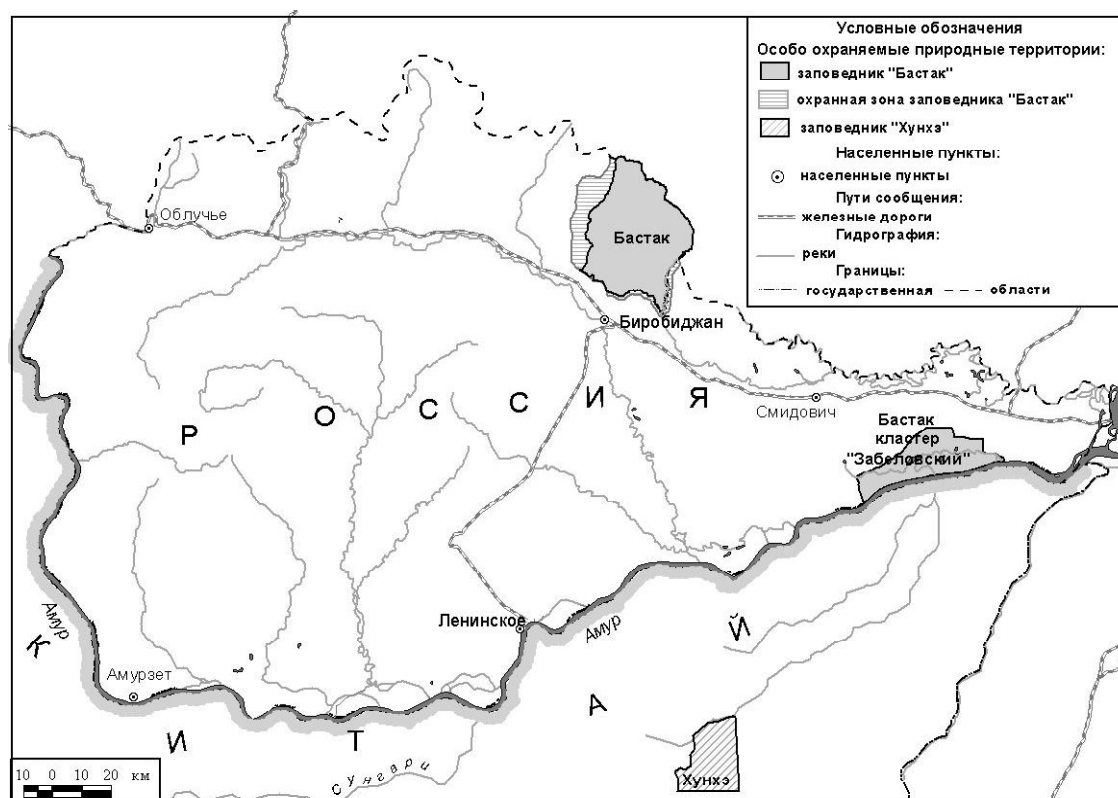

Рис. 1. Картограмма местонахождений заповедников «Бастак» (Россия) и «Хунхэ» (Китай)

Fig. 1. Schematic map of locations of the Bastak (Russia) and Honghe (China) reserves

биотопов заповедника различаются как по видовому составу, так и по количеству таксонов [3]. Ихтиофауна заповедника «Хунхэ» является более однородной, чем ихтиофауна заповедника «Бастак» с кластером «Забеловский». По данным совместных исследований 2017 г., она включает в себя представителей 4 отрядов Esociformes (Щукообразные), Cypriniformes (Карпообразные), Siluriformes (Сомообразные), Perciformes (Окунеобразные), 7 семейств, 29 родов (рис. 2).

На основной территории заповедника представлены 5 групп рыб, разных по зоогеографическому происхождению [7]. Здесь преобладают таксоны рыб палеарктического происхождения (представители отрядов Cypriniformes, Salmoniformes, Scorpaeniformes и др.), в меньшей степени представлены рыбы сино-индийские по происхождению (из отрядов Cypriniformes, Siluriformes, Perciformes) [11]. Во внутренних водоёмах кластера на сегодняшний день зарегистрировано 46 видов рыб. Здесь преобладают таксоны рыб сино-индийского происхождения (из Cypriniformes, Siluriformes, Perciformes) [11].

Ихтиофауна заповедника «Хунхэ» равнинная по своему характеру, она представлена умеренно реофильными, эврибионтными и лимнофильными видами рыб, обитающими в бассейнах рек Нонг Цзян и Волулан. Доминируют таксоны рыб сино-индийского происхождения (из отрядов Cypriniformes, Siluriformes, Perciformes) – 61%.

Наибольшим числом видов на основной территории заповедника «Бастак» представлена бореальная ихтиофауна. Это 13 видов рыб из 4 отрядов (Esociformes, Cypriniformes, Salmoniformes, Scorpaeniformes) – амурская щука *Esox reichertii*, карась серебряный *Carassius gibelio*, таймень *Hucho taimen*, ленок тупорылый *Brachymystax tumsensis*, хариус *Thymallus tugarinae* и др. [5, 12]. Эту группу составляют в основном типичные реофильные рыбы, обитатели горных и предгорных рек. Китайский равнинный ихтиокомплекс на основной территории заповедника «Бастак» представлен обитающими в русле и пойме равнинных участков рек 7 видами из отряда Cypriniformes (Карпообразные). Это конь-губарь *Hemibarbus labeo*, чебачек амурский *Pseudorasbora parva*,

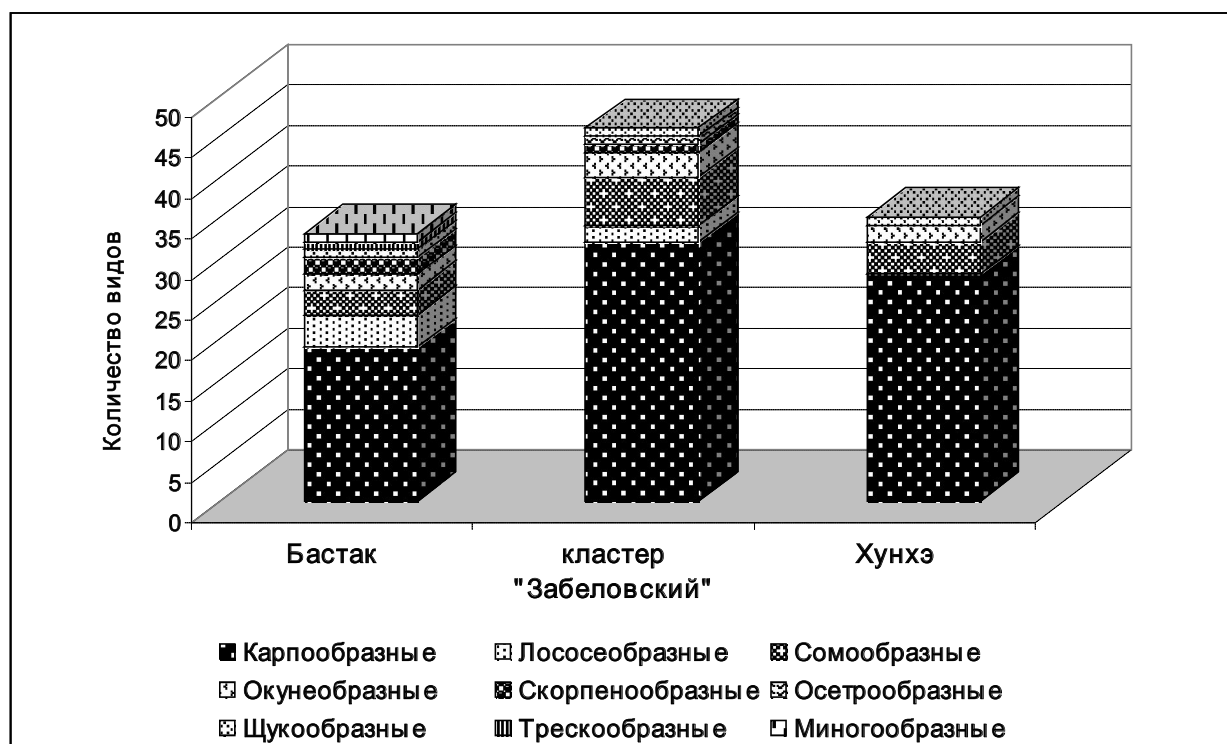

Рис. 2. Представленность видов рыб по отрядам в водоёмах заповедников «Бастак» (с кластером «Забеловский») и «Хунхэ»

Fig. 2. Distribution of fish species in orders in natural water bodies of the Bastak (with the cluster of Zabelovsky) and Honghe reserves

амурский подуст-чернобрюшка *Xenocypris macrolepis* и др. (семейство Cyprinidae), а также восьмиусый голец Плеске *Lefua pleskei*, представитель семейства Balitoridae. К третичной равнинной ихтиофауне на данном участке относится 7 видов рыб. Это ручьевая минога *Lampetra reissneri* (отряд Petromyzoniformes, семейство Petromyzonidae), амурский язь (чебак) *Leuciscus waleckii*, амурский сазан *Cuprinus carpio haemotopterus* (отряд Cypriniformes), амурский сом *Silurus asotus* (отряд Siluriformes) и др. Большинство видов этой группы – амурский язь, сазан, обыкновенный горчак, амурский сом – эврибионты, могут обитать в широком экологическом диапазоне. К индо-африканскому ихтиокомплексу относятся 4 вида рыб, представителей 2 отрядов: Siluriformes (Сомообразные), семейство Bagridae – китайская косатка-скрипун *Tachysurus fulvidraco*, косатка-крошка *Tachysurus mica*; Perciformes (Окунеобразные), семейство Odontobutidae – ротан-головёшка *Percottus glenii*, семейство Channidae – змееголов *Channa argus*. В остальных 3 фаунистических ихтиокомплексах представлено по 1 виду рыб. Из ихтиофауны тихоокеанского происхождения это кета *Oncorhynchus keta*, отряд Salmoniformes (Лососеобразные), семейство Salmonidae. Из рыб пресноводно-арктического происхождения в заповеднике обитает налим *Lota lota*, отряд Gadiformes (Трескообразные), семейство Lotidae. Ихтиокомплекс рыб морского происхождения представлен китайской колюшкой *Pungitius sinensis*, отряд Gasterosteiformes (Колюшкообразные), семейство Gasterosteidae.

Основная группа рыб в кластере «Забеловский» – рыбы китайского равнинного комплекса, 20 видов (верхогляд *Chanodichthys erythropterus*; кони *Hemibarbus maculatus* и *H. labeo*; востробрюшка *Hemiculter leucisculus* и *H. lucidus*; толстолоб *Hypophthalmichthys molitrix*, пёстрый толстолобик *Aristichthys nobilis*, белый амурский лещ *Parabramis pekinensis*, белый амур *Ctenopharyngodon idella*, подуст-чернобрюшка *Xenocypris macrolepis*, желтощёк *Elopichthys bambusa* и др.). Вторая группа – представители бореальной фауны (9 видов) – амурская щука, серебряный карась, голянь озёрный *Phoxinus phoxinus mantschuricus* и т.д. Третья группа – представители древней третичной фауны (8 видов) – вьюн *Misgurnus mohi*, сазан, язь амурский, амурский сом и т.д. Кроме того, в озере и прилежащих водоёмах обитают 6 представителей южной индо-африканской фауны (змееголов, 3 вида сомов-косаток рода *Tachysurus*, уссурийская косатка *Pelteobagrus ussuriensis*, ро-

тан-головёшка), морского происхождения (ауха *Siniperca chuatsi*), тихоокеанского ихтиокомплекса (кета) и северного пресноводно-арктического комплекса (амурский сиг *Coregonus ussuriensis*).

В ихтиофауне заповедника «Хунхэ» основная группа – рыбы китайского равнинного комплекса – 15 видов, 43% разнообразия ихтиофауны (конь пёстрый, востробрюшка корейская, пёстрый толстолобик, белый амурский лещ, белый амур, подуст-чернобрюшка, желтощёк и др.). Вторая группа – представители бореальной фауны, 9 видов рыб (26%), такие как амурская щука, серебряный карась, голянь озёрный и т.д. Третья по числу видов группа – рыбы третичной равнинной фауны, 7 видов (20%) (амурский обыкновенный пескарь *Gobio gobio synocephalus* (Dibouwski, 1869), змеиевидный вьюн, амурский сом и др.). Кроме того, здесь обитают представители южной индо-африканской фауны – 4 вида (11%) из отрядов Siluriformes и Perciformes (косатка-скрипун, уссурийская косатка, ротан-головёшка, змееголов) (рис. 3).

Ихтиоценозы разных биотопов заповедника различаются как по видовому составу, так и по количеству таксонов. На основной территории заповедника распространены водные биотопы горных верховий рек (Кирга, Икура, Бастак, Сореннак), рек предгорного типа (Ин), малых равнинных рек (Глинянка, Митрофановка), крупных старичных озёр (Большое, Быдырское и др.) и мелких маревых озёр [2]. Наибольшее разнообразие наблюдается в ихтиоценозе пойменных водоёмов кластерного участка «Забеловский» [4]. Однородность ихтиофауны заповедника «Хунхэ» обусловлена комплексом ценотических условий малых равнинных рек второго и третьего порядка (р. Нонг Цзян, р. Волулан) и водно-болотных угодий в их бассейне. Отсутствие значительного количества равнинных русловых видов рыб, проникающих в сходные по условиям водоёмы кластера «Забеловский», обусловлено отдалённостью территории заповедника «Хунхэ» и его рек от русла р. Амур (более 60 км). Так же, как и в ихтиофауне заповедника «Бастак», в ихтиофауне заповедника «Хунхэ» наиболее широко представлен отряд Cypriniformes (75% видового состава).

Земноводные (Amphibia) и Пресмыкающиеся (Reptilia)

Герпетофауна заповедника «Бастак» составляет 11 видов, представителей 2 классов (земноводные и пресмыкающиеся), 4 отрядов, 8 семейств. Герпетофауна заповедника «Хунхэ» включает 7 видов, представителей 2 классов, 3 отрядов, 5 семейств (рис. 4).

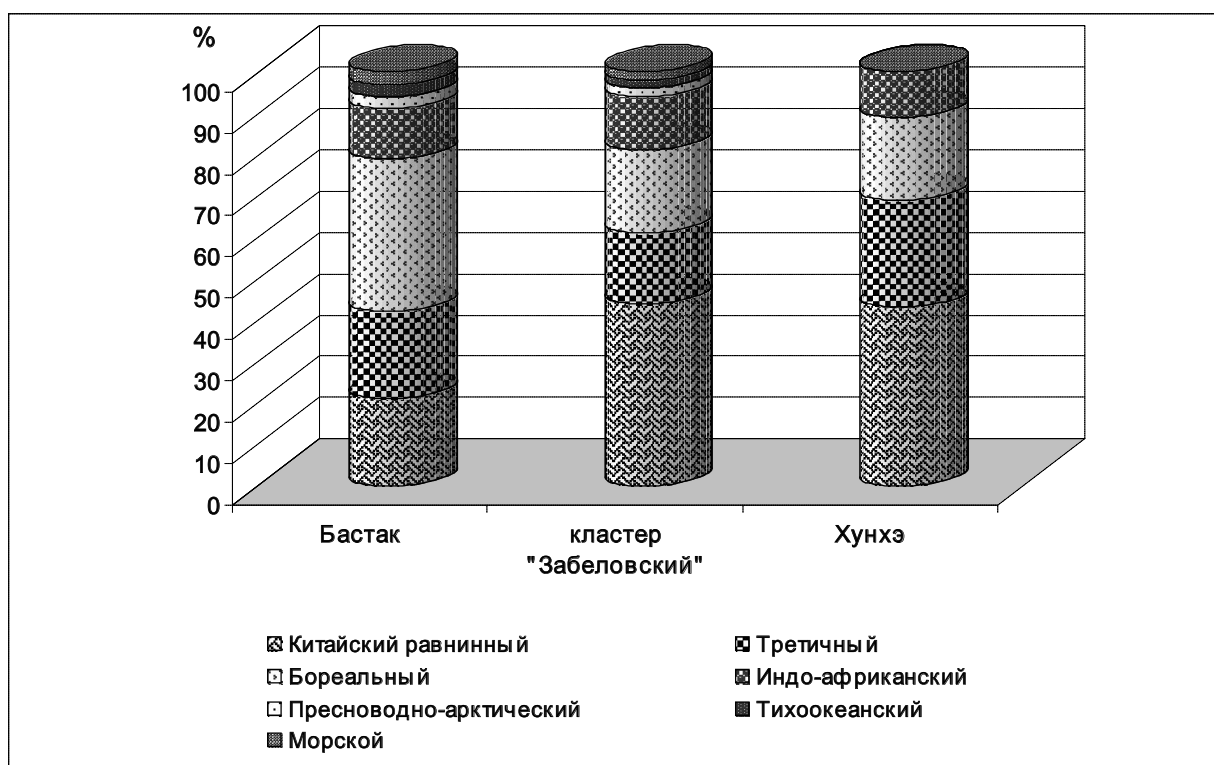

Рис. 3. Представленность зоогеографических ихтиокомплексов в водоёмах заповедников «Бастак» (с кластером «Забеловский») и «Хунхэ»

Fig. 3. Ichthyocomplexes in natural water bodies of the Bastak (with the cluster of Zabelovsky) and Honghe reserves

В заповеднике «Бастак» на данный момент подтверждено обитание 7 видов земноводных. Из отряда хвостатых земноводных (Caudata) – это представитель семейства Hynobiidae (Углозубые) сибирский углозуб *Salamandrella keyserlingii* Dybowski, 1870. В заповеднике «Хунхэ» отмечено 6 видов земноводных. Семейство Hynobiidae (Углозубые) отряда Caudata представлено здесь углозубом Шренка (приморским) *Salamandrella schrenckii* Strauch, 1870.

Отряд бесхвостых земноводных (Anura) представлен в заповеднике «Бастак» 6 видами. Это дальневосточная жаба *Bufo argarizans* Cantor, 1842, монгольская жаба *Bufo raddei* Strauch, 1876, семейство Bufonidae (Жабы); дальневосточная квакша *Hyla japonica* Guenther, 1859, семейство Hylidae (Квакши); сибирская лягушка *Rana amurensis* Boulenger, 1886, дальневосточная лягушка *Rana dybowskii* Guenther, 1876, чернопятнистая лягушка *Rana (Pelophylax) nigromaculata* Hallowell, 1861, семейство Ranidae (Лягушки).

Из бесхвостых земноводных отряда Anura в заповеднике «Хунхэ» встречаются дальневосточная жаба *Bufo argarizans* Cantor, 1842, монголь-

ская жаба *Bufo raddei* Strauch, 1876, семейство Bufonidae (Жабы); дальневосточная квакша *Hyla japonica* Guenther, 1859, семейство Hylidae (Квакши); сибирская лягушка *Rana amurensis* Boulenger, 1886, чернопятнистая лягушка *Rana (Pelophylax) nigromaculata* Hallowell, 1861, семейство Ranidae (Лягушки).

Отсутствие в водно-болотных угодьях китайского резервата дальневосточной лягушки сомнительно, возможно, этот вид, обитающий там в незначительном количестве, ещё не найден.

В заповеднике «Бастак» обитает 4 вида пресмыкающихся, на территории заповедника «Хунхэ» на данный момент установлено обитание 1 вида пресмыкающихся. В протоках и озёрах кластера «Забеловский» единично может встречаться дальневосточная черепаха (трионикс) *Pelodiscus sinensis* (Wiegmann, 1835), отряд Testudines (Черепахи), семейство Softshellturtles – Trionychidae (Мягкотелые черепахи). Из отряда Squamata (Чешуйчатые) в заповеднике обитают живородящая ящерица *Zootoca vivipara* Jacquin, 1787, семейство Lacertidae (Настоящие ящерицы); узорчатый полоз *Elaphe dione* (Pallas, 1773), семейство Colub-

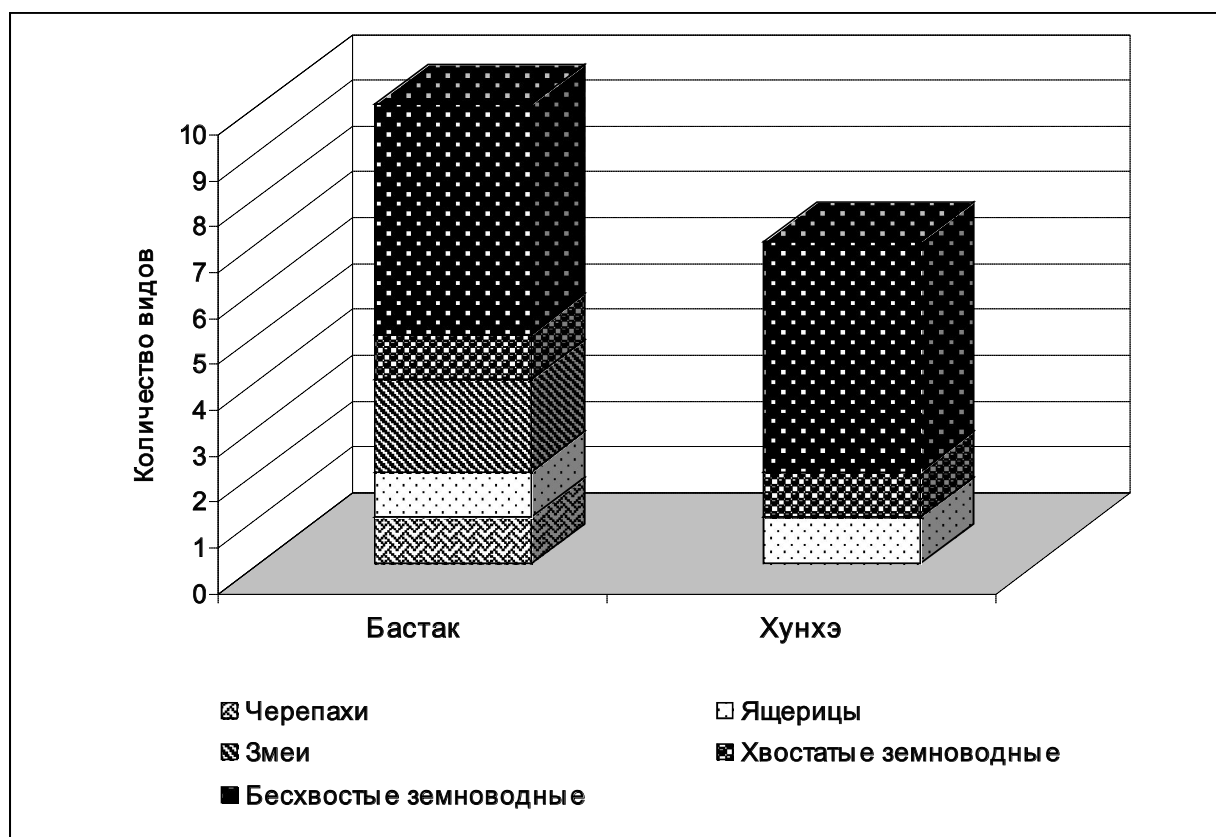

Рис. 4. Герпетофауна заповедников «Бастак» и «Хунхэ»

Fig. 4. Gerpetofauna of the Bastak and Honghe reserves

ridae (Ужеобразные); уссурийский щитомордник *Agkistrodon ussuriensis* (Emelianov, 1929), семейство Viperidae (Гадюковые).

В заповеднике «Хунхэ» обитает ящерица амурская долгохвостка *Takydromus amurensis* Peters, 1881, отряд Squamata (Чешуйчатые), семейство Lacertidae (Настоящие ящерицы) (рис. 4).

Птицы (Aves)

К орнитофауне заповедника «Бастак» относятся представители 19 отрядов, 55 семейств. Видовой состав птиц территории заповедника, по данным А.А. Аверина, включает на сегодняшний день 271 вид, что составляет около 88% видового состава птиц ЕАО [1].

Птицы заповедника различаются как по видовому составу, так и по количеству таксонов. В заповеднике отмечены птицы 9 разных групп по их географическому распространению и происхождению. Преобладают виды птиц, сформировавшиеся и имеющие широкое распространение в Палеарктике – 64 вида, в Приамурье (Забайкалье, Маньчжурия, Корея, Япония, Сахалин) – 59, в Сибири (Северной Азии) – 39. Также много видов птиц трансконтинентального (голарктиче-

ского) распространения (встречающиеся в умеренной и тропической зонах Евразии и Северной Америки) – 34, выходцев из Индокитая (Южной, Юго-Восточной Азии) – 28, Арктики (зона тундры, лесотундры и северной тайги вокруг Северного Ледовитого океана) – 21, Центральной Азии (Монголия, Тибет, юг Сибири, Туркестан) – 16, Берингии (Охотоморье, Камчатка, Чукотка, Аляска) – 7, Европы – 3 вида (рис. 5).

В резервате «Хунхэ» преобладают птицы широкого палеарктического распространения и происхождения – 60 видов, приамурских – 54 вида, сибирских – 34, трансконтинентальных – 26, индокитайских – 23, арктических – 13, центрально-азиатских – 12. В резервате пока не обнаружены виды берингийского и европейского происхождения (рис. 5), что указывает на недостаточную степень исследования и обеднённость орнитофауны резервата. Таким образом, в обоих резерватах орнитофауна расположена в одном географическом районе, имеет сходный состав и историю происхождения.

По количеству видов заповедника «Бастак» наиболее представлена орнитофауна водопла-

вающих и околоводных птиц, включающая 90 видов. Это представители следующих отрядов, семейств и родов. Многочисленными являются отряды Гусеобразные *Anseriformes*, Гагарообразные *Gaviiformes*, большинство видов Ржанкообразных *Charadriiformes*, Поганкообразные *Podicipediformes*, Голенастые *Ciconiiformes*, Пеликанообразные *Pelecaniformes*; семейства Пастушковые *Rallidae*, Ласточковые *Hirundinidae*, Трясогузковые *Motacillidae*.

В редколесьях и перелесках (в лесах, на лугах, болотах, по берегам водоёмов) обитают 75 видов птиц – это тетерев *Lyrurus tetrix*, перепелятник *Accipiter nisus*, ястребиный сарыч *Butastur indicus*, беркут *Aquila chrysaetos*, большой подорлик *Aquila clanga*, чёрный журавль *Grus monacha*, большая горлица *Streptopelia orientalis*, кукушковые *Cuculus*, филин *Bubo bubo*, иглохвост *Hirundapus caudacutus*, сибирский жулан *Lanius cristatus*, дрозд Науманна *Turdus naumanni*, соловей красношейка *Luscinia calliope*, синехвостка *Tarsiger cyanurus*, восточная малая мухоловка *Ficedula (parva) albicilla*, пятнистый (зелёный) конёк *Anthus hodgsoni* и т.д.

Виды лесных ценозов (58 видов) относятся к семействам скворцовые *Sturnidae*, свиристелевые *Bombycillidae*, ополовники *Aegithalidae* и синицевые *Paridae*, большинство видов из семейств врановые *Corvidae*, завирушковые *Prunellidae*,

славковые *Sylviidae*, вьюрковые *Fringillidae*, овсянковые *Emberizidae*. Это рябчик *Tetrastes bonasia*, дикуша *Falcapennis falcapennis*, тетеревиный *Accipiter gentilis*, малый перепелятник *Accipiter gentilis*, восточный канюк *Buteo japonicus*, вальдшнеп *Scolopax rusticola*, горный дупель *Gallinago solitaria*, ширококрылая кукушка *Hierococcus (fugax) hyperythrus*, ошейниковая совка *Otus bakamoena*, большой пёстрый дятел *Dendrocopos major*, трёхпалый дятел *Picoides tridactylus*, кукушка *Perisoreus infaustus*, кедровка *Nucifraga caryocatactes*, короткохвостка *Urosphena squameiceps*, обыкновенный поползень *Sitta europaea*, обыкновенная пищуха *Certhia familiaris*, большинство видов семейства дроздовых *Turdidae* и весь род настоящих мухоловок *Muscicapa*, желтогорлая овсянка *Cristemberiza elegans*, таёжная овсянка *Ocyris tristrami*.

На лугах и болотах обитают 40 видов, относящихся к семействам фазановые *Phasianidae* и соколиные *Falconidae*, трёхпёрстковые *Turnicidae*, родам коршуны *Milvus*, луни *Circus*, большинство видов рода бекасов *Gallinago*. Типичными представителями данного комплекса являются зимняк *Buteo lagopus*, белая сова *Nyctea scandiaca*, болотная сова *Asio flammeus*, клинохвостый сорокопут *Lanius sphenocercus*, даурская галка *Corvus dauuricus*, грач *Corvus frugilegus*, певчий сверчок *Locustella certhiola*, бурая пеночка *Phylloscopus*

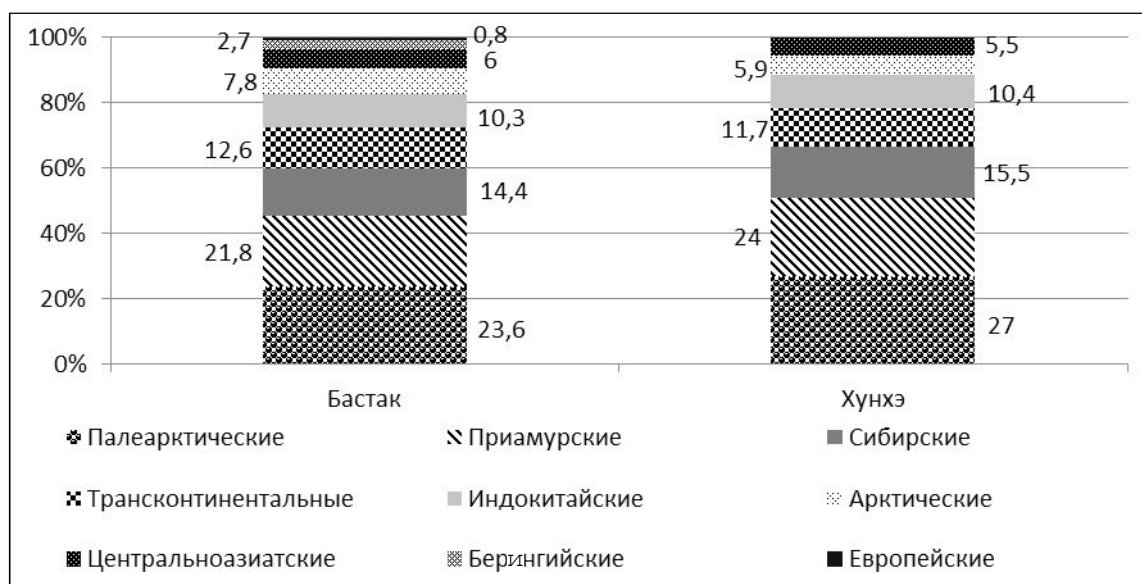

Рис. 5. Представленность орнитофауны по географическому распространению и происхождению в заповедниках «Бастак» и «Хунхэ»

Fig. 5. Avifauna, represented by its geographical distribution and origin in the Bastak and Honghe reserves

fuscatus, восточный чекан *Saxicola maurus*, ошейниковая овсянка *Emberiza fucata*, дубровник *Ocyris aureolus*, *Calcarius lapponicus*, пуночка *Plectrophenax nivalis* и др.

Обитающих только в (на) постройках человека 8 видов – это сизый голубь *Columba livia*, белопопый стриж *Apus pacificus*, большая синица *Parus major*, деревенская ласточка *Hirundo rustica*, сибирский вороник *Delichon lagopodum*, рыжепопая ласточка *Cecropis daurica*, домовый воробей *Passer domesticus*, полевой воробей *Passer montanus* (рис. 6).

Орнитофауна китайского резервата представлена птицами различных ценозов или объектов: водоёмов – 71 вид, перелесков и редколесий – 70, лесных – 45, лугов и болот – 31, человеческих построек – 5 видов (рис. 6).

Частота встречаемости видов в заповеднике различна, можно выделить 6 категорий: многочисленные птицы (встречается не менее 10 тыс. особей в год) – 16 видов, обычные (от 1 до 10 тыс. особей в год) – 82 вида, немногочисленные (от 100 до 500 особей в год) – 49 видов, редкие (от 10 до 100 особей в год) – 110 видов, очень редкие (до 10 особей в год) – 13 видов, вымершие (не отмечаются более 30 лет) – 1 вид (рис. 7). Численность видов в резервате неодинакова и её можно разделить на 6 категорий: многочисленные птицы – 10 видов, обычные – 82, немногочисленные – 50, редкие – 69, очень редкие – 10, вымершие – 1 вид (рис. 7).

По статусу пребывания орнитофауны заповедника можно разделить на 6 категорий: гнездящиеся – 169 видов, пролётные не гнездящиеся – 69, зимующие не гнездящиеся – 17, залётные – 13, с неопределённым статусом – 2 вида, вымершие – 1 вид (рис. 8). По статусу пребывания орнитофауны резервата можно разделить на 5 категорий: гнездящихся – 129 видов, пролётных не гнездящихся – 70, зимующих не гнездящихся – 17, залётных – 5, вымерших – 1 вид (рис. 8).

Основные отличия орнитофауны резервата «Хунхэ» по статусу и характеру пребывания в меньшем числе гнездящихся видов (на 25%) и в меньшем числе редких видов (на 40%), чем в заповеднике «Бастак». В целом же орнитофауна резервата «Хунхэ» в сравнении с заповедником «Бастак» является более однородной и обеднённой, что обусловлено комплексом ценотических условий, а именно однообразием ландшафтов, малым числом биотопов, значительной антропогенной нагрузкой по границам кластера и внутри него.

Млекопитающие (Mammalia)

К млекопитающим заповедника «Бастак» относятся представители 6 отрядов, 15 семейств. Видовой состав включает на сегодняшний день 55 видов млекопитающих (зверей), что составляет около 82% видового состава зверей ЕАО (не менее 67 видов). К териофауне резервата «Хунхэ» относятся представители 6 отрядов, 12 семейств.

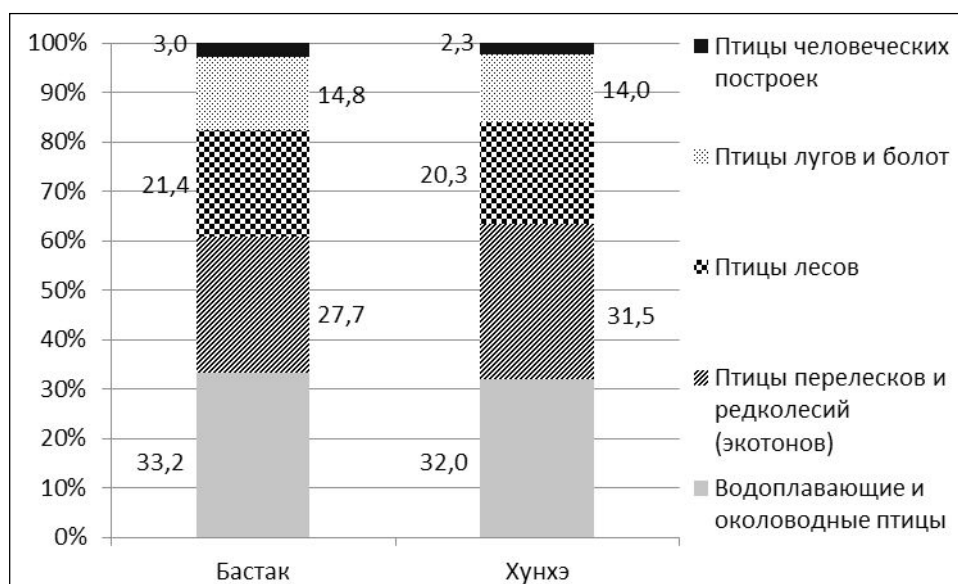

Рис. 6. Представленность птиц по типам угодий в заповедниках «Бастак» и «Хунхэ»

Fig. 6. Distribution of birds by land types in the reserves of Bastak and Honghe

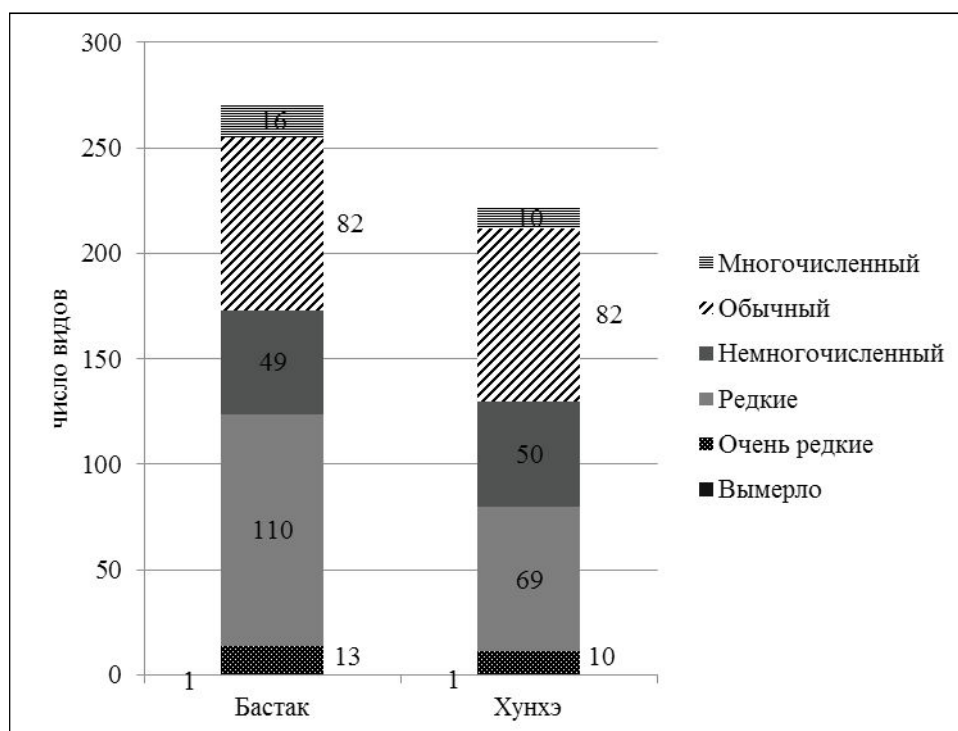

Рис. 7. Представленность птиц по численности в заповедниках «Бастак» и «Хунхэ»

Fig. 7. Distribution of birds by the number in the reserves of Bastak and Honghe

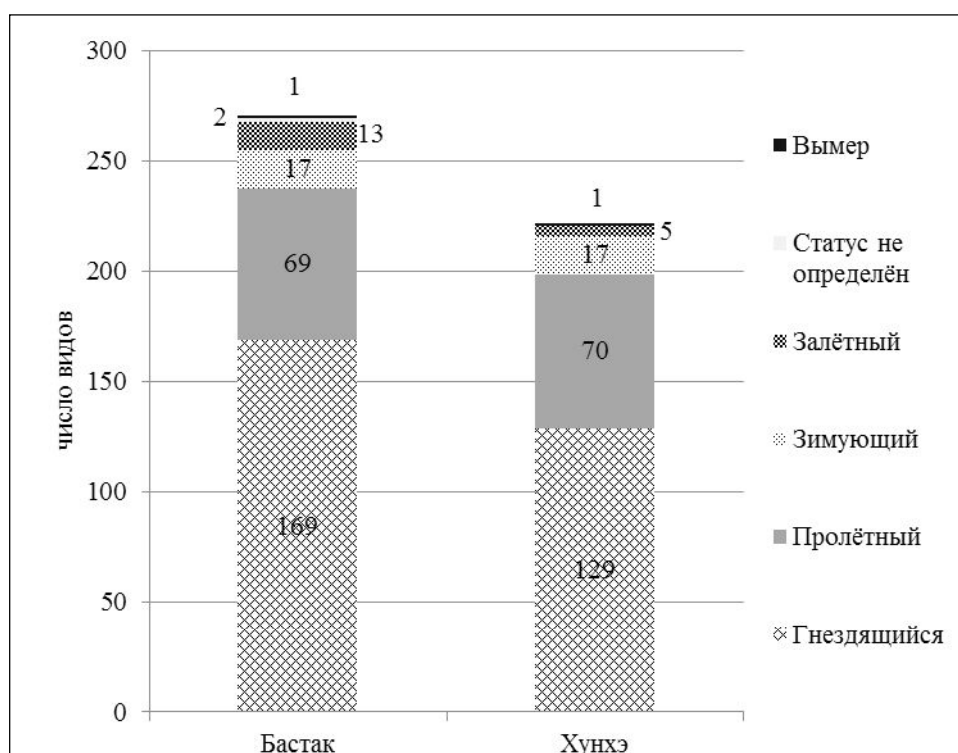

Рис. 8. Представленность птиц по статусу пребывания в заповедниках «Бастак» и «Хунхэ»

Fig. 8. Distribution of birds according to their status of stay in the reserves of Bastak and Honghe

В заповеднике «Бастак» отмечены звери 8 разных групп по их географическому распространению и происхождению. Преобладают виды, сформировавшиеся и имеющие широкое распространение в Палеарктике – 16 видов, в Восточной Азии – 10 видов, в Приамурье (Забайкалье, Маньчжурия, Корея, Япония, Сахалин) – 8, в Сибири (Северной Азии) – 8. Отмечается значительное количество видов трансконтинентального (голарктического) распространения (встречающиеся в умеренной и тропической зонах Евразии и Северной Америки) – 7, выходцев из Индокитая (Южной, Юго-Восточной Азии) – 2, Северной Америки (но распространенных по всей Голарктике) – 2, Центральной Азии (Монголия, Тибет, юг Сибири, Туркестан) – 1 вид (рис. 10). В териофауне резервата «Хунхэ» преобладают виды широкого палеарктического распространения и происхождения – 11 видов, восточноазиатских – 10, сибирских, центрально-азиатских и трансконтинентальных (голарктических) по 3 вида, приамурских – 2 вида, индокитайских и североамериканских по 1 виду (рис. 9).

Таким образом, териофауна обоих резерватов из одного географического района, имеет сходный состав и историю происхождения. Представленность видов в разных ценозах заповедника «Бастак» следующая: обитающих повсеместно (в лесах, на лугах и на водно-болотных угодьях) –

29 видов, только в лесных угодьях отмечается 20 видов, на водных объектах – 3 вида, обитающих только на лугах и болотах – 2 вида. В заповеднике нет видов, обитающих только в постройках человека (рис. 10). В резервате «Хунхэ» доминируют виды млекопитающих, обитающих повсеместно (в лесах, на лугах и на водно-болотных угодьях), – 25 видов, обитающих только на лугах и болотах – 3 вида, обитающих только в постройках человека – 3 вида, на водных объектах – 2 вида, только в лесных угодьях – 1 вид (рис. 10).

Млекопитающих заповедника «Бастак» по частоте встречаемости можно разделить на 6 категорий: многочисленные (встречается более 1000 особей в год) – 6 видов, обычные (от 500 до 1000 особей в год) – 23 вида, немногочисленные (от 100 до 500 особей в год) – 6 видов, редкие (от 10 до 100 особей в год) – 15 видов, очень редкие (до 10 особей в год) – 3 вида, вымершие (не отмечается более 30 лет) – 1 вид (рис. 11). По частоте встречаемости виды млекопитающих заповедника «Хунхэ» относятся к 5 категориям: многочисленных – 2 вида, обычных – 13, немногочисленных – 4, редких – 14, очень редких – 1 вид (рис. 11).

В заповеднике «Бастак» отмечается 55 видов млекопитающих, при этом зверей, встречающихся только в основном кластере «Бастак», – 16 видов. Зверей, встречающихся только в кластере «Забеловский», – 2 вида, а общих для обоих кла-

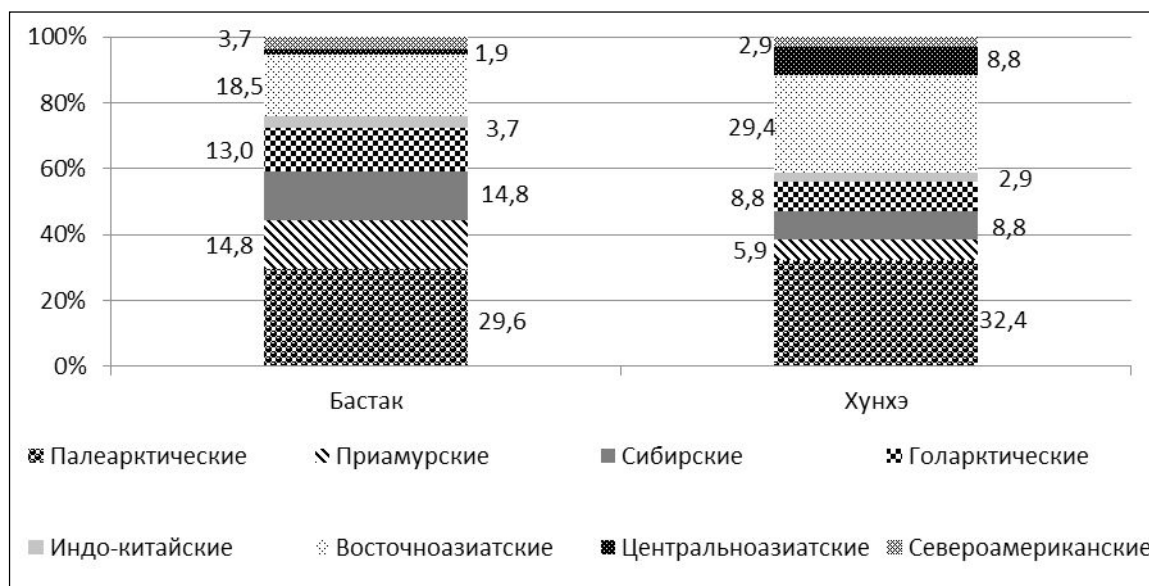

Рис. 9. Представленность млекопитающих по географическому распространению и происхождению в заповедниках «Бастак» и «Хунхэ»

Fig. 9. Distribution of mammals by geographical location and origin stay in the reserves of Bastak and Honghe

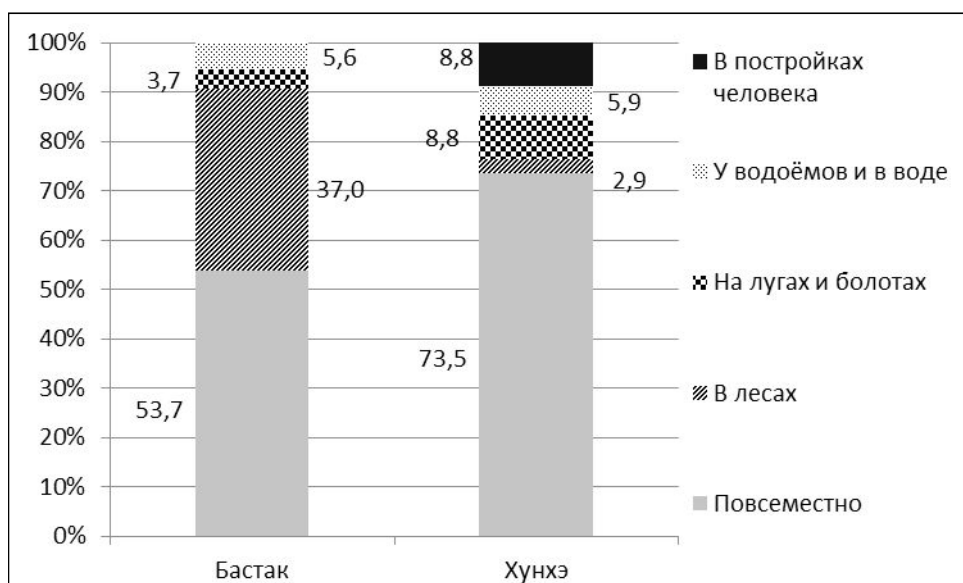

Рис. 10. Представленность млекопитающих по типам угодий в заповедниках «Бастак» и «Хунхэ»

Fig. 10. Distribution of mammals by land types in the reserves of Bastak and Honghe

стеров заповедника – 36 видов (рис. 12). Таким образом, в кластере «Бастак» обитает 52 вида зверей, а в кластере «Забеловский» отмечено 38 видов. В резервате «Хунхэ» отмечается 34 вида млекопитающих, при этом непосредственно в природной

среде обитает 31 вид, а 3 вида обитают в постройках человека – серая крыса, домовая мышь, восточный кожан (рис. 11 и 12).

Основные отличия териофауны резервата «Хунхэ» выражаются в меньшем числе видов как

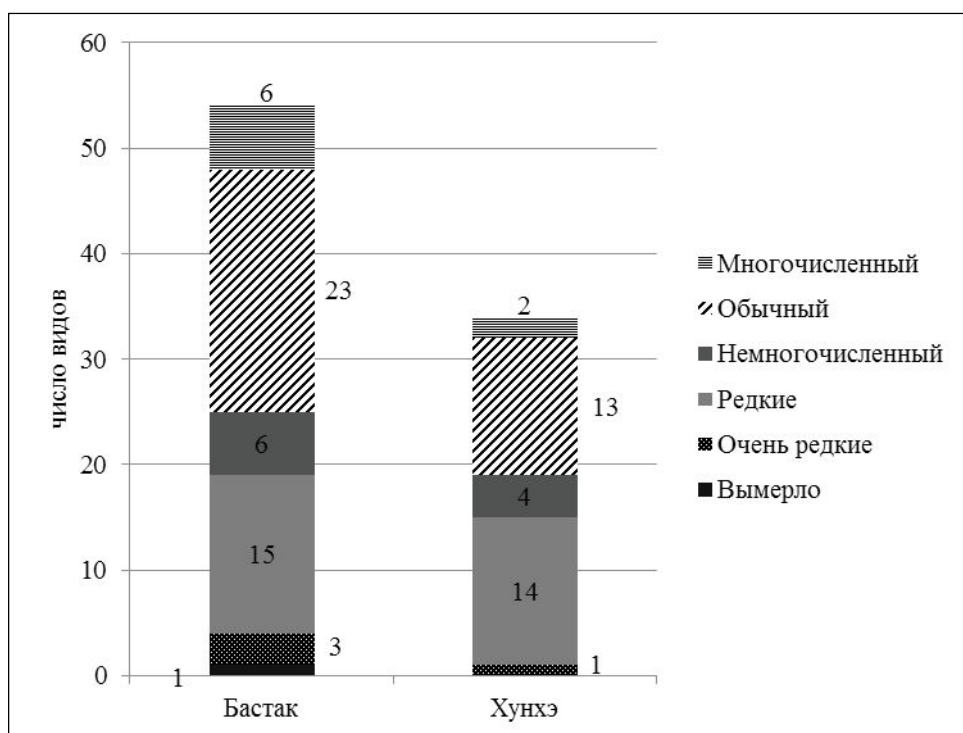

Рис. 11. Представленность млекопитающих по численности в заповедниках «Бастак» и «Хунхэ»

Fig. 11. Distribution of mammals by the number in the reserves of Bastak and Honghe

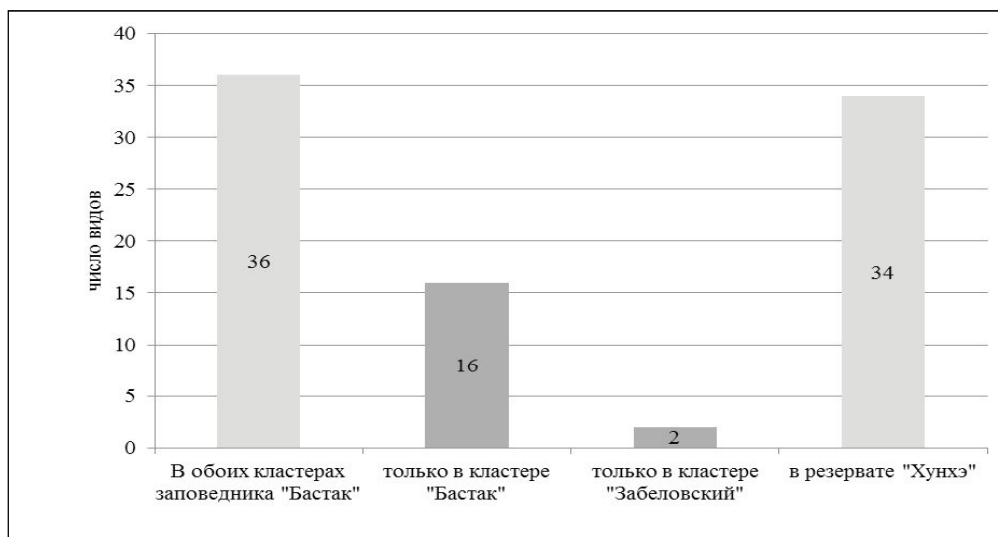

Рис. 12. Видовое разнообразие млекопитающих в заповедниках «Бастак» и «Хунхэ»

Fig. 12. Specific variety of mammals in the reserves of Bastak and Honghe

в сравнении с заповедником «Бастак» в целом (55 видов к 34 видам), так и с его кластерным участком «Забеловский» (38 видов к 34 видам) (рис. 12). Редких видов в заповеднике Хунхэ также меньше, чем в заповеднике «Бастак» (28 видов в заповеднике «Бастак» и 11 видов в кластере «Забеловский») (рис. 11, 12).

Териофауна резервата «Хунхэ» является более однородной и обеднённой, чем в заповеднике «Бастак». Это обусловлено комплексом ценотических условий: однообразием ландшафтов; малым числом биотопов и экологических коридоров, свя-

зывающих резерват с другими малонарушенными территориями в пойме р. Амур, значительной антропогенной нагрузкой по границам кластера и внутри него.

Таким образом, анализируя списки видов позвоночных животных двух резерватов, было выявлено количество общих видов и процент сходства (табл.).

Наибольший процент сходства выявлен в классах птицы (79%) и амфибии (62,5%). В первую очередь это связано со значительным сходством биотопов китайского резервата «Хунхэ» и

Таблица

Количество видов позвоночных животных в заповедниках «Бастак» и «Хунхэ», общих видов и процент сходства

Table

The number of vertebrate animal species in the reserves of Bastak and Honghe, similar species and the similarity percent

№ п/п	Группы позвоночных животных	Заповедник «Бастак»	Заповедник «Хунхэ»	Количество общих видов	Процент сходства (коэффициент Жаккара)
1.	Класс круглоротые (<i>Cephalaspidomorphi</i>)	1	–	–	0
2.	Класс рыбы (<i>Osteichthyes</i>)	58	35	33	55
3.	Класс амфибии (<i>Amphibian</i>)	7	6	5	62,5
4.	Класс пресмыкающиеся (<i>Reptilia</i>)	4	1	–	0
5.	Класс птицы (<i>Aves</i>)	271	222	215	79
6.	Класс млекопитающие (<i>Mammalia</i>)	55	34	29	54
	Всего	396	298	316	42

равнинного кластера «Забеловский» заповедника «Бастак», в которых преобладают лугово-болотные и водные ценозы. Различия же в видовом составе позвоночных животных резерватов объясняются в первую очередь наличием в заповеднике «Бастак» горных территорий, лесных сообществ, включая северные елово-пихтовые, каменисто-березовые леса. На видовом составе фауны заповедника «Хунхэ» отразилась близость с антропогенно нарушенными экосистемами, а также сельскохозяйственная деятельность в период, предшествовавший созданию резервата.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверин А.А. Новые виды птиц в орнитофауне Еврейской автономной области // Русский орнитологический журнал. 2017. Т. 26, № 1399. С. 379–382.
2. Аверин А.А., Бурик В.Н. Позвоночные животные государственного природного заповедника «Бастак»: аннотированный список видов. Биробиджан: Заповедник «Бастак», 2007. 65 с.
3. Бурик В.Н. Водные биотопы и ихтиосообщества заповедника «Бастак» // Материалы VII Дальневосточной конференции по заповедному делу. Биробиджан, 2005. С. 54–57.
4. Бурик В.Н. Ихтиофауна заповедника «Бастак» // Животный мир заповедника «Бастак». Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. С. 164–169.
5. Книжин И.Б., Антонов А.Л., Вайс С.Дж. Новый вид хариуса *Thymallus tugarinae* sp. nova (Thymallidae) из бассейна Амура // Вопросы ихтиологии. 2007. Т. 47, № 2. С. 139–156.
6. Красная книга Еврейской автономной области (позвоночные животные). Хабаровск: Изд-во «Риотип», 2004. 143 с.
7. Никольский Г.В. Рыбы бассейна Амура. М.: Просвещение, 1956. 551 с.
8. Новомодный Г.В., Золотухин С.Ф., Шаров П.О. Рыбы Амура: богатство и кризис. Владивосток: Апельсин, 2004. 64 с.
9. Позвоночные животные заповедника «Бастак» (Российская Федерация) и заповедника «Хунхэ» (Китайская народная республика). Хабаровск: Антар, 2017. 117 с.
10. Флора, микобиота и растительность заповедника «Бастак». Владивосток: Дальнаука, 2007. 283 с.
11. Черешнев И.А. Биogeография пресноводных рыб Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 1998. 131 с.
12. Шедько С.В., Шедько М.Б. Новые данные по пресноводной ихтиофауне юга Дальнего Востока России // Чтения памяти Владимира Яковлевича Леванидова. Вып. 2. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 319–336.

NATURAL CONDITIONS AND VERTEBRATES OF THE BASTAK (RUSSIA) AND HONGHE (CHINA) RESERVES: COMPARATIVE ANALYSIS

A.A. Averin, V.N. Burik, T.A. Rubtsova, Zhu Baoguang

The article presents the results of a comparative analysis of natural conditions and vertebrate animals in the Russian Bastak reserve and the Chinese reserve of Honghe. The territories under consideration are close to the Russian-Chinese border and in part they have similar climatic conditions that determine the species composition of animals. In the Bastak reserve it is revealed 395 species of vertebrate animals, while the Honghe reserve fauna is represented by only 298 species of vertebrates. In each class, the authors have identified common species of animals and determined the similarity. The greatest similarity is observed in the classes of birds (79%) and amphibians (62,5%), due to the similar biotopes for these groups of animals – primarily wetlands.

Keywords: reserve, vertebrates, monitoring, Amur River, comparative analysis.

ЭКОНОМИКА. СОЦИОЛОГИЯ. РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 339:016

БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ВОПРОСАМ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Н.П. Неклюдова, Е.А. Трушкова
Институт экономики Уральского отделения РАН,
ул. Московская 29, г. Екатеринбург, 620014,
e-mail: nnp81@mail.ru, trushkova_ea@inbox.ru

Обобщены результаты библиометрического анализа русскоязычных публикаций по вопросам исследования российского пограничья, представленные в научных журналах за 1984–2016 гг. Выявлены наиболее продуктивные авторы и коллективы, изучающие вопросы пограничья. Рассмотрена отраслевая и тематическая структура документального потока по проблеме. Проанализирована эффективность научных журналов, публикующих статьи по вопросам исследования российского приграничья.

Ключевые слова: российское пограничье, библиометрический анализ.

Тема исследования российского пограничья актуальна ввиду того, что более половины субъектов в современной России являются приграничными. Одним из подходов к исследованию этого вопроса является библиометрический анализ. Как направление в исследовании науки библиометрический подход зародился в 1960–1970-х гг. и связан с количественным анализом документальных потоков. Особенно активно он стал использоваться во многих странах мира в 1990-е гг. в связи с появлением новых информационных технологий. При библиометрическом подходе могут быть использованы легкодоступные огромные массивы информации, представленные в различных базах данных. Для библиометрического анализа русскоязычных научных публикаций по исследованиям российского пограничья нами была выбрана библиотека eLIBRARY (официальный веб-сайт проекта <https://elibrary.ru/>).

eLIBRARY – российская научная электронная библиотека, интегрированная с Российским индексом научного цитирования (РИНЦ), аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Она предназначена не только для оперативного обеспечения научных исследований актуальной справочно-библиографической информацией, но является также мощным аналитическим инструментом, позволяющим осуществлять оценку результативности и эффективности деятельности

научно-исследовательских организаций, ученых, уровень научных журналов и т.д.

С точки зрения реальных показателей цитируемости для русскоязычных авторов eLIBRARY представляет больший интерес, чем Web of Science или Scopus, поскольку в нее включено максимальное количество научных журналов на русском языке.

Расширенный поиск публикаций по исследованиям российского пограничья в поисковой системе проведен 15.05.2017. Для поиска документов были использованы разные падежные варианты словосочетаний «приграничная территория», «российское приграничье», «российское пограничье», «российское «порубежье» в названиях/заголовках научных публикаций. Термины «приграничный» и «пограничный» в настоящей работе используются как синонимы. При поиске по запросу «в названии публикации» поисковая система выдала 3356 документов. Распределение их по виду публикации приведено на рис. 1.

В процессе их изучения ставились задачи проанализировать:

- авторов и организации, которые ведут разработки по вопросам российского приграничья;
- отраслевую структуру публикаций, т.е. отрасли знания, в рамках которых исследуется проблема приграничья;
- тематическую структуру микропотока документов, т.е. наиболее актуальные вопросы.

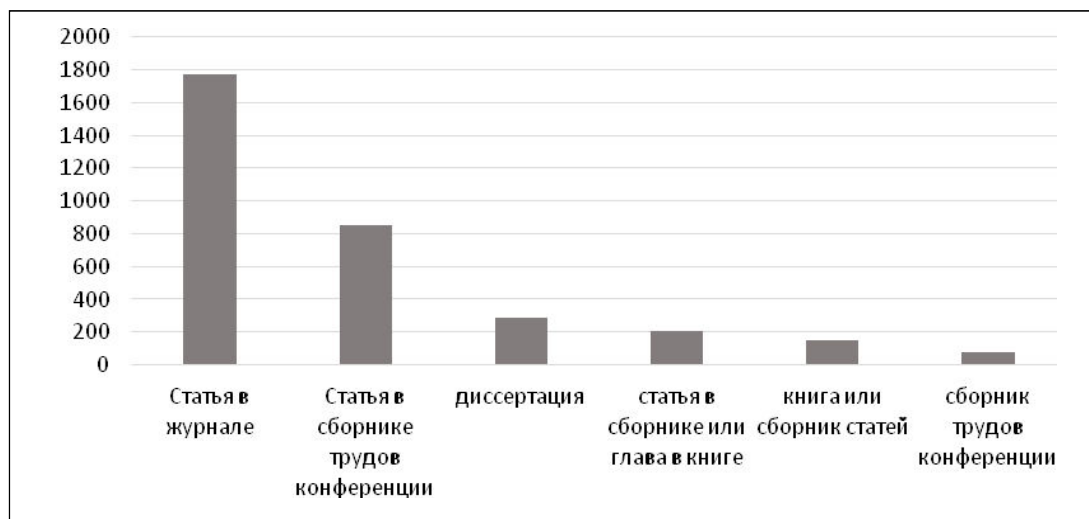

Рис. 1. Распределение научных русскоязычных публикаций по российскому приграничью 1990–2016 гг. по видам

Fig. 1. Distribution of Russian-language publications on the Russian borderland in 1990–2016, according to their types

Динамика русскоязычных публикаций в области российского приграничья приведена на рис. 2. До 1990-х гг. ежегодное количество публикаций невелико, с начала 2000-х гг. наблюдается увеличение ежегодного количества публикаций. Устойчивый рост количества публикаций по приграничью свидетельствует о вызываемом им научном и практическом интересе.

Анализ авторской структуры потока документов показывает, что к исследованиям вопросов, связанных с приграничьем, обращался широкий круг авторов. Эти люди представляют различные организации и работают в рамках разнообразных тематических направлений. Наиболее

продуктивными авторами на протяжении всего рассматриваемого хронологического периода являются А.П. Катровский, профессор Смоленского государственного университета, и сотрудники Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН Е.А. Клевакина и И.А. Забелина (табл. 1).

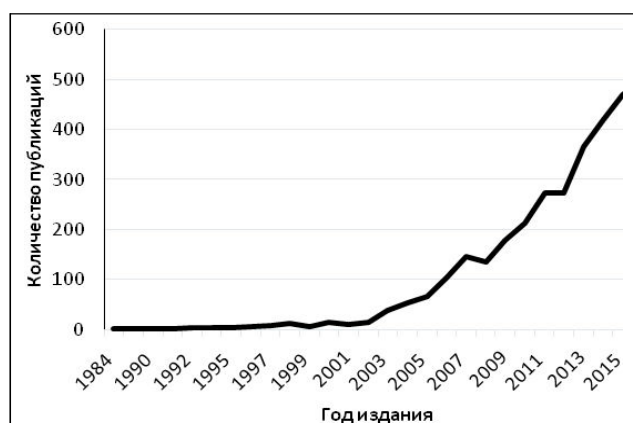

Рис. 2. Динамика публикаций по российскому пограничью с 1984 по 2016 г.

Fig. 2. Dynamics of publications on the Russian borderland in 1984–2016

Таблица 1
Авторы, наиболее активные в области исследования российского приграничья в 1990–2016 гг.

Table 1
The authors most active in the field of research on the Russian borderland in 1990–2016

№ п/п	Автор	Кол-во публикаций
1	Катровский Александр Петрович	29
2	Клевакина Екатерина Александровна	26
3	Забелина Ирина Александровна	25
4	Ридевский Геннадий Владимирович	24
5	Сапрыка Виктор Александрович	23
6	Максимова Светлана Геннадьевна	22
7	Блохин Виктор Николаевич	21
8	Божко Любовь Леонидовна	21
9	Морозова Валентина Сергеевна	21
10	Шадраков Алексей Васильевич	18

Т а б л и ц а 2
Распределение русскоязычных публикаций
1984–2016 гг. по российскому приграничью по
тематическим рубрикам базы данных РИНЦ

Table 2
Distribution of Russian-language publications on the
Russian borderland in 1990–2016, by subject headings of
the Russian science citation index database

Тематическая рубрика	Кол-во статей
Экономика. Экономические науки	1008
История. Исторические науки	363
Политика. Политические науки	266
География	245
Государство и право. Юридические науки	156
Социология	147
Языкознание	88
Культура. Культурология	60
Литература. Литературоведение. Устное народное творчество	50
Сельское и лесное хозяйство	47
Другие	926

Т а б л и ц а 3
Журналы, наиболее часто публиковавшие
с 1990 по 2016 гг. статьи по российскому приграничью
Table 3
The journals that most frequently published articles on the
Russian border from 1990 to 2016

№ п/п	Название	Кол-во публикаций
1	Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра	31
2	Вестник Забайкальского государственного университета	26
3	Региональные исследования	22
4	Балтийский регион	19
5	Региональная экономика: теория и практика	19
6	Дневник АШПИ	16
7	Псковский регионологический журнал	16
8	Современные проблемы науки и образования	16
9	Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве	16
10	ЭКО	15

Т а б л и ц а 4
Организации, наиболее активные в исследованиях российского приграничья в 1990–2016 гг.

Table 4
The organizations which were most active in the research of the Russian border in 1990–2016

№ п/п	Организация	Кол-во публикаций
1	Забайкальский государственный университет	153
2	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ	88
3	Алтайский государственный университет	87
4	Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН	75
5	Байкальский институт природопользования СО РАН	59
6	Финансовый университет при Правительстве РФ	59
7	Белгородский государственный национальный исследовательский университет	53
8	Смоленский гуманитарный университет	50
9	Санкт-Петербургский государственный университет	47
10	Институт географии РАН	45

№ п/п	Название научной работы	Автор(ы)	Число цитирований
1	Российское порубежье в условиях глобализации	Вардомский Л.Б.	92
2	Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен	Катровский А.П., Ковалёв Ю.П.	71
3	Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран. Проблемы и предпосылки устойчивого развития	отв. редакторы: Бакланов П.Я., Тулохонов А.К.	59
4	Ресурсный потенциал как фактор развития приграничного региона	Шегельман И.Р.	59
5	Приграничные и трансграничные территории как объект географических исследований	Бакланов П.Я., Ганзей С.С.	56
6	Российско-украинское пограничье. Двадцать лет разделенного единства	отв. редакторы: Колосов В.А., Вендина О.И.	44
7	Приграничное сотрудничество в свете инвестиционных процессов: пока минусов больше, чем плюсов	Глазырина И.П., Фалейчик А.А., Фалейчик Л.М.	43
8	Западное порубежье России: географические аспекты становления и развития псковского региона	Манаков А.Г., Евдокимов С.И., Григорьева Н.В.	42
9	Технологии использования отходов лесопиления для устойчивого развития приграничных регионов на севере России	Андреев А.А., Зайцева М.И., Колесников Г.Н., Чалкин А.А.	35
10	Приграничное экономическое сотрудничество: необходимость новой парадигмы	Рудаков М.Н., Шегельман И.Р.	32

Классификационные коды базы данных говорят о том, что большая часть исследований по рассматриваемой тематике проводится в области экономики (30%). Также ведутся исследования по истории (11%), политике (8%), географии (7%) и др. (табл. 2).

Журналы, наиболее часто публиковавшие с 1990 по 2016 гг. статьи по российскому приграничью, представлены в табл. 3.

Подчеркнем, что в 12% публикаций из подборки в качестве объекта изучения названо российско-белорусское пограничье. Российско-украинское пограничье рассмотрено в 9% публикаций, российско-казахстанское – в 8%, российско-китайское – в 4,5%.

Наиболее активные в области российского приграничья организации представлены в табл. 4.

Подводя итоги изучения микропотока публикаций по вопросам исследования российского при-

граничья за период с 1984 по 2016 гг., мы пришли к следующим выводам: во-первых, вопросы российского приграничья изучает широкий круг специалистов. Наиболее продуктивный автор – А.П. Катровский (табл. 5). Среди организаций, работающих по обозначенной тематике, преимущественно выделяются вузы и институты РАН. Во-вторых, круг высокопродуктивных журналов представлен такими изданиями, как «Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра», «Вестник Забайкальского государственного университета», «Региональные исследования». Наконец, анализ отраслевой и тематической структуры публикаций свидетельствует преимущественно об экономическом характере проблемы российского приграничья.

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ИЭ УрО РАН №0404-2015-0021 в ИСГЗ.

BIBLIOMETRIC ANALYSIS OF PUBLICATIONS ON THE PROBLEM OF RUSSIAN BORDER ZONE

N.P. Neklyudova, E.A. Trushkova

The article deals with the results of bibliometric analysis of publications on the problem of Russian border zone, presented in Russian-language scientific journals during 1984–2016. The most productive authors and groups that study the issues of the borderland have been revealed. It is considered both branch and thematic structure of the documentary flow on the problem. The authors analyze the productivity of scientific journals that publish articles considering the problems of Russian border area.

Keywords: *Russian border zone, bibliometric analysis.*

УДК 910.1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИГРАНИЧНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН СРЕДСТВАМИ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ И ГИС

В.А. Колосов, М.В. Зотова, А.А. Медведев

Институт географии РАН,

Старомонетный переулок 29, Москва, 119017,

e-mail: kolosov@igras.ru, zotova@igras.ru, a.a.medvedeff@gmail.com

В статье анализируются тренды и динамика социально-экономического развития территорий по обе стороны всех сухопутных российских границ (более чем 22 000 км) с использованием данных дистанционного зондирования и ГИС-технологий. Уникальность исследования заключается в обработке больших объемов данных (снимки 30-метрового разрешения и среднемасштабные топографические карты) на обширные территории и составлении карт, позволяющих анализировать данные на новом масштабном уровне. Авторы оценивают социально-экономическую ситуацию по обе стороны российских границ и контрасты между соседними территориями через призму динамики использования земельных ресурсов и плотность населенных пунктов и дорог. Сделан вывод, что приграничное пространство подвергается дальнейшей фрагментации. Процессы на «новых» (постсоветских) и «старых» границах различаются по скорости и характеру преобразований. Их асинхронность увеличивает асимметрию трансграничных взаимодействий. Периферийный характер большинства приграничных районов, депопуляция и депрессивность экономики являются серьезной проблемой для развития приграничного сотрудничества и затрудняют контакты между сопредельными территориями.

Ключевые слова: границы, дистанционное зондирование, пространственный анализ, картографирование, оценка, социально-экономическое развитие, Россия.

Актуальность

В исследованиях границ обычно выделяют два основных подхода: традиционный и постмодернистский. Первый из них фокусируется на конкретных объективных явлениях и интерпретирует границы как фундаментальные элементы международного порядка. Второй подход базируется на постмодернистской философии и рассматривает границы как динамичную и многомерную социальную конструкцию, основанную на социальных практиках, нарративах и символах [8]. В рамках обоих подходов, которые все чаще применяются в определенных комбинациях, границы рассматривают в четырех основных ракурсах – политическом, экономическом, культурном, экологическом [12]. Экономическая составляющая включает анализ фильтрующей и барьерной функции границы в пространстве потоков, взаимодополняемости ресурсов соседних территорий, их хозяйственной структуры и специализации и связана с традицией сравнительных исследований, ведущей начало с 1930-х гг. Известный французский географ Жак Ансель писал еще в 1938 г.: «Важна не сама оболочка, а то, что она окружает» [7]. В условиях глобализации, которая вызывает как интеграционные процессы, так и дальнейшую фрагментацию социального

пространства на всех уровнях, сравнительные исследования сохраняют высокую актуальность.

Уникально их значение для России, поскольку она граничит по суше с 16 государствами – больше, чем любая другая страна мира. Россия сталкивается с самыми разнообразными политическими, экономическими, культурными и экологическими проблемами, связанными с соседством с очень разными государствами – от Норвегии до Северной Кореи. Природные условия, уровень социально-экономического развития, структура экономики и культурные особенности населения, проживающего по обе стороны границы, на всей ее протяженности весьма различны.

Развал СССР создал новые государственные границы между бывшими союзными республиками, разделяя культурные ландшафты (культурный ландшафт – ключевое понятие в общественной географии, однако интерпретируемое очень по-разному в зависимости от традиций национальных географических школ и отдельных субдисциплин. В настоящей работе вслед за Р. Хартшорном оно применяется в широком смысле как синоним понятия «культурный регион»), развивавшиеся в составе одного государства на протяжении длительного времени. Постсоветские границы зна-

чительно отличаются от границ, возникших в результате Второй мировой войны или раньше [11]. Сравнение эволюции приграничных ландшафтов по разные стороны постсоветских границ показывает усиливающиеся различия в экономическом, политическом и правовом пространстве соседних стран, отражающие влияние государства на экономическую и социальную деятельность. Границы, безусловно, являются элементом «медленной географии» по сравнению с пространственными структурами потоков и географическими коммуникациями («быстрая география»).

Сравнить эволюцию культурных ландшафтов под влиянием разделительной функции границы сегодня можно не только традиционными методами сравнительно-статистического анализа, но и с помощью новых постмодернистских подходов. Экономические контрасты между соседними странами и регионами могут определять значимость границ в восприятии политических элит и в общественном мнении (*bordering*), а также в процессах формирования или сохранения национальной/этнической идентичности [9]. Экономические различия наполняют территории особым значением: богатые и бедные, Север и Юг, порядок и хаос, отражая отношения между соседями, в том числе конкуренцию, конфликты, субординацию и кооперацию [13]. Границы поддерживают экономическую конкуренцию и территориальное разделение труда, этническое и культурное разнообразие мира, а также позволяют субъектам экономической деятельности использовать различия в факторах и эффективности производства в разных странах, без чего невозможно функционирование современного мирового хозяйства.

Цели представленной статьи – во-первых, проанализировать различия в культурном ландшафте и их динамику по обе стороны всех сухопутных границ России (общей протяженностью 22 125 км); во-вторых, рассмотреть влияние новых границ, возникших в результате распада Советского Союза, на дифференциацию ранее схожих ландшафтов.

Данные и методы исследования

Современные исследования границ требуют одновременного использования традиционных и новых подходов и перехода от специальных к междисциплинарным исследованиям.

Одним из традиционных методов, используемых при изучении границ, является картографический. Однако между значительным прогрессом в исследовании границ (*border studies*) и традиционными методами их картографирования

существует значительный разрыв. Страны и регионы по-прежнему представлены на многих картах как «острова», у которых нет соседей. Статичные изображения искажают реальную картину функционирования границ как исключительно динамичного явления, зависящего от состояния двусторонних отношений между соседями и международной обстановки в целом, курса валют, соотношения цен на разные товары и других факторов трансграничного перемещения людей, товаров, капиталов и информации. Карты редко используются в качестве инструмента анализа, несмотря на быстрое развитие ГИС и дистанционного зондирования [4].

Инновации в картографировании границ можно разделить на три типа: 1) разработка новых подходов к старым темам; 2) создание карт на новые, ранее неизвестные темы; 3) использование новых методов – дистанционного зондирования, ГИС-технологий с функциями пространственного анализа, ГИС-моделирования и картографической визуализации.

Примером первого типа инноваций могут служить карты на такую традиционную тему, как морфология границ. Такие карты могут одновременно показывать не только линию границы, но и ее «возраст» и происхождение, степень совпадения с естественными рубежами, глубину контраста в социально-экономических показателях между соседними регионами и т.д. Второй тип инноваций заключается в картографировании тяготения населения, городов и человеческой деятельности к границам, соответствия государственных границ этническим границам, взаимодополняемости ресурсов приграничных районов и потенциала для трансграничного сотрудничества, асинхронности социально-экономического развития и т.д.

Третий вид инноваций – использование методов ГИС, включая пространственный анализ и данные дистанционного зондирования на разных территориальных уровнях. Полимасштабный подход к пространственным данным на разные даты дает ключ к пониманию локальных социальных процессов.

Использование ГИС-технологий и интеграция разномасштабных данных позволяют частично решить проблемы несоответствия показателей, применяемых в соседних странах, фрагментарности и неравномерной обеспеченности данными, расхождения в их значении и методах сбора, различий и изменений в административно-территориальном делении, несопоставимости территориальных единиц и т.д.

Инструменты пространственного анализа, основанные на ГИС-технологиях, помогают обрабатывать данные, охватывающие большие территории, и интерполировать их в разных масштабах для дальнейшего анализа. Данные дистанционного зондирования и результаты их автоматической и полуавтоматической обработки дают качественное представление о территории, ее развитии, использовании ресурсов и состоянии окружающей среды, являются объективным и независимым источником для ретроспективного анализа.

В настоящем исследовании ГИС-технологии использовались при обработке информации, полученной с помощью дистанционного зондирования, и пространственном анализе базовых данных с целью оценки и динамики различий между приграничными регионами России и соседними странами.

Разновременные космические снимки дали представление о типах земельного покрова. Обработка спутниковых изображений (сведение к принятой системе пространственных координат) проводилась по следующей схеме.

1. Визуальное дешифрирование с целью распознавания объектов на ключевых и эталонных участках (исключение неопределенностей). Оно выполнялось на основе готовых бесшовных мозаик снимков высокого и сверхвысокого пространственного разрешения, предоставляемых веб-картографическими сервисами Яндекс.Карты, GoogleMaps, BingMaps (Microsoft), ArcGIS. Imagery (ESRI), Геопортал Роскосмоса. Визуальные методы применялись в основном в геоинформационных программных пакетах, поэтому вполне оправдано назвать их методами геоинформационного картографирования. При декодировании применялись визуальные методы выбора правильных ссылок для автоматизированной интерпретации и проверки результатов автоматизированной обработки.

2. Автоматизированное дешифрирование (компьютерная классификация, квантование яркостей, расчет статистических сведений и др.). Обработаны снимки 30-метрового разрешения на обширные участки границы. Сочетание методов автоматизированного дешифрирования с визуальными упростило анализ и ускорило процесс.

3. Контролируемая классификация многозональных снимков с формированием обучающей выборки. Объекты распознавания – обрабатываемые и необрабатываемые земли – крайне неоднородны и включают участки с различающимися спектральными свойствами, которые могут встре-

чаться в разных комбинациях. Эта проблема была решена с помощью метода максимального правдоподобия, основанного на вероятностном подходе.

4. Генерализация растровых данных, автоматическая векторизация и редактирование результатов, визуальное уточнение по косвенным признакам (приуроченность, соседство и т.п.) с одновременным редактированием в векторном формате.

В результате были созданы карты изменений в приграничных культурных ландшафтах за 2000–2010 гг. Выбрано три ключевых элемента культурных ландшафтов: плотность дорожной сети и населенных пунктов, динамика землепользования (динамика необрабатываемых земель и лесных вырубок). Этот выбор был определен информацией, которая может быть получена как из данных дистанционного зондирования, так и из топографических карт. Наш анализ был сосредоточен на всей дорожной сети, в том числе и на грунтовых дорогах, хотя большинство трансграничных перевозок проходит по автомагистралям между крупными городами: во-первых, потому что в некоторых приграничных районах ничтожно мало дорог с твердым покрытием; во-вторых, сеть дорог с твердым покрытием часто фрагментирована: участок в хорошем состоянии следует за разбитым участком, а грунтовая дорога в районе с песчаными почвами может быть лучше, чем дорога, которая официально считается дорогой более высокого класса. Наконец, плотность всех дорог является индикатором экономической активности, а их структура создает предпосылки для трансграничных контактов на муниципальном уровне и открытия местных пунктов пропуска, предназначенных для жителей ближайших населенных пунктов.

Космические снимки дают достоверную информацию об изменении в использовании земель по категориям «обрабатываемые» и «необрабатываемые» земли, «лесная растительность» и «площади вырубок». Однако дешифрирование снимков в лесостепной и степной зонах не дает удовлетворительного результата из-за высокой доли погрешности, вызванной наличием обширных территорий с угнетенной растительностью или без нее. В связи с этим визуализация данных не проводилась на российско-казахстанской границе.

Пространственный анализ был основан на данных топографических карт масштаба 1:200 000 и 1:100 000 на исследуемых участках границ в рамках буферной зоны в 50 км. Векторизация дорог и населенных пунктов проводилась посред-

ством цифрования контуров с подложки в виде топографических карт. После оцифровки каждому объекту присваивалась атрибутивная информация. В целях актуализации данных на некоторых участках границы использовались данные сервиса Open Street Map (OSM).

Последующие этапы работ включали обработку данных в программных модулях Spatial Analyst – PointDensity и LineDensity из ArcGIS для создания регулярных сеток (полей) с ячейками 1*1 км в целях отображения распределения плотности линейных (дорожная сеть) и точечных (населенные пункты) объектов. Каждая ячейка соответствует плотности в соответствующей точке (ячейке) на местности.

Оригинальность данной методики состоит в обработке больших объемов данных (снимков 30-метрового разрешения и среднемасштабных топографических карт) на большие территории общей площадью в несколько тысяч квадратных

километров и построении карт, которые дают возможность анализировать информацию на новом масштабном уровне.

Результаты исследования и их обсуждение. Пограничье и его культурный ландшафт: инерция и динамика

Оценка территориальных контрастов и диспропорций в уровне развития приграничных районов России и соседних стран проведена на примере пяти кейсов на различных участках «старых» и «новых» российских границ, расположенных в различных природных, исторических и социальных условиях: а) с Финляндией; б) с Эстонией и Латвией; в) с Белоруссией и Украиной, г) с Казахстаном и е) с Китаем.

Российско-финское пограничье в целом – это территория с низкой плотностью населения и редкой сетью населенных пунктов. Тем не менее, на финской стороне плотность поселений значительно ниже (рис. 1), за исключением окрест-

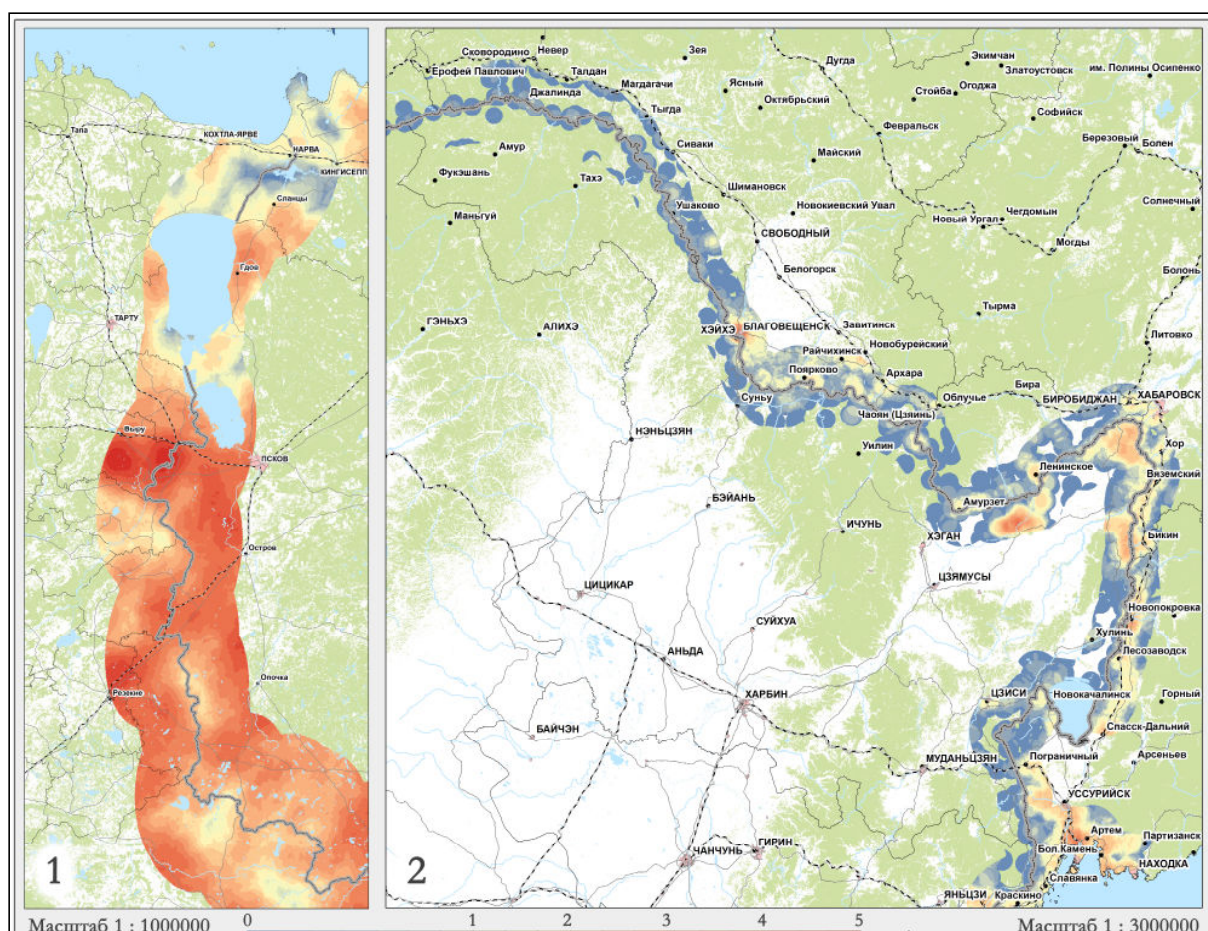

Рис. 1. Плотность сети населенных пунктов, 2014 г.
Пограничье с Эстонией и Латвией (1), Китаем (2)

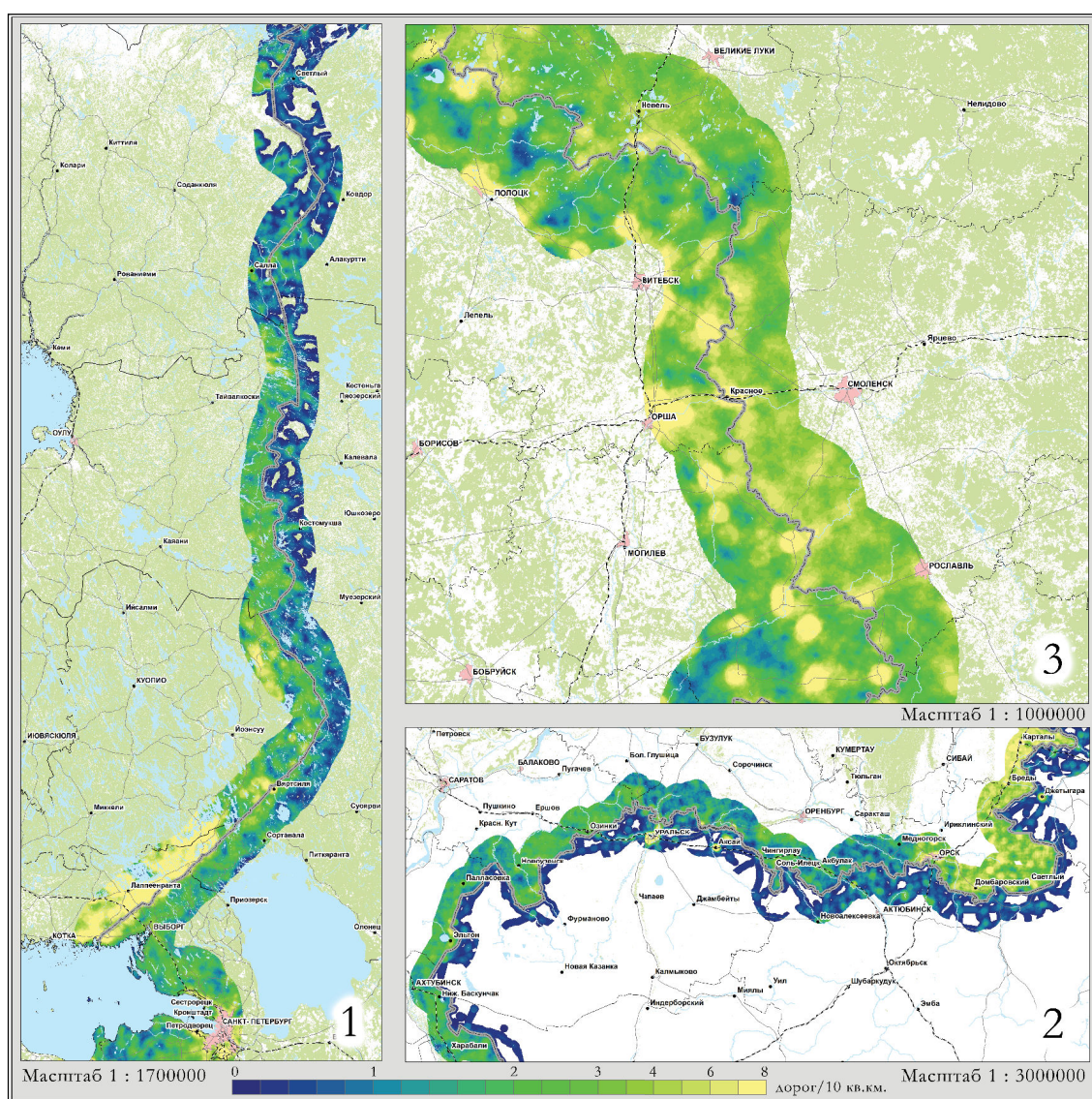
Fig. 1. Density of settlements, 2014. The border with Estonia, Latvia (1) and China (2)

ностей городов Лаппеенранта (около 72 тыс. жителей), Йознсуу. Повышенная плотность населенных пунктов наблюдается также между городами-близнецами Иматра – Светогорск. Более высокая плотность поселений с российской стороны – результат советской политики развития в северных районах самодостаточных постоянных поселений в условиях Крайнего Севера вместо освоения и эксплуатации природных ресурсов вахтовым методом.

Несмотря на более плотную сеть населенных пунктов, плотность дорог на российской стороне несравнимо реже даже в наиболее населенной южной части (рис. 2). Только ближние пригороды Санкт-Петербурга могут конкурировать в этом

отношении с южными провинциями Финляндии. Дорожная сеть в финских приграничных районах имеет другую структуру: она непрерывна и не делится на ряд отдельных «деревьев», связанных с основной осью коммуникаций в глубине территории страны. Постсоветская Россия не избавилась от фундаментальной проблемы, унаследованной от прошлого, – слабой инфраструктуры.

Контрасты в области землепользования также значительны и частично вызваны разной степенью доступности инфраструктуры (рис. 3). С российской стороны вырубки гораздо более сконцентрированы из-за нехватки дорог для вывоза древесины и неравномерности их сети, а также банкротства некоторых целлюлозно-бумажных

**Рис 2. Плотность дорожной сети, 2014 г.
Пограничье с Финляндией (1), Белоруссией (2) и Казахстаном (3)**

Fig. 2. Density of roads, 2014. The border with Finland (1), Byelorussia (2) u Kazakhstan (3)

комбинатов (ЦБК) – потребителей леса в 1990-е гг. Слабо распространены рубки ухода, которые в Финляндии охватывают практически всю лесопокрытую площадь, что объясняется, в частности, низкой производительностью и недостаточными мощностями по переработке древесины и ее низкой глубиной. В 2000-х гг. вырубки были сосредоточены в районах, близких к действующим перерабатывающим мощностям, и в целом в южной части границы с Финляндией – одним из основных импортеров российского круглого леса. Доля России в финском импорте древесины превышает 70%.

Территориальная структура лесного хозяйства на российской стороне сильно зависит от раз-

мещения финских ЦБК в приграничных районах. Лесное хозяйство Республики Карелия работает в основном на финский рынок. Цена на сырье в Финляндии значительно выше, поэтому российским производителям выгоднее экспортировать карельский лес за границу, чем поставлять его на местные предприятия [10]. В свою очередь финским лесозаготовительным предприятиям, использующим своих лесорубов, выгодно проводить вырубки вблизи границы, а не во внутренних районах Карелии, экономя на транспортных издержках. Такая ситуация противоречит интересам приграничных регионов России, так как лес продается «на корню», а Карелия получает лишь

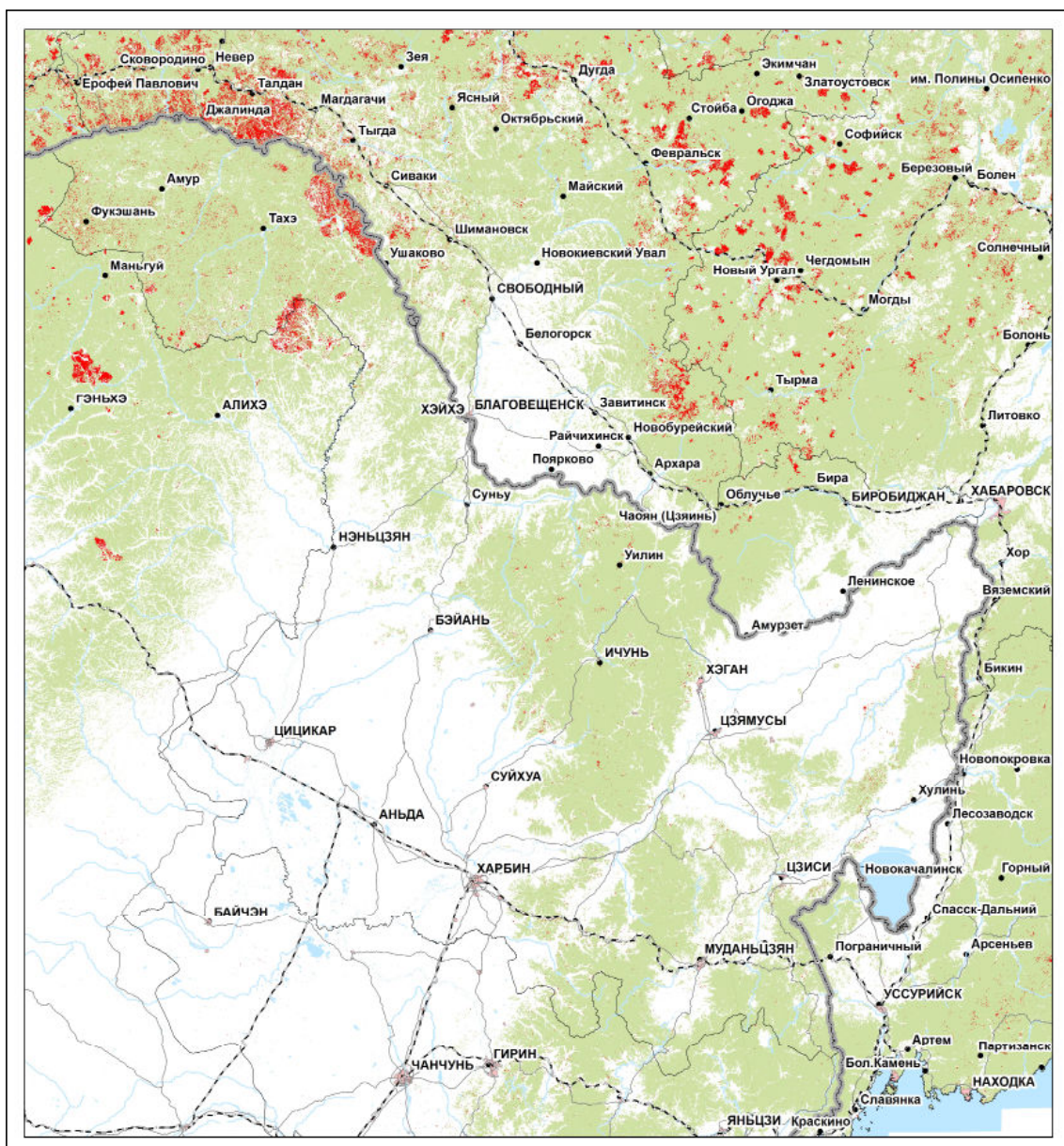

Рис 3. Обезлесение (лесные вырубки), 2000–2010. Пограничье с Китаем

Fig. 3. Deforestation, 2000–2010. The border with China

небольшую так называемую «попенную плату» от 6 до 11 дол. США за кубометр древесины.

В Финляндии более рациональная организация лесного хозяйства и его более эффективный контроль со стороны государства в сочетании с высокой плотностью дорожной сети дает возможность обеспечить равномерное распределение вырубок по территории. На финской территории преобладают рубки ухода, которые охватывают более 300 тыс. га, что существенно больше, чем в Карелии (50 тыс. га).

На границе с Эстонией и Латвией контрасты более заметны. Более высокая концентрация населенных пунктов на эстонской стороне вокруг Выру связана с сохранением традиционной хуторской системы расселения, в то время как в российском приграничье она была разрушена в годы советской коллективизации. Плотность автодорог в эстонском приграничье заметно выше, чем в российском и латвийском. Наиболее велики градиенты на участках Ивангород – Нарва, Печоры – Выру.

Как и в Финляндии, в странах Балтии так же широко распространены рубки ухода и санитарные рубки. В Латвии интенсивность рубок ухода за последние 20 лет возросла в среднем на 34,4%. Контролируемое лесопользование в Прибалтике обеспечивает более равномерное распределение вырубок по сравнению с приграничными регионами России.

В то же время в 2000 г. доля заброшенных сельхозугодий здесь была значительно выше, чем с российской стороны. После распада Советского Союза и приватизации агропромышленного комплекса к 2005 г. в Латвии были наиболее высокие показатели консервации сельскохозяйственных земель в Европе (27,6%). При этом качество далеко не всегда являлось определяющим фактором их забрасывания. Из-за проблем с правом собственности, недостаточного размера участков, неудачного расположения и т.д. в Латвии и Эстонии часто переставали обрабатывать земли среднего или даже хорошего качества [6]. Тем не менее, к 2010 г. сельское хозяйство адаптировалось к новым условиям: часть залежей была вновь введена в эксплуатацию. Наоборот, в соседней Псковской области, одной из самых бедных в России, в результате депопуляции, недостатка человеческого капитала и низкой производительности сельского хозяйства площадь заброшенных земель заметно выросла.

Контрасты в пограничье с Белоруссией и Украиной определяются системой расселения и

центр-периферийными структурами. В свою очередь, они связаны с природными условиями – расположением водосборных бассейнов, гидрографией и т.д.

Российско-белорусский участок характеризуется большей плотностью населенных пунктов, чем российско-украинский, причем поселения в лесной зоне отличаются меньшим размером. Она также выше в непосредственной близости от крупных городов и вдоль главных осей коммуникаций Санкт-Петербург – Невель – Витебск – Орша – Киев – Одесса и Москва – Смоленск – Орша – Минск – Варшава. Заметны предпосылки формирования агломерации между расположенными менее чем в 70 км друг от друга Харьковом, вторым по величине городом Украины с населением более 1,5 миллиона человек, и Белгородом, центром успешного российского региона России [3]. К сожалению, эта перспектива отложена на неопределенное время из-за событий на Украине.

В северной части приграничья с Украиной плотность поселений, как правило, выше на российской стороне, что отражает более высокую производительность сельского хозяйства и более высокие доходы. Этому соответствует и плотность дорог. Она выше на российской стороне и вблизи крупных городов – Харькова и Сум.

Особых изменений в землепользовании на белорусской и украинской сторонах в период с 2000 по 2010 гг. не происходило, в то время как в российском пограничье доля заброшенных пахотных земель увеличилась, особенно в удалении от больших городов, а также в районах с менее благоприятными почвенными и другими природными условиями.

Изменение площади пахотных земель не связано напрямую с производительностью сельского хозяйства. Их сокращение на российской стороне, особенно в Смоленской области, в отличие от соседней Белоруссии, – результат продолжительной депопуляции, упадка сельской местности и депрессивного состояния большинства нечерноземных регионов. Это показывает, что положение сельских территорий в первую очередь зависит от человеческого капитала и социальных условий в целом, а не только от агроклиматического потенциала. С белорусской стороны, в тех же природных условиях, земли более плодородны и сельское хозяйство более продуктивно [5].

Однако южнее ситуация иная. Несмотря на уменьшение площади пахотных земель, Белгородская область является одним из ведущих сельскохозяйственных регионов России, занимая первое

место в стране по производству свиного и куриного мяса, второе – по урожайности зерновых. Эффективность сельскохозяйственного производства в расчете на гектар сельскохозяйственных земель в области значительно выше, чем в соседних регионах Украины.

Российско-казахстанское пограничье гораздо слабее населено, чем западные приграничные регионы. Здесь, в засушливых и полупустынных районах, в пределах пятидесятикилометровой приграничной полосы почти нет населенных пунктов. Плотность поселений чаще всего выше на российской стороне, за исключением окрестностей Уральска, Рудного и других крупных городов Казахстана.

Это объясняется историческими причинами. Административная граница между российскими регионами и казахскими территориями во времена Российской империи представляла собой типичный фронт, который постепенно сдвигался на юг. Ее расположение обозначено линиями поселений, которые были основаны преимущественно казаками или этнически смешанным населением как крепости или укрепления. Первые линии, протянувшиеся вдоль рек, были созданы в XVIII в. Эти линии защищали поселения от набегов кочевников и служили основой колонизации земель русскими и украинскими казаками или русскими крестьянами, бежавшими от крепостного права, а также другими народами (христианизированные татары и т.д.). По соображениям безопасности и для предотвращения контрабанды поселенцам было разрешено проживание не ближе чем в 40 км от границы. Со временем укрепления утрачивали защитную функцию, а новые линии поселений появились к югу от них, что определяет линейный характер расселения.

Плотность дорог также выше на российской стороне; в некоторых районах Западного Казахстана дороги практически полностью отсутствуют. Исключение составляют лишь окрестности Уральска, бывшего центра колонизации с преимущественно русско-казацким и татарским населением, ныне центра Западно-Казахстанской области, расположенного недалеко от границы, и другого регионального центра – Актобе. Район газового месторождения вблизи города Аксай на казахстанской стороне также выделяется высокой плотностью дорог.

Как ни парадоксально, плотность населенных пунктов и дорог вдоль *границы с Китаем* в целом выше на российской стороне, хотя плотность населения здесь несравнимо ниже: всего

4,6 чел./км² в Еврейской автономной области, 1,6 – в Хабаровском и 11 – в Приморском краях, тогда как в провинции Хэйлунцзян она составляет 89, а Цилинь – 146. Такая картина объясняется тем, что наиболее важные китайские города расположены за пределами пятидесятикилометровой пограничной зоны, в то время как в России, наоборот, население тяготеет к проходящей близко от границы Транссибирской железной дороге. Российские сельские населенные пункты меньше, чем на китайской стороне. Тем не менее, есть длинные участки российско-китайского пограничья, особенно в его западной части, где большой разницы в плотности населенных пунктов между российскими и китайскими районами не наблюдается. Кроме того, плотность населенных пунктов на границе увеличивается между городами-близнецами Благовещенском – Хэйхэ, а также между Краскино и Хуньчунем.

Пространственная структура заброшенных и залежных пахотных земель здесь в период с 2000 по 2010 гг. значительно изменилась. В целом на российской стороне таких земель больше. Сельскохозяйственное производство на Дальнем Востоке никогда полностью не обеспечивало местные нужды, несмотря на депопуляцию, начавшуюся еще в постсоветское время, в то время как соседние китайские провинции входят в число основных национальных производителей мяса, молока и зерновых культур. В провинции Цилинь площадь пахотных земель насчитывает около 5 млн га, в провинции Хэйлунцзян – свыше 11 млн, что составляет около 15% пашни в Китае. Цилинь является лидирующей провинцией по поголовью скота. Характерная особенность сельского хозяйства в этой части страны – заметный вес крупных компаний в производстве мяса и молока.

На российской стороне пахотные земли концентрируются в наиболее плодородных районах, в первую очередь в центральной части Амурской области, на равнине вокруг озера Ханка и в других районах Приморского края. На остальной территории ныне существуют лишь окруженные тайгой отдельные очаги сельскохозяйственного производства. В депопулирующей Еврейской автономной области большая часть пахотных земель ныне не используется. В целом контрасты по разные стороны границы стали более заметными.

Районы массовой вырубki лесов расположены в основном на российской стороне. Они вытянуты вдоль западной части российско-китайской границы на Дальнем Востоке (Амурская область), в более населенных и освоенных районах,

многие из которых уже пройдены промышленными рубками. Одна из причин – распространение нелегальных рубок и «серый» экспорт в Китай. По оценкам экспертов WWF, более половины объема древесины, поступающей из России в Китай, имеет нелегальное или сомнительное происхождение. Такая ситуация вызвана целым рядом экономических, социальных и правовых факторов: кризисом лесного хозяйства, отсутствием достаточных мощностей по переработке древесины, низкой попенной платой, непрозрачностью отношений в лесном секторе, несовершенством законодательства и др. Слабый государственный контроль над лесопользованием и стремительно растущий спрос на древесину со стороны Китая ведут к деградации южной части дальневосточной тайги, наиболее ценной для сохранения биологического разнообразия.

С китайской стороны, наоборот, государственная политика лесопользования стала строже. После наводнений 1998 г. вырубка лесов вдоль главных рек на северо-востоке страны запрещена на 50 лет. В результате доля импорта во внутреннем потреблении древесины увеличилась с 10% в 2008 г. до 49% в 2013 г. Китайское правительство планирует в дальнейшем отказаться от заготовок в природных лесах и перейти на использование искусственных лесонасаждений [1]. Такая политика привела к увеличению спроса на импорт древесины из России.

Заключение

Использование данных дистанционного зондирования и пространственного анализа позволило «диагностировать» ситуацию на участках российской границы. Сочетание различных методов дает не только новую информацию о качественных и количественных характеристиках границ, но и новое понимание процессов, лежащих в основе динамики пограничья. Это помогает оценить соотношение между контактными и барьерными функциями каждой пары границ. Дистанционное зондирование может также использоваться для мониторинга, например, трансграничных потоков и очередей в пунктах пропуска.

Исследование российских границ и динамики использования земель в 2000–2010 гг. выявило значительную фрагментацию пограничья на всех уровнях. Эти различия особенно сильны на «старых» границах, существующих с советских или даже имперских времен (рубежи с Финляндией и Китаем). На «новых» границах, разделяющих Россию и постсоветские государства, контрасты не так заметны, поскольку территориальные

структуры сформировались здесь задолго до преобразования административных границ в рубежи между независимыми государствами. При этом плотность населенных пунктов и дорог меняется медленнее, чем землепользование, в большей степени определяющееся государственной политикой и правовыми нормами в различных областях.

Границы оказывают сильное влияние на культурные ландшафты, поскольку экономическое, правовое и политическое пространство по разные их стороны эволюционирует неравномерно, асимметрично. Сравнение изменений в площади заброшенных пахотных земель в пограничных районах Эстонии и Латвии с одной стороны и России с другой показало, что только за одно десятилетие различия в экономических и социальных процессах в соседних странах заметно изменили картину. Другими словами, различные компоненты пограничных культурных ландшафтов имеют свои специфические пространственно-временные закономерности.

В России с ее чрезвычайно протяженными границами и низкой плотностью населения пограничные территории чаще всего периферийные и изолированные. Близость к границе и периферийное положение становятся взаимно усиливающими факторами. Они ускоряют отток экономически активного населения. Сильная депопуляция отдаленных северных и восточных регионов России, в частности вдоль границы с Финляндией и Китаем, в значительной мере объясняет усиление трансграничных контрастов. Она приводит также к переориентации экономики пограничья «внутрь» своих стран, особенно в регионах вдоль «новых» границ со странами Балтии, Белоруссии и Украины, которые были еще недавно частью единого экономического пространства. Эта тенденция соответствует общему тренду «сжатия» российского пространства, то есть увеличению концентрации демографического и экономического потенциала страны в столичных регионах и крупных городах.

Периферийное положение большинства приграничных районов, сокращение числа сельских населенных пунктов, дорожной сети и сельскохозяйственных земель, а также низкая доступность являются серьезным вызовом для регионального развития и приграничного сотрудничества.

В то же время карты, составленные по данным дистанционного зондирования, показывают ряд относительно динамично развивающихся пар городов-близнецов (Светогорск – Иматра, Благовещенск – Хэйхе и др.), а также потенциальные

области региональной интеграции и оси развития вдоль основных коммуникаций, по которым преимущественно осуществляются приграничные взаимодействия.

Исследование осуществлено благодаря финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Российское пограничье: вызовы соседства» (грант № 14-18-03621, руководитель В.А. Колосов).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азарин А. Хэйлуңцзян и Цзилинь: исследование возможностей по организации бизнеса и инвестированию в приграничных с Россией провинциях Северо-Восточного Китая. URL: <http://rcsy.org/documents/research.pdf> (05.2010) (дата обращения: 10.04.2017).
2. Голунов С.В. Российско-казахстанская границы: проблемы безопасности и сотрудничества. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2005. 424 с.
3. Колосов В.А., Вендина О.И., Зотова М.В., Савчук И.Г., Гриценко А.А., Крылов М.П., Журженко Т.Ю., Кирюхин А.М., Герцен А.А. Российско-украинское пограничье. Двадцать лет разделенного единства. М.: Новый хронограф, 2011. 352 с.
4. Колосов В.А., Тикунов В.С. Политико-географическое картографирование и геоинформатика: достижения и новые задачи // Известия РАН. Сер. географическая. 2005. № 1. С. 17–23.
5. Морачевская К.А. Приграничность и периферийность как факторы социально-экономического развития приграничных с Белоруссией районов России // Региональные исследования. 2010. 4 (30). С. 61–69.
6. Alcantara C., Kuemmerle T., Baumann M., Bragina E.V., Griffiths B., Hostert P., Knorn J., Müller D., Prishchepov A.V., Schierhorn F. Mapping the extent of abandoned farmland in Central and Eastern Europe using MODIS time series satellite data. *Environmental Research Letters*, 2013, 8 (3). URL: <http://dx.doi.org/10.1088/1748-9326/8/3/035035> (дата обращения: 10.04.2017).
7. Ancel J. *Géographie des frontières*. Paris: Gallimard, 1938. 210 p.
8. Grundy-Warr C. and Schofield C. Reflections on the Relevance of Classic Approaches and Contemporary Priorities in Boundary Studies // *Geopolitics*. 2005. N 10 (4). P. 650–662.
9. Houtum H. van and van Naerssen T. Bordering, ordering and othering // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2002. N 93 (2). P. 125–136.
10. Karvinen S., Valkky E., Gerasimov Y. and Dobrovolsky A. Northwest Russian Forest Sector in a Nutshell. *Vammalan kirjapaino: Sastamala*, 2011. 138 p.
11. Kolosov V. Post-Soviet Boundaries: Territoriality, Identity, Security, Circulation. Wastl-Walter D., ed. *The Ashgate Research Companion to Border Studies*. Farnham, UK: Ashgate, 2011. P. 171–194.
12. Krasteva A. Spaces, Lines, Borders: Imagineries and Images. *Borderscapes: Imaginations and Practices of Border Making*. Brambilla C., Laine J., Scott J.W. and Bocchi G., eds. Farnham: Ashgate, 2015. P. 11–26.
13. Tamminen T. Cross-Border Cooperation in Southern Balkans: Local, National or European Identity politics? // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2004. N 4 (3). P. 399–418.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NEAR BORDER CULTURAL LANDSCAPES OF RUSSIA AND THE ADJACENT COUNTRIES BY MEANS OF REMOTE SENSING AND GIS

V.A. Kolosov, M.V. Zotova, A.A. Medvedev

The objective of the paper is to analyze the trends and the dynamics of socio-economic development in the areas on both sides of all Russian boundaries (more than 22,000 km long), using remote sensing data and GIS applications at different scales. This research is unique, as it allows processing a large amount of data (resolution of images – 30 meters, and medium-scale topographic maps) in vast areas, and the construction of maps to analyze the data on a new scale. The peripheral character of most border areas is a serious challenge for the development of cross-border cooperation. The problem of depopulation and the depressed state of economy is not conducive to the development of contacts between the neighboring territories. The authors analyze a socio-economic situation on both sides of the Russian borders and the contrasts between neighboring territories based on the structure and dynamics of environmental management and the density of settlements and roads. The authors come to the conclusion that the border space experiences further fragmentation. The processes on the «new» (post-Soviet) and «old» borders differ by their fluency and the character of transformations. Their asynchrony provokes the asymmetry of cross-border interactions.

Keywords: borders, remote sensing, spatial analysis, mapping, assessment, socio-economic development, Russia.

УДК 316.65+316.34

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАЦИИ, НЕКОРЕННОМУ НАСЕЛЕНИЮ И КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ И АНАЛИЗА СМИ)

Н.П. Гончарова, Н.В. Вараксина
Алтайский филиал РАНХиГС,
ул. Партизанская 187, г. Барнаул, 656008,
e-mail: g-natalia@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического социологического исследования отношения местного населения к миграции, некоренному населению и культурной интеграции в приграничном регионе на примере Алтайского края. Описываются характер межэтнических отношений и существующие мигрантофобии. Показано, что на формирование негативных общественных реакций в отношении мигрантов влияют не только средства массовой информации, но и относительно устойчивые этнические стереотипы, а также уровень самодовольственности населения индивидуальными условиями жизни.

Ключевые слова: миграция, отношение к мигрантам, культурная интеграция, некоренное население, мигрантофобии.

Актуальность (постановка проблемы)

Международные миграции населения, особенно трудовые, являются сегодня одной из форм сотрудничества разных стран. Особой интенсивности это сотрудничество достигает в приграничных регионах, которые находятся в контактной зоне и испытывают наибольшее влияние соседского географического положения на социально-экономические, культурно-бытовые и другие аспекты жизнедеятельности населения [5].

Безусловно, миграционные процессы во многом определяют современное состояние и перспективы социально-экономического развития как страны в целом, так и ее регионов, в частности приграничных. Помимо включенности в экономическую сферу мигрантские сообщества в определенной степени помогают преодолеть проблему существенного сокращения населения трудоспособного возраста, особенно его молодой части, которое практически вымывается из этих регионов [3]. В силу того, что сфера труда и занятости в приграничных регионах не обладает достаточными возможностями по ее эффективному использованию, население ищет возможности трудоустройства за пределами своего региона или даже страны. В сложившихся условиях приток трудовых иммигрантов из соседних стран происходит параллельно с нарастающим оттоком из приграничных регионов постоянного населения, т.е. происходит весьма неадекватное замещение

населения по различным социально-демографическим и этническим признакам, нарушается социально-культурное равновесие в регионе [5].

Рассматриваемые процессы не могут не влиять на изменение отношения местного населения к некоренному населению и мигрантам. В настоящее время выделяют две группы факторов межэтнического взаимодействия: на уровне оценки принимающей территории, на уровне межличностных и межгрупповых отношений. Ко второй группе относятся социально-психологические, культурные и этнокультурные, ситуативные, а также функциональный и историко-географический факторы [6].

Кроме того, важным фактором воздействия на общественное мнение и представление о миграции, межэтнические установки и общественные настроения являются информационные потоки. Массовая информация, поступающая из различных источников, особенно медиа, оказывает большое влияние на формирование определенных мировоззренческих установок и общественного отношения к мигрантам людей, практически не контактирующих с ними [1, 2, 4, 8].

Объект и методы

Объектом исследования является общественное отношение к миграции. Цель исследования заключается в изучении общественного мнения о проблемах миграции и межкультурной интеграции в Алтайском крае. В соответствии

с техническим заданием проводился анкетный опрос взрослого населения (18 лет и старше), проживающего в г. Барнауле не менее одного года. Опрос проводился по методике Сети этномониторинга ИЭА РАН в рамках проекта «Интеграция мигрантов и предупреждение рисков национализма в регионах России. Разработка типовой программы интеграции» в сентябре 2015 г., размер выборочной совокупности составил 200 человек.

В опросе, согласно предусмотренным квотам, приняли участие 44% мужчин и 56% женщин. По возрастным группам респонденты распределились следующим образом: 28,5% – лица 18–29 лет, 51% – лица 30–59 лет, 20,5% – лица 60 лет и старше. Доля респондентов с высшим образованием составила 33%, с неоконченным высшим – 13%, средним специальным – 33%, средним – 19%, неполным средним – 1%, начальным – 1%. По форме занятости большинство опрошенных представлено работающими гражданами (54,5%), доля пенсионеров среди всех респондентов составила 16,5%, студентов – 12%. В числе участников опроса населения г. Барнаула 92% составили русские. При этом 8% опрошенных указали две национальности, в основном это выходцы из смешанных семей, указавшие национальность по матери и по отцу.

Результаты исследования и их обсуждение

Общественное отношение к миграции и культурной интеграции обусловлено не столько масштабами притока в Алтайский край мигрантов, сколько возможностью бесконфликтного сосуществования с другими национальностями. Значительное влияние на формирование общественного отношения к мигрантам из других стран оказывают стереотипы, тиражируемые СМИ. Анализ потребления СМИ местным населением г. Барнаула показал неодинаковый уровень доверия различным каналам массовой информации. Так, больше всего население доверяет традиционным СМИ (газетам, радио, телепередачам), нежели интернету. Газетам, радио и телепередачам, рассказывающим о мигрантах, доверяют 26,5% опрошенных, а сообщениям о мигрантах из интернета – только 9,5% (более доверчивы пожилые люди в возрасте 60 лет и старше – 41,5% и 14,6% соответственно). Не доверяют традиционными СМИ 25% респондентов, а уровень недоверия интернет-сообщениям гораздо выше – 32,5%. Большая часть респондентов заявила об избирательном отношении к сообщениям СМИ о мигрантах, доверяя только некоторым из них (41% иногда доверяют традиционным СМИ и 40,5% интернету).

Анализируя персональную память на этнически ориентированный уничижительный лексикон (обидные клички по этническим, миграционным, расовым, культурным признакам, включая коверкание имен), мы пришли к выводу, что население г. Барнаула склонно демонстрировать социально одобряемое поведение: 42% опрошенных слышали/читали в «миграционном» лексиконе СМИ смешные и обидные названия мигрантов, но примеров не помнят, 35,5% респондентов отметили, что им не приходилось встречать такие названия. Лишь 16,5% опрошенных сказали, что знакомы с уничижительным лексиконом СМИ в отношении мигрантов и назвали примеры. Чаще всего смешные и обидные названия мигрантов звучали в ответах мужчин – 20,5% (у женщин 13,4%), молодежи в возрасте 18–29 лет – 30%, а также респондентов с неполным средним (50%) и неоконченным высшим образованием (38,5%). При этом необходимо отметить, что далеко не все названия мигрантов взяты респондентами из прессы. Однако они воспринимают это свое «знание» как полученное чуть ли не из официальных источников.

Вместе с тем журналистов и работников СМИ часто обвиняют в создании и тиражировании негативных образов «других» – тех, кто отличается от большинства населения страны по вероисповеданию, языку, этничности, цвету кожи, стране происхождения (прежде всего мигрантов из-за рубежа). В особенностях масс-медийного дискурса о миграции усматривают один из механизмов конструирования массовых фобий и враждебных стереотипов, разжигания межэтнической, межконфессиональной и расовой нетерпимости [7].

Город Барнаул несколько более полиэтничен в сравнении с другими территориями Алтайского края, он является центром притяжения для учебных и трудовых мигрантов, привлекателен для переезжающих на постоянное место жительства. Вместе с тем более 90% местных жителей в этническом отношении – русские. Находясь большую часть времени практически в моноэтническом окружении, большинство опрошенных не испытывали к себе негативного отношения из-за своей национальности, языка или религии (94,5%). Из-за языка испытывали дискриминацию 1,5% респондентов (в их числе в нашей выборке представлены только мужчины), а из-за национальности – 1% респондентов (в нашей выборке в их числе представлены только женщины). При этом, как ни странно, самыми дискриминируемыми кате-

гориями в исследовании оказались респонденты, относящие себя к «русским». Затруднились ответить на вопрос по поводу дискриминации на этноязыковой и конфессиональной почве 3% участников опроса. Возможно, те виды конфликтов и ущемления прав, с которыми они сталкивались в своей жизни, в силу относительной этнической однородности регионального социума воспринимаются ими как имеющие чисто межличностную, ценностную природу.

В г. Барнауле, как и в Алтайском крае в целом, миграционная и этническая ситуация характеризуется общественным спокойствием. Большинство опрошенных (64,8%) оценивают отношения местных жителей и мигрантов как спокойные, а напряженными их считают 18,7% респондентов.

Очень осторожно опрашиваемые относились к оценке действий органов власти в отношении переселенцев и беженцев с Украины. Озабоченные современной социально-политической ситуацией в стране, внешней политикой государства, респонденты рассматривали этот вопрос как «политический», нередко опасаясь ответить «неправильно». Больше половины опрошенных (56%) считают, что власти должны принимать в г. Барнауле переселенцев и беженцев с Украины, 17,1% настроены негативно и указали, что поддерживать переселенцев и беженцев не нужно, 23,3% опрошенных затруднились оценить действия властей. Таким образом, общественное мнение г. Барнаула в оценке действий властей в отношении переселенцев и беженцев с Украины не является консолидированным. Одна группа опрошенных считает, что Украина – это «*братская республика*», «*наш народ*», поэтому нужно обязательно помогать, тем более, что «*там война, а дети, женщины не виноваты*». Вторая группа опрошенных настроена категорически против каких-либо действий властей в отношении переселенцев и беженцев с Украины. Представители этой группы считают, что «*никто никому ничего не должен*», а современная ситуация на Украине – это результат собственных ошибок этой страны. Третью группу составляют «равнодушные» или уклоняющиеся от ответа.

В то же время население г. Барнаула в целом не склонно к участию в массовых акциях, независимо от их повода. Примерно три четверти опрошенных (73,1%) отрицают возможность своего участия в акциях, пикетах, направленных против иностранных трудовых мигрантов, и других форм «поддержки» таких мероприятий. Это объясняется фактической этнической однородностью социума, культурно-историческими особен-

ностями региона, низким уровнем политизации этничности и религиозности. Тем не менее, уверены в своей поддержке антимигрантских акций 11% респондентов (преимущественно мужчины), затруднились определить свое отношение 12,4%, а 3,6% опрошенных сказали, что мера их участия в антимигрантских акциях зависит от ситуации и обстоятельств.

Заметный вклад в формирование отношения к миграции в целом вносит миграционная мобильность местного населения. Как и в большинстве регионов России, причины миграции в г. Барнауле носят преимущественно социально-экономический характер. Вызывает опасение тот факт, что в ответах местных жителей г. Барнаула имеют место субъективные оценки негативной динамики условий жизни за 2015 г. (для 26,5% респондентов материальное положение было затруднительным, для 11% – тяжелым), что может свидетельствовать как о значительной неудовлетворенности населения социально-экономической обстановкой в регионе и желании обеспечить себе более высокий уровень жизни путем реализации миграционных намерений, так и об ухудшении отношения местных жителей к мигрантам из отдельных стран как потенциальной угрозе стабильности существования и устойчивому развитию региона в целом. Так, для трети опрошенных (31,5%) условия жизни за последний год ухудшились, для 54% – не изменились, и только для 13,5% – улучшились.

Алтайский край в силу значительных структурных диспропорций между спросом и предложением на рынке труда относится к числу проблемных регионов и это, безусловно, отражается на оценке жителями своих возможностей трудоустройства и заработка. Из числа опрошенных 44,6% рассматривают свои перспективы заработка на ближайший год как неопределенные, 21,8% – как хорошие, 14,5% – как плохие. Опрос выявил некоторые различия ответов по полу, выражающиеся в большей уверенности мужчин по поводу своего будущего (22,7% мужчин и 19,6% женщин оценили свои перспективы как хорошие). В Алтайском крае женщины составляют большую часть безработных и в значительной степени испытывают трудности при трудоустройстве. По сравнению с опросом 2014 г., возможности заработка на ближайший год существенно ухудшились. Если в 2014 г. хорошие перспективы заработка видели 35,5% респондентов, то в 2015 г. их количество снизилось в 1,6 раза, на 3,1% в сравнении с 2014 г. увеличилось количество опрошенных, рассматривающих свои возможности заработка как

неопределенные, почти в 6 раз увеличилось число респондентов, для которых актуальной проблемой стали плохие перспективы заработка на ближайший год.

На социальное самочувствие опрошенных и субъективную готовность жителей Барнаула к переезду существенно влияет характер современных миграционных процессов в Алтайском крае: уже 20 лет регион живет в условиях высокой убыли в миграционном обмене с другими субъектами РФ, причем отток «вымывает» преимущественно молодые группы трудоспособного населения – наиболее активные в экономическом, общественно-политическом и репродуктивном отношении. Миграционная убыль не просто подрывает основы воспроизводства населения и трудового потенциала Алтайского края, но и способствует формированию пессимистических общественных настроений. По данным текущего исследования, большая часть местных жителей опасается потерять источник дохода или место работы – 42,5%, а 7,3% затрудняются оценить свое положение. Опасения тревожат преимущественно работающих мужчин в активном трудоспособном возрасте 30–59 лет. Потенциальная угроза безработицы для жителей г. Барнаула не так актуальна, как потенциальный страх перед возможностью предпочтения работодателями труда мигрантов – 47,2% респондентов считают, что в случае потери работы персонально их рабочее место может быть отдано трудовому мигранту. Чуть более трети (35,2%) опрошенных полагают, что такая ситуация невозможна, 15,5% затруднились ответить.

Отрицательное отношение к возможности применения труда мигрантов объясняется комплексом факторов. В Алтайском крае имеет место структурная безработица – многие безработные недостаточно квалифицированы и не могут занять интересующие их вакансии, однако они не стремятся и к соответствующим их уровню низкооплачиваемым рабочим местам. В то же время возможное привлечение трудовых мигрантов заранее воспринимается как конкуренция, хотя в большинстве регионов мигранты занимают те «ниши», которые местных работников не очень интересуют. В текущем опросе 27,5% респондентов высказали мнение, что приезжие из других регионов России или из других государств отнимают рабочие места у местных, 31,1% респондентов думают, что «это возможно».

Подобные убеждения, скорее всего, сформированы под влиянием СМИ, поскольку в реальности острой конкуренции между местными жите-

лями и трудовыми мигрантами не наблюдается (а если она есть, то в теневых сегментах занятости, таких как нерегистрируемые ремонтно-строительные работы, торговля, занятость в организациях общепита, на сельскохозяйственных работах). Поэтому 32,6% опрошенных не видят в иностранных мигрантах конкурентов на рынке труда.

Заключение

В статье представлены общие результаты исследования общественного мнения о проблемах миграции и межкультурной интеграции в приграничном регионе. Проанализированы общественные реакции на «этнический» и «миграционный» лексикон российской прессы, особенности конструирования и восприятия образа мигранта. В «этническом» и «миграционном» лексиконе прессы активно культивируется негативный образ мигранта, который способствует закреплению и укоренению сложившихся негативных этнических стереотипов и установок в структуре общественного миграционного дискурса. В то же время отмечается, что средства массовой информации не столько непосредственно формируют, сколько помогают оформлению уже относительно сложившегося в обыденном сознании образа мигранта.

Проанализированы отношение населения Алтайского края к миграции и интеграции, характер межэтнических отношений и существующие мигрантофобии. Миграционная и этническая ситуация в регионе характеризуется общественным спокойствием. Одной из причин изоляции мигрантов от местного населения является слабое знание или незнание русского языка, недостаточность развития практик межкультурного взаимодействия. Отношение местного населения к выходцам из отдельных стран обусловлено не столько масштабами их притока в регион, сколько уровнем самоудовлетворенности индивидуальными условиями жизни, а также реальной или воображаемой способностью к интеграции и бесконфликтному сосуществованию. Значительный вклад в формирование общественного отношения к мигрантам из отдельных стран и распространение рисков национализма вносят стереотипы относительно их агрессивности и склонности к противоправным действиям, тиражируемые средствами массовой информации.

Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ, проект № 17-33-01073(а2) «Трудовая миграция в приграничных регионах России: траектории, масштабы и социальные хроотопы».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Базина Е.С. Тема миграции и мигрантов в российских СМИ: образ «чужого» и проблема информационной объективности // Бизнес. Общество. Власть. 2015. № 23. С. 24–36. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/09/19/1075787718/Базина.pdf> (дата обращения: 28.05.2017).
2. Варганова О.Ф. Образ трудового мигранта в федеральных и региональных СМИ (по результатам контент-анализа) // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3 (11). С. 81–93.
3. Горина К.В., Фалейчик Л.М. Особенности иностранной трудовой миграции в контексте развития приграничного региона востока России // ЭКО. 2014. № 9. С. 118–133.
4. Мартиросьян А.В. Особенности формирования общественного мнения о миграционной политике // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 4. С. 177–185.
5. Михель Е.А. Международные трудовые миграции населения приграничного региона: автореферат дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2009. 22 с.
6. Мищук С.Н. Факторы межэтнического взаимодействия на Дальнем Востоке России // Региональные проблемы. 2016. Т. 19, № 1. С. 36–46.
7. Низамова Л.Р. Репрезентация миграционных процессов в газетном дискурсе Республики Татарстан // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 6. С. 253–262.
8. Фадеев П.В. Медиа как фактор формирования отношения к мигрантам // Вестник Института социологии. 2015. № 15. С. 108–128.

ATTITUDE TO MIGRATION, THE NON-INDIGENOUS POPULATION AND CULTURAL INTEGRATION IN ALTAI REGION (BY RESULTS OF SOCIOLOGICAL SURVEYS AND MEDIA ANALYSIS)

N.P. Goncharova, N.V. Varaksina

The article presents the results of empirical sociological research of the local population attitudes to migration, the non-indigenous population and cultural integration in the border region, on the example of the Altai region. The authors describe the character of interethnic relations and the existing migrant-phobia. It is shown that negative public reactions towards migrants are formed not only under the influence of the media, but also due to relatively stable ethnic stereotypes and the level of public satisfaction with individual living conditions.

Keywords: migration, attitude to migrants, cultural integration, non-indigenous population, migrant-phobia.

УДК 94:656.2(571.63)

РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ
ТРАНСПОРТЕ И В ПОРТОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ ХАСАНСКОГО РАЙОНА
ПРИМОРСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

А.С. Ващук

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
ул. Пушкинская 89, г. Владивосток, 690001,
e-mail: va_lina@mail.ru

Статья посвящена становлению и развитию предпринимательства на приграничной территории в конце XX – начале XXI вв. Доказывается, что понять специфику этого процесса можно только в тесной взаимосвязи с рассмотрением места и роли территории в российской политической повестке. Показано, как Хасанский район со своими уникальными транзитными транспортными функциями оказался в центре российских и международных событий. На примере компании «Золотое звено» – первой в России частной компании на железнодорожном транспорте – выявлены особенности и трудности включения частного капитала в транспортные международные связи. В статье также анализируются аспекты возникновения портового бизнеса и особенности отношений его с государством, выявлены параллели поворота России на Восток и прихода крупных российских компаний в приграничье. Сделан вывод о начальном этапе формирования новой миссии приграничной территории в XXI в.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, Хасанский район, Приморский край, приграничье, предпринимательство, портовый бизнес, международные транспортные коридоры.

Постановка проблемы. В российском государственном пространстве Хасанский район Приморского края с честью выполняет историческую миссию пограничной территории (граничит с КНР и КНДР). Хотя на него приходится всего 2,5% территории края [32, с. 9, 12], его политическое значение велико. В советский период здесь была создана база для охраны государственной границы. В 1960-х годах району, как и другим приграничным территориям Дальнего Востока, правительство уделяло большое внимание, предпринимая меры по укреплению застав и демографического потенциала, а также развитию предприятий. В районе была организована деятельность трех портов: Посыет (в 1969 г. были сданы в эксплуатацию бетонные причалы длиной 450 метров и обширные бетонированные складские площади открытого и крытого хранения), Зарубино (первоначально порт в бухте Троицы проектировался как рыбный, были построены большой холодильник, причальная линия, принимающая сразу несколько судов, железнодорожная ветка), Славянка (в мае 2009 г. участки территории и акватории с соответствующими причальными сооружениями в районе поселка Славянка вошли в структуру порта Посыет). В 1970 г. завершилось строительство Славянского судоремонтного завода, который являлся одним из

крупнейших судоремонтных предприятий в дальневосточном регионе. К концу советского периода в приграничье была создана территориальная система хозяйствования, органично дополнявшая военную инфраструктуру. В годы перестройки правительство перестало стимулировать развитие территории. Но в 1989–1990-х гг. активно обсуждалась тема уникальных транзитных транспортных функций и приграничной торговли с КНР [4].

Местный социум тяжело пережил все последствия радикальных экономических реформ и разрушений устоявшегося советского экономического уклада. Реформаторам в кратчайшие по историческим меркам сроки удается реализовать идею формирования частного сектора в приморском приграничье. В 2000-е гг. власти пытаются восстановить также эффективное управление территорией, но уже в новых условиях хозяйствования и перераспределения властных полномочий. Одновременно наблюдается и политика смены принципов обеспечения экономической безопасности страны: теперь в приграничье государство пытается укреплять не форпост, а строить коммуникационную площадку для интеграции в международную транспортную систему.

В исторической науке заявленная проблема является новой, но определенные шаги в ее изу-

чении уже сделаны. Первыми к теме обратились экономисты. А.И. Фисенко, Е.А. Кулешова и М.Л. Моисеева обобщили опыт развития морских портов Дальнего Востока в зависимости от интересов крупных собственников и экономических целей в русле формирования особых региональных портовых кластеров, их роли в организации переработки грузов [38, с. 100]. Теме включения стивидорного бизнеса в разряд стратегически важной сферы для обороны и безопасности страны посвящена статья И.А. Кочегановой [15, с. 92–95]. Вопросы формирования благоприятной предпринимательской среды рассматриваются в публикации К. Кореневой [14, с. 58]. В меньшей степени исследованы аспекты реформы на железнодорожном транспорте, но ряд фактов из истории создания «Золотого звена» приводится в статье А.Б. Бардаль [1, с. 68], а также в СМИ.

Заявленная проблема распадается на анализ двух взаимосвязанных блоков событий и явлений, происходивших параллельно во времени и зависевших друг от друга. Первый блок – это определение статуса территории в политической повестке Центра и администрации Приморья. Второй – раскрывает процесс формирования предпринимательства на территории в русле реализации законов РФ о приватизации и других регулирующих документов, с учетом специфики предприятий, а также намерения государства развивать приграничье. Процесс реализации реформ имел ограничения и определенные преимущества, которые нами подробно были проанализированы ранее [41]. В данной статье поставлена цель – показать на примере Хасанского района историю инкорпорации приграничной территории в новую систему хозяйствования на базе реформирования собственности и формирования предпринимательских структур в контексте осуществления проектов интеграции Приморского края в международный транспортный коридор «Приморье-2». Предполагается решить три задачи: проанализировать статус территории в общей российской и региональной политической повестке, связанной с поворотом России на Восток; на конкретных примерах проанализировать появление предпринимательских структур; выявить специфику взаимоотношений государства и бизнеса на железнодорожном транспорте и в портах.

Хасанский район в политической повестке в конце XX – начале XXI вв.

Значение территории в политической повестке можно проследить, изучив историю участия России в разработке идей международного

транспортного коридора (МТК) «Приморье-2» и характер их реализации. Известно, что инициативы формирования международных транспортных коридоров в евразийском пространстве относятся еще к 1980–1990-м гг. В Северо-Восточной Азии (СВА) идею МТК очень активно продвигали политики и ученые из КНР. Но нельзя не отметить, что был определенный интерес к проектам и со стороны некоторых российских политиков, в том числе из Приморья. Однако участие администрации Приморского края в бытность губернатора Е.В. Наздратенко в реализации планов участия в МТК уже с самого начала было обречено на затяжной и непоследовательный сценарий [см. подробно: 2]. С приходом в Приморье нового губернатора С.М. Дарькина линия на приграничное сотрудничество с КНР усилилась. Но в сфере интеграции Приморья в международно-транспортную систему коренных изменений не произошло. Вновь на передний план вышел политический фактор: с начала 2000-х гг. в России начался процесс политической централизации. Укрепление вертикали власти, с одной стороны, снизило желание региональной элиты использовать проблемы политического диалога России со странами Северной Пацифики в популистских целях [16, с. 30]. А с другой – российское законодательство сужало полномочия и ресурсы исполнительной власти субъектов РФ.

В это же самое время в идеологии оформления МТК происходили важные изменения, которые расширяли формальные основания участия России в международном проекте «Расширенная Туманганская инициатива» (РТИ). В 2000 г. международная команда специалистов России, Китая, Монголии, Южной Кореи и Японии под руководством института ERINA (Япония) сформулировала Концепцию коридоров Северо-Восточной Азии. В 2002 г. идею МТК также одобрили на Экономическом форуме стран СВА в Ниигате. С этого момента, пожалуй, можно говорить о признании роли территории края как площадки МТК, включая ее части – «Приморье-1» (Харбин – Суйфэнхэ – Гродеково – порты Владивосток, Находка, Восточный – порты АТР) и «Приморье-2» (Чанчунь – Цилинь – Хуньчунь – Махалино – Посьет – Зарубино – порты АТР) [38, 39]. В ноябре 2002 г. прошли первые консультации между правлением ОАО «Морской порт Зарубино» и Канцелярией развития района «Туманган» администрации провинции Цилинь. В то время Приморский край в инвестиционном рейтинге входил в группу российских регионов с умеренным риском и средним потенциалом [6].

Таким образом, разработка проектов транспортных коридоров и начало переговоров с КНР по его важнейшей части совпало с политической централизацией, что внесло коррективы в результаты переговоров в 2003 г. Например, вопрос аренды порта Зарубино находился в пределах компетенции руководства ОАО, но задача обеспечения социально-политической безопасности администрацией края оказала определяющее влияние на результат принятия решения вопроса. На одной из пресс-конференций С.М. Дарькин сказал, что «китайцам в аренде порта отказано». В интервью еженедельнику «Золотой Рог» вице-губернатор В. Горчаков (курировал транспорт) дал следующие комментарии: «Свой экономический интерес китайцы смогут удовлетворить, если приобретут пакет акций и вложат в развитие Зарубино инвестиции. В решении этого вопроса мы должны учитывать и политику. Ведь Китай сделал все, чтобы вернуть себе Макао и Гонконг. Порт должен оставаться российской собственностью. Если мы сейчас отдадим его в аренду, встанет и вопрос о передаче в аренду им специального транспортного коридора» [12].

Поворот России на Восток, обозначившийся, прежде всего, в целях безопасности через объявление намерения расширить государственное участие в организации территориального развития, в том числе и приграничных районов, был зафиксирован в ряде стратегических документов, в частности, в целевой программе «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)». Развитие крупных транспортных коридоров в направлениях «Запад – Восток» (с использованием Транссиба) рассматривалось и как часть общей транспортной стратегии, и в целом дальневосточной политики. МТК «Приморье-2» и Транссибирская магистраль были названы в числе главных площадок [22]. Но до 2010 г. активность России оказалась невысокой, ее позицию можно охарактеризовать тактикой намерений, обсуждений, консультаций. К тому же судьба проекта «Приморье-2» во многом зависела от статуса России в международных делах в Северо-Восточной Азии, которая находилась под влиянием общей расстановки политических сил в СВА.

Линия усиления Центра в управлении дальневосточными территориями с одной стороны придавала вес Приморью в российском пространстве как национальной контактной площадке, но с другой – усиливала патерналистские настроения у руководства Приморья и создавала особый климат для поведения как местных кампаний, так и круп-

ного российского бизнеса.

В 2010 г. Россия предложила актуализировать транспортную стратегию РТИ, ведь ее Туманганский коридор не решал всех задач, «да и географический мандат РТИ был гораздо шире: он охватывает провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и Внутреннюю Монголию КНР, три восточных аймака Монголии (Дорнод, Хентий и Сухбаатар), восточные порты Республики Корея и территорию Приморья» [40]. Самым решающим сигналом для привлечения интереса предпринимателей к Хасанским портам стала подготовка к саммиту во Владивостоке в 2012 г. и сам саммит. Они демонстрировали волю российского государства участвовать в хозяйственном развитии Дальнего Востока и его приграничных территорий. Значение территории было поднято на национальный и международный уровень, что отражалось в Проекте Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года». Перспективы приграничного района были представлены инвестиционным проектом «Строительство Большого морского порта Зарубино» [37]. Развитие порта Зарубино входило также в проект «Программы социально-экономического развития Приморского края на 2013–2017 гг.» [22]. Далее проект был включен в государственную программу Приморского края «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края на 2013–2017 годы» [20]. Однако в августе 2016 г. премьер-министр РФ Д. Медведев утвердил изменения, внесенные в государственную программу «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» и первый правительственный документ, действовавший с 15 апреля 2014 г. до 9 августа 2016 г., стал уже историей [23].

Новый подход к программе развития Дальнего Востока заключается в создании с 2014 г. режима подготовки и рассмотрения инициатив по развитию территорий опережающего развития (ТОР), что послужило сигналом для крупного российского капитала. Центр активно пытается привлечь частные инвестиции в регион, в том числе и в Хасанский район. 15 июля 2015 г. был опубликован федеральный закон «О свободном порте Владивосток». К территории Свободного порта Владивосток отнесены все значимые порты Хасанского района. В зоне действия Свободного порта находится также и «Приморье-2».

Другим важнейшим сигналом для развития бизнеса стало утверждение «Концепции развития

приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа» [28]. В документе за Хасанским районом закреплён статус площадки МТК «Приморье-2».

Таким образом, российская политическая элита на протяжении более двух десятков лет пыталась сформулировать новую миссию Хасанского района, одновременно осуществляя социально-экономические реформы, ядром которых была приватизация, а также содействие новым хозяйствующим субъектам, складыванию новых отношений между государством и предпринимателями. Ярким примером является история «Золотого звена».

Первая частная компания в России в железнодорожной отрасли

Приступая к решению второй поставленной задачи, надо отметить, что в современной литературе отсутствует единство определения предпринимательства [33, с. 116], поэтому необходимо определиться с трактовкой основного понятия. В широком смысле предпринимательство представляется нам как самостоятельная деятельность людей, организующих производство или торговлю (в том числе на основе инноваций), т.е. имеющих свое дело, которое приносит доход. Начиная с 1990 г. команда реформаторов, находящаяся у власти, инициирует множество документов, направленных на разгосударствление и создание условий для развития российского предпринимательства, делая на него ставку как на важнейшего «игрока» в реализации международных проектов, в том числе и в транспортно-логистической сфере. В 1990 г. в России появился закон «О собственности в РСФСР» [3]. В конце октября 1991 г. президент Б.Н. Ельцин обнародовал программу радикальных экономических преобразований, частью ее стала идея реализации разгосударствления собственности путем приватизации. (Процесс и хроника событий, описывающих становление институтов реализации нормативно-правовой базы по приватизации на российском Дальнем Востоке подробно уже освещены нами) [17, с. 58–106]. В 1992 г. для управления сделками по продаже приватизируемого федерального имущества создали специализированное государственное учреждение – Российский фонд федерального имущества (РФФИ). В регионе было создано его отделение, в срочном порядке организовывалась работа краевых, районных и городских комиссий по приватизации [8, 9]. По динамике сдвигов в структуре собственности и по темпам приватизации При-

морский край уже к 1995 г. добился лидирующего положения в России [см. подробно: 17, с. 58–105].

Реформа федерального железнодорожного транспорта началась с разделения государственных и хозяйственных функций с образованием 1 октября 2003 г. нового хозяйствующего субъекта – ОАО «РЖД» со 100%-м участием государства. Но задолго до этого в Приморье было создано уникальное акционерное железнодорожное предприятие «Золотое звено», хотя финал событий оказался далеким от надежд акционеров. Появлению компании предшествовала инициативная деятельность краевого фонда имущества Приморского Совета народных депутатов и комитета по управлению имуществом Хасанского района. ОАО зарегистрировали 3 июня 1992 г., то есть еще до даты утверждения (11 июня 1992 г.) «Государственной программы приватизации имущества государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 г.». В Программе определялся порядок «отчуждения государственного имущества в собственность физических и юридических лиц», а также приватизации муниципального имущества [24]. Предприятия железнодорожного, авиационного, морского и речного транспорта могли приватизироваться только по решению Госкомимущества России с учетом мнения отраслевых министерств [10].

«Золотое звено» было зарегистрировано администрацией Центрального района г. Хабаровска для строительства и эксплуатации российско-китайского участка железной дороги между станциями Камышовая Хасанского района и Хуньчунь китайской провинции Цилинь. В собственности ОАО оказались станция Камышовая и российский участок пограничной железной дороги (20,3 км от госграницы до магистрали), небольшое количество вагонов и тепловоз. Известно, что в состав учредителей вошли Фонд имущества Приморского края, комитет по управлению имуществом Хасанского района, 25-й военный завод, ОАО «Примагропромэкспорт» и физлица. Уставный капитал ОАО «Золотое звено» составлял 650 тыс. руб., он был разделен на 650 тыс. обыкновенных акций номиналом один рубль. По открытым данным (на 1 октября 2009 г.) 13,8% акций «Золотого звена» принадлежали ОАО «РЖД»; 15,54% – Т. Шульге; 10,24% – экс-президенту Далькомбанка А. Шляховому; 5,98% – Е. Текиевой; 0,2248% – бывшему гендиректору «Золотого звена» С. Криворучко.

Большая часть акций «Золотого звена» изначально была размещена среди железнодорожников. Прогнозы относительно прибыльности

погранперехода были полны оптимизма. «Если развить там соответствующую инфраструктуру, то через этот переход пойдут китайские грузы в российские порты Приморского края для их дальнейшей транспортировки в Южный Китай», – говорил в свое время директор ГипроТрансТЭИ ОАО «РЖД» Ф. Пехтерев [13]. В июле 1994 г. правительство РФ издало распоряжение об открытии на российско-китайской границе железнодорожного перехода Махалино (РФ) – Хунчунь (КНР) для двустороннего грузового и пассажирского международного сообщения после окончания строительства акционерным обществом открытого типа «Золотое звено» железнодорожной линии от станции Махалино до государственной границы и надлежащего обустройства этого перехода [27].

Администрация Приморского края по согласованию с заинтересованными министерствами, ведомствами и организациями обеспечивала проектирование и строительство, а Минфин России предусмотрел выделение необходимых ассигнований для осуществления деятельности соответствующих служб на железнодорожном переходе Махалино (Российская Федерация) – Хунчунь (КНР). ОАО «Золотое звено» должно было соблюдать необходимые требования со стороны государства и бизнес-партнеров. Компания быстро построила первую частную железную дорогу в России от ст. Камышовая в б. Троицы до границы и в 2001 г. начала перевозки. Через переход было перевезено 40,3 тыс. т грузов (или 762 вагонов), но деятельность компании оказалась убыточной. В 2002 г. она получила от перевозок всего 3 млн. руб., а за пользование подвижным составом ей начислили сумму 8,2 млн. руб. [13]. До 2005 г. через переход в Китай еще уходили составы с дальневосточным лесом, но в дальнейшем возникли дополнительно и другие причины. Компания не смогла выполнить обязательств перед контрольными органами по окончательному обустройству пункта пропуска, что повлекло приостановку ее работы пограничной и таможенной службами и прекращение движения поездов. «Спутником» реализации проекта оказался и конфликт интересов между акционерами и руководством ОАО «РЖД», которое, будучи монополистом, решило выкупить дорогу, но правление «Золотого звена» отказалось от сделки. Состоялась серия судебных тяжб, они завершились победой РЖД в 2010 г. Сами разбирательства стали одной из причин простаивания перехода. Приход ОАО «РЖД» в проект развития транзита привнес новый стиль управления. После смены собственника погранпереход стал упоминаться под именем

Махалино – Хунчунь [11]. Первый опыт становления частно-государственного партнерства в приграничье оказался неудачным, прошедшим под знаком арбитражных разбирательств.

Другая отличительная социально-экономическая черта приморского приграничья – зарождение здесь одной из важных «площадок» портового бизнеса в России, приход сюда крупнейших холдингов, представители которых становятся влиятельными «игроками» на поле интеграции России в Северо-Восточную Азию с развитием МТК.

Зарождение портового бизнеса

В советский период организация управления портами основывалась на понятии о порте как о государственном предприятии. Кроме функций, связанных с управлением, важной считалась стивидорная деятельность, т.е. по сути советское предприятие было крупной стивидорной компанией. Такая модель порта предназначалась прежде всего для обслуживания судов, осуществления погрузки/разгрузки и других видов портовой деятельности. Однако с Указом Президента РСФСР от 1.06.1992 № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий в акционерные общества» [33] в дальневосточном регионе начинается процесс акционирования. Министерство финансов и Госкомимущество предписало всем пароходствам к концу 1992 г. подготовить пакеты документов, необходимых для приватизации. Порты в форме государственных предприятий практически были ликвидированы. В процессе акционирования и приватизации государственного имущества были образованы частные компании.

В Хасанском районе в числе первых по разработанному плану приватизации была акционирована Дальневосточная база флота по добыче и обработке морепродуктов. Акционирование – это достаточно сложный процесс, состоящий из множества этапов и целой серии процедур, отличающийся созданием большого числа документов, о чем говорят проанализированные источники этого предприятия за 1992–1994 гг. (план, протокол трудового собрания, проект Устава и др.). Общее количество акций данного предприятия составило 95 947 по цене 297 руб. [7]. По закрытой подписке их приобрели всего 29 чел. Список работников предприятия, получивших акции без уплаты стоимости, насчитывал 657 чел. Но компания не сумела справиться с новыми экономическими условиями и обанкротилась. В 2003 г. по решению арбитражного суда предприятие ликвидировали. Значительная часть его имущества через аукцион

была приобретена частным предпринимателем и появилось ООО «Зарубинская база флота». Это был первый этап становления портового бизнеса в Хасанском районе, который закончился для большинства акционеров крахом их надежд.

Процесс акционирования портов в России привел к образованию двух категорий общепортового имущества. К приватизированному относилось перегрузочное оборудование, склады, портофлот и др., к неподлежащему приватизации – причалы, гидротехнические сооружения, подходные каналы и пр. Таким образом, владельцами приватизированного имущества (в некоторых случаях и земельной территории портов) стали открытые акционерные общества, которые приобрели полномочия осуществлять коммерческую деятельность по погрузо-разгрузочным операциям, заниматься обслуживанием судов, причалов и прочей инфраструктуры портов [35]. Распоряжаться же неприватизированным имуществом стали государственные учреждения – «Морская администрация порта» (МАП). В мае 2003 г. в ходе реализации административной реформы Правительства РФ по совершенствованию государственного управления в морских портах создали единый хозяйствующий субъект в морских портах России – ФГУП «Росморпорт». В сентябре этого же года в морских портах Приморского края организовали Владивостокский филиал ФГУП «Росморпорт». Эти структуры занимаются обеспечением безопасности мореплавания в порту и на подступах к нему, контролем за применением портовых сборов, ремонтом, реконструкцией, техобслуживанием и обновлением портовой инфраструктуры, возведением, модернизацией и обслуживанием различных систем управления судоходством, навигацией, лоцманской проводкой, охраной окружающей среды в зоне деятельности МАП и пр. Акционерные общества на договорной основе арендуют у МАП различные объекты инфраструктуры порта, а также должны способствовать созданию конкурентной среды в сфере портовой деятельности за счет поощрения создания стивидорных, агентских, экспедиторских, сюрвейерских организаций [21]. Применительно к транспортному комплексу ФГУП «Росморпорт» последовательно объединил широкий круг услуг, оказываемых в морских портах; охватывает деятельность практически всех морских торговых портов; осуществляет стратегическое управление портовым комплексом страны [19]. Действия компании должны быть направлены на защиту интересов общества. Данная схема распределения

властных полномочий и ответственности, по мнению ряда экспертов, продвинула отрасль вперед на пути достижения мирового уровня развития стивидорного бизнеса. Постепенно в отрасль через операторов терминалов (стивидорные компании) начали приходить частные инвестиции. Таким образом, государство в лице «Росморпорта» сдает стивидорам в аренду землю, на которой находится терминал, отвечает за состояние причальных стенок, акваторию и дноуглубительные работы в 63 портах пяти морских бассейнов: Балтийский, Дальневосточный, Азово-Черноморский, Каспийский и Арктический [15].

В общем русле реформы по разгосударствлению было проведено и акционирование Морского рыбного порта «Троицы», который в 1992 г. назывался Государственная производственно-коммерческая акционерная компания «Хасанский морской коммерческий порт», с 23.08.1996 г. – Открытое акционерное общество «Морской порт Зарубино». В 2001 г. была зарегистрирована стивидорная компания ООО «МПБТ», она становится единоличным оператором портовых средств в пос. Зарубино Приморского края [30]. ООО «МПБТ» находится в непосредственной близости к международным контейнерным хабам, таким как Ниигата (Япония) и Пусан (Южная Корея). Морской путь от портов Далянь и Инкоу до Ниигаты или Пусан ориентировочно на 800–900 км длиннее, чем от ООО «МПБТ» в зависимости от маршрута. Основным видом деятельности компании является транспортная обработка грузов, но эта стивидорная кампания работает также еще по восьми направлениям.

Крупнейшим игроком в транспортном бизнесе оказалась одна из первых в Приморье частная компания «Беркут» Дж. Текиева. По неофициальным данным, ООО «Беркут» начинало свою деятельность в 1993 г. с торговли, как практически все фирмы в начале 1990-х годов. 2 сентября 1999 г. была официально зарегистрирована как «Беркут-2» [18]. В отличие от множества других предприятий компания активно развивалась в других направлениях. В 2000 г. в порту Зарубино компания «Беркут» построила международный пассажирский терминал, а в 2002 г. совместно с рыбодобывающей компанией «Посыетская» начала реализацию программы по выращиванию, воспроизводству, переработке и реализации морских биоресурсов, был открыт также лесоперерабатывающий комплекс. В Краскино на месте бывшего военного городка была построена фабрика трикотажных изделий. (В 1996–1999 гг.

РФФИ активно поручал Отделению Российского фонда федерального имущества в Приморском крае проводить аукционы по продаже высвобождаемого военного имущества на территории Хасанского района. Это были склады, нежилые помещения, магазины, отдельные здания военных городков [5]). В составе холдинга «Беркут» начали работать пассажирский и контейнерный терминалы в порту Зарубино, паромная линия Зарубино – Сокчо (Республика Корея), туристическая фирма во Владивостоке и др. Пассажирские и грузовые перевозки осуществляли более сотни единиц транспорта. В 2003 г. численность персонала группы достигла 600 чел. Начиная с 1990-х фирма «Беркут» была единственной, кто перемещал грузы по автодороге из Китая в Россию через пограничный пункт Краскино в Хасанском районе. В день здесь проходило около 50 грузовиков с товаром, а в год – около 1 млн т грузов. Дж. Текиев – первый из предпринимателей, кто попытался реализовать идею строительства универсального порта на 50 млн т в бухте Троицы с крупным зерновым терминалом (на 5 млн т). Компания «Беркут» намеревалась строить этот терминал вместе с японской Link Far East., и даже получила разрешение на строительство порта в 80 км от российско-китайской границы. Государство обещало вложиться в его инфраструктуру, а также в дороги, соединяющие Зарубино и китайскую границу. К тому же вхождение Хасанского района в зону влияния агломерации с центром во Владивостоке и в транспортно-логистический кластер также сулило предпринимателям благоприятный политический климат для их деятельности в Хасанских портах. К 2013 г. проявились позитивные факторы хозяйственной освоенности приграничной территории: построенная дорога Хуньчунь (КНР) – Зарубино (РФ), заработал железнодорожный пограничный переход Махалино–Хуньчунь. В портах Зарубино и Посьет действуют пограничные переходы, а от них к погранпереходу Хуньчунь уже была создана международная линия перевозок. Построена шоссейная дорога, соединяющая Владивосток и Хуньчунь. Но события складывались не в пользу местного бизнесмена. В 2013 г. компания утратила статус таможенного перевозчика, так как не обеспечила уплату таможенных платежей. В 2013 г. Дж. Текиев покинул посты вице-спикера Законодательного собрания Приморского края и руководителя фракции партии «Единая Россия». Тогда же был заморожен его проект угольного терминала ОАО «Международный морской перегрузочный терминал» (входил в ГК «Беркут»), совмест-

ный с сингапурской Triumph Alliance Pte. Ltd. Этот терминал на 7,4 млн т должен был располагаться на территории Славянского судоремонтного завода, который ООО «Беркут» в 2006 г. купило у Дальневосточного морского пароходства.

Новый этап в развитии портового бизнеса в Хасанском районе связан с проявлением большого интереса к дальневосточным приграничным территориям со стороны группы крупнейших владельцев портов — бизнесменов, которые в отличие от других российских олигархов, покупавших в основном сырьевые активы, сосредоточились на транспортном секторе. И в это число входит группа «Сумма» З. Магомедова. Помимо проектов в Новороссийске и Приморске в 2012 г. у корпорации появились активы и на Дальнем Востоке после покупки акций у транспортной группы FESCO (С. Генералова), которая управляла Владивостокским морским торговым портом [30]. Самой амбициозной идеей З. Магомедова является проект создания транспортного холдинга, сочетающего железнодорожные перевозки, порт и судоходную компанию. В 2014 г. группа «Сумма» совершила сделку по покупке участка в 100 га у «Беркута».

Эксперты считают, что реализация компанией проекта позволит России стать транзитной страной для товаров, следующих из Европы в Азию и наоборот. Компания начала активную деятельность, и для реализации намеченного у нее есть особый козырь – партнерство с российскими властями. (У З.Г. Магомедова – тесные связи с ФГУП «Росморпорт»). Руководство компании заявило о намерении инвестировать в проекты на Дальнем Востоке 1 млрд долл. США в течение трех–четырёх лет. Но осуществление проекта идет очень медленно. В 2016 г. порт Зарубино не был подключен к железнодорожной сети ОАО «РЖД», поэтому реализация проекта МТК «Приморье-2» увязана со строительством новой линии от порта до пограничного пункта в Махалино. Общая стоимость МТК «Приморье-2», по оценке «Суммы», сегодня составляет 203,9 млрд руб. При этом 119,1 млрд руб. по предварительному плану придется на частные инвестиции, 84,8 млрд руб. – на госсредства. Вопрос об участии государства в развитии инфраструктуры «Приморья-2» в 2016 г. неоднократно обсуждался на различных совещаниях.

Другой площадкой для создания портового бизнеса стал «Торговый порт Посьет», который в 1992 г. акционировался и был преобразован в ОАО «Торговый порт Посьет». В декабре это-

го же года морской порт Посьет был открыт для международного морского грузового и пассажирского сообщения [26]. В мае 2009 г. распоряжением Правительства России от 19.05.2009 № 684-р были установлены новые границы морского порта Посьет. В его границы помимо причалов, расположенных непосредственно в районе пос. Посьет, вошли также участки территории и акватории с соответствующими причальными сооружениями в районе пос. Славянка [36].

Отличительной чертой развития портового бизнеса в Хасанском районе стало внимание к нему со стороны крупнейших российских компаний угольщиков-металлургов. В начале 2000-х руководители отрасли начали проводить политику по увеличению экспорта угля и активно стали расширять свое присутствие в морских портах России — от северо-запада до Дальнего Востока. При этом они стремились не просто работать через угольные терминалы в портах, но иметь их в собственности. В сентябре 2003 г. акционером порта ОАО «Торговый порт Посьет» стала «Сибирская угольная энергетическая компания». Ей тогда принадлежало 68,7% акций порта, 11,34% числилось за ООО «Ферротранс», 13,3% находилось в ведении государства. В 2003 г. грузооборот Посьета увеличился на 37,4% по сравнению с 2002 г. и составил 845 тыс. т. Грузовой потенциал порта составлял 1,5 млн т. Но уже в марте 2004 г. произошли изменения в составе акционеров. Группа «Мечел» объявила о завершении сделки по приобретению акций ОАО «Торговый порт Посьет». «Мечел» удалось полностью приобрести пакет акций, с учетом выкупленных у миноритарных акционеров акций компании удалось консолидировать 80,2% акций ОАО «Торговый порт Посьет». Комментируя эту сделку, генеральный директор «Мечела» В. Иорих заявил: «Мы заинтересованы в сильных партнерских отношениях со странами Азии, где рынок растет быстрыми темпами. Приобретение порта Посьет лежит в русле развития этого направления нашей деятельности» [29]. Оформились основные направления экспорта угля «Мечела» — страны АТР — Япония и Южная Корея. В порту отгружаются уголь, черные и цветные металлы, ферросплавы, железорудное сырье, клинкер, контейнеры, идущие в Японию, Китай, Южную Корею. Посьет был одним из последних дальневосточных портов с мощностями по перевалке металлов, не находящимся под контролем этой крупной горно-металлургической группы.

Резюме

На территории приграничного района в 1990-е – 2016 гг. происходило бурное развитие социально-экономических событий, которое привело к возникновению портового бизнеса, а также к не очень удачному опыту государственного-частного партнерства в лице РЖД и «Золотое звено». Все это происходило параллельно с политической линией, пронизанной интересом России к внешнеэкономическим и транспортным связям с азиатскими государствами. Пограничная территория в политической повестке России в конце 1990-х годов была обозначена как стратегическая для интеграции в международную транспортную систему СВА, но в решении данной задачи прошел длительный период благих намерений власти, который затянулся более чем на 20 лет.

Появление новых хозяйствующих субъектов на территории стало важнейшим условием для осуществления межгосударственного диалога и установления деловых контактов, но которые были наполнены множеством проблем и противоречий в рассматриваемый период.

Специфика времени и российского экономического пространства состояла в том, что крупный капитал быстро приспосабливался к условиям, имея тесные связи с авторитетными чиновниками в Центре, и очень быстро занял свою нишу в проектах международных транспортных коридоров, которые много обсуждались на разных уровнях экономического сотрудничества. Приход крупного капитала на приграничную территорию становился важнейшим фактором укрепления позиций России в развитии международных транспортных связей. Но в социальном отношении появление крупных «игроков» в портовом бизнесе внесло напряжение в местную предпринимательскую среду. Хасанские порты (в формате государственно-частного партнерства) и железнодорожный переход Хуньчунь–Махалино постепенно приобретали значение как важнейшие звенья МТК «Приморье-2», становились точками новых технических проектов, а также были объектами крупнейших в России финансовых сделок.

Портовый бизнес, который является стратегическим сектором экономики, стал представлять собой очень сложную систему – это целая совокупность мелких, средних и крупных, в том числе и мало прозрачных компаний, причем эта система отличается и многоуровневым распределением властных полномочий, включая и по линии государство – бизнес.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бардаль А.Б. Транспортные взаимодействия России и Китая: Дальний Восток // ЭКО. 2014. № 6. С. 66–80.
2. Ващук А.С. Международный транспортный коридор «Приморье-2»: идеи, проекты, реалии в русле «тихоокеанского разворота» // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык: международный информационно-аналитический журнал. 2016. Сентябрь. № 3 (10). URL: <http://ce.if-mstuca.ru> (дата обращения: 10.04.2017).
3. Закон РСФСР. Статья 416 «О собственности в РСФСР» // Ведомости РСФСР. 1990. № 30. URL: <http://ведомости.рсфср-рф.рф/1990/30/#416> (дата обращения: 10.04.2017).
4. ГАПК. П-68. Оп. 117. Д. 323. Л. 76–66; Д. 794. Л. 23, 24, 27.
5. ГАПК. Ф. 1760. Оп. 2. Д. 52. Л. 20–25 об., 342. Л. 50.
6. ГАПК. Ф.р-1760. Оп. 2. Д. 341. Л. 119.
7. ГАПК. Ф.р-1760. Оп.1. Д. 146. Л. 1–98; Д. 168. Л. 1–97.
8. ГАПК. Ф.р-26. Оп. 37. Д. 1334. Л. 44–46;
9. ГАПК. Ф.р-85. Оп. 9. Д.32. Л. 41; Д. 32. Л. 9, 40.
10. Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год (в ред. Постановлений ВС РФ от 25.12.1992 № 4239-1, от 01.07.1993 № 5310-1) (с изм., внесенными Постановлением ВС РФ от 28.04.1993 № 4881-1)/ URL: http://nationalization.ru/Library/laws/11.06.1992_rOCnPOrPAMMA%20nPuBATUZACuu_HA%201992r.pdf (дата обращения: 02.02.2017).
11. ДВЖД предложила для экспорта леса в Китай использовать возможности пограничного перехода Махалино – Хуньчунь. 2013. URL: <http://www.rzd-partner.ru/news/zheleznodorozhnye-gruzoperevozki/dvzhd-predlozila-dlia-ieksporta-lesa-v-kitai-ispol%27zovat%27-vozmozhnosti-pogranichnogo-perekhoda-makh/> (дата обращения: 09.04.2014).
12. Китайцы хотят взять в аренду дальневосточный порт Зарубино // Золотой Рог. 2003. 19 марта. URL: <http://www.rzd-partner.ru/press/261809/> (дата обращения: 12.02.2016).
13. Клименко О. Первая в России частная железная дорога прекратила свое существование. ZRPRESS.Ru: Деловое интернет издание Дальнего Востока. URL: http://www.zrpress.ru/business/primorje_23.08.2011_46303_perva-ja-v-rossii-chastnaja-zheleznoj-doroga-prekratila-svoe-suschestvovanie.html (дата обращения: 12.01.2017).
14. Коренева К.В. Очень «тонкое» дело: факторы развития предпринимательства на приграничных территориях // Российское предпринимательство. 2007. № 10 (1). С. 58–62. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/factory-razvitiya-predprinimatelstva-na-prigranichnyh-territoriyah> (дата обращения: 12.03.2017).
15. Кочеганова И.А. К вопросу о дерегулировании рынка стивидорных услуг в России // Проблемы современной экономики, Евразийский международный научно-аналитический журнал. 2013. № 2 (46). С. 92–95. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4531> (дата обращения: 11.02.2017).
16. Ларин В.Л. Векторы желаемого и пределы возможного: Некоторые замечания к разработке стратегии России в АТР в первой половине XX в. // Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: опыт последних лет и грядущие перспективы. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2012. С. 13–36.
17. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006. 345 с.
18. ООО «Беркут-2». URL: <http://www.rusprofile.ru/id/10129134> (дата обращения: 20.02.2017).
19. Парфенов Ю.В. Совершенствование системы государственного управления морскими портами: на примере создания и развития вертикально интегрированной компании ФГУП «Росморпорт»: дис. ...канд. эконом. наук. М., 2006. 147 с.
20. Постановление Администрации Приморского края от 07.12.2012 № 382-па «Об утверждении Государственной Программы Приморского края «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края на 2013–2017 годы». URL: <http://docs.cntd.ru/document/494218965> (дата обращения: 10.12.2015).
21. Постановление Правительства РФ от 25.09.2002 № 705 (ред. от 21.06.2014) «О совершенствовании системы государственного управления морскими портами». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38871/ (дата обращения: 10.12.2017).
22. Постановление Правительства РФ от 5 декабря 2001 г. № 848 «О федеральной целевой программе «Развитие транспортной систе-

- мы России (2010–2020 годы)» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/1587083/1/#ixzz3X8qJLnOd> (дата обращения: 12.04.2015).
23. Постановление РФ от 9 августа 2016 г. № 757 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» // Правительство РФ. URL: <http://government.ru/media/files/yhUrydP2kAqy3ApZ17bpuMYSry9ZEzBX.pdf> (дата обращения: 12.03.2017).
 24. Приватизация государственных и муниципальных предприятий в России: сб. документов. Вып. 4. М., 1994. С. 39–120.
 25. Проект «Программы социально-экономического развития Приморского края на 2013–2017 годы». URL: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/program-of-socio-economic-development-of-the-primorsky-territory-for-5-years-2013-2017.php> (дата обращения: 10.02.2016).
 26. Распоряжение от 4 декабря 1992 г. № 2267-р «Об открытии порта Посыет для международного морского грузового и пассажирского сообщения» // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=239382#0> (дата обращения: 12.02.2017).
 27. Распоряжение от 5 июля 1994 г. N 1041-р Сборник законов. Законодательство РФ. Правовой портал. URL: <http://sbornik-zakonov.ru/230142.html> (дата обращения: 02.02.2017).
 28. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 октября 2015 г. № 2193-р об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188419/ (дата обращения: 12.02.2017).
 29. РБК. URL: <http://www.rbc.ru/economics/29/10/2013/570411f99a794761c0ce32b9> (дата обращения: 10.03.2017).
 30. Сеть деловых коммуникаций. URL: <https://sbis.ru/contragents/2540078887/253101001> (дата обращения: 12.12.2016); Стивидорная компания ООО «Морской порт в бухте Троицы». URL: <http://seaport-troitsa.ru/index.php/ru/> (дата обращения: 12.12.2016).
 31. Сомов С. Магомедовы «в Сумме», или кто «выводит» миллиарды из бюджета РФ? // The Moscow Post. Городской портал. URL: <http://gorodskoyportal.ru/news/russia/7464033/http> (дата обращения: 12.03.2017).
 32. Социально-экономическое положение муниципальных образований: стат. сб. Владивосток: Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган службы государственной статистики по Приморскому краю (ФСГС ТОСГС по Приморскому краю). 2013. С. 9, 12.
 33. Сошко И.А. Специфика исследований российского предпринимательства на рубеже XX–XXI веков // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 112–118.
 34. Указ Президента РФ от 01.07.1992 N 721 (ред. от 31.12.1992) «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества» (вместе с «Положением о коммерциализации государственных предприятий с одновременным преобразованием в акционерные общества открытого типа») // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_587/ (дата обращения: 12.02.2017).
 35. Устав ОАО «Владивостокский морской торговый порт» // ГАПК Ф.р-1760. Оп. 1. Д. 31. Л. 37–45.
 36. ФГУП «Росморпорт»: История создания и развития морского порта Посыет. URL: http://www.rosmorport.ru/vlf_seaports.html (дата обращения: 12.02.2017).
 37. Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»: проект. 21.05.2014. URL: www.minvostokrazvitiya.ru/upload/iblock/75a/DVBR2025.pdf (дата обращения: 10.03.2016).
 38. Фисенко А.И., Кулешова Е.А., Моисеева М.Л. Морские порты Дальнего Востока: изменение экономических интересов и отношений собственности // Транспортное дело России. 2016. № 3. С. 100–102. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/factory-razvitiya-predprinimatelstva-na-prigranichnyh-territoriyah> (дата обращения: 12.03.2017).
 39. Холоша М.В. Возможности развития международного транспортного пространства Северо-Востока Азии с участием Приморского

- края // Проблемы транспорта Дальнего Востока. Пленарные доклады юбилейной десятой международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию адмирала Г.И. Невельского. 2–4 октября 2013 г. Владивосток: ДВО Российской Академии транспорта, 2013. 88 с.
40. Холоша М.В. МТК в Приморье требуют многостороннего международного сотрудничества. URL: <http://primamedia.ru/news/society/22.06.2015/445227/mtk-v-primore-trebuyut-mnogostoronnego-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-mihail-ho.html> (дата обращения: 10.02.2016).
41. Vaschuk A.S. and Konyakhina A.P. The Modernization of Khasanskii Raionin the Russian Far East: Potential, Problems, and Perspectives // Asian Perspecnive. 2016. Vol. 40, N 3. P. 435–454.

BUSINESS DEVELOPMENT IN RAIL TRANSPORT AND PORT ECONOMY OF KHASAN DISTRICT (PRIMORSKY TERRITORY) IN THE LATE XX – EARLY XXI CENTURY

A.S. Vaschuk

The article deals with the formation and development of business in the border areas in the late twentieth – early twenty first century. The author shows that in order to understand the specifics of that process, it is necessary to consider the features of the area and the role it plays in the Russian political agenda. It is shown how the Khasansky district, with its unique transit functions, turned out to be in the center of Russian and international events. The peculiarities and difficulties, which occurred in the process of private capital integration into international transport links, are revealed on example of the first in Russia private railway company «Zolotoye Zveno». The article also analyzes the aspects of port business development, and peculiarities of its relations with State. The author collates the two processes: the State turn to the East, and the appearance of large Russian companies in the border areas. The conclusion is that a new mission of border areas at its initial stage of formation is formed in the twenty first century.

Keywords: Russia, Far East, Khasansky district, Primorsky Territory, borderland, business, port business, International Transport Corridor.

УДК: 930.1:631(571.61/.64+510)

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ УЧАСТИИ ГРАЖДАН КИТАЯ
В АГРАРНОЙ ОТРАСЛИ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В 1990–2010-Е ГГ.

Е.Н. Чернолуцкая

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
ул. Пушкинская 89, г. Владивосток, 690005,
e-mail: chvalery@mail.ru

В статье представлен анализ подходов и оценок англоязычной историографии в отношении китайского проникновения в аграрную отрасль дальневосточного приграничья в 1990–2010-х гг. с акцентом на социальных трансформациях, эволюции форм собственности и типов хозяйственной организации. Труды западных исследователей отражают неоднородность, расширение и усложнение китайского аграрного сегмента на РДВ – от экспорта рабочей силы до функционирования фермерских хозяйств и крупных агропроизводств с участием частного и государственного капитала КНР, а также создания совместных объединений с российскими акторами. Другой стороной этого процесса является социальная дифференциация российского и китайского сельского населения пограничных территорий. Статья выявляет также мнения экспертов по вопросу о выгодах, проблемах и рисках китайского экономического присутствия для российского периферийного региона.

Ключевые слова: аграрная отрасль, китайско-российское сотрудничество, экспорт труда, фермерские хозяйства, агропредприятия, юг Дальнего Востока России, Северо-Восточные провинции КНР.

Постановка проблемы

Сотрудничество КНР и России в сельскохозяйственной отрасли началось в последние годы советской эпохи с либерализацией внешней политики и пограничного режима в СССР и получило новый импульс после образования Российской Федерации. Мировое экспертное сообщество, проявляющее интерес к дальневосточному региону как площадке геополитического и экономического взаимодействия в АТР, не оставляло без внимания эту сферу, в целом оптимистично оценивая её как часть необходимой международной интеграции, которая должна привести к экономическому росту и модернизации российского Дальнего Востока (РДВ), ослаблению его зависимости от центра [подробнее см.: 6]. Однако реальное развитие этого процесса идёт неоднозначно, сопровождаясь определенными достижениями, проблемами и трудностями, равноценная выгода его участников не всегда очевидна.

В зарубежной историографии Дальнего Востока значительную часть составляют англоязычные публикации, что исходит еще от времен советологии 1960–1980-х гг. Широко представлен в них и современный этап российско-китайских взаимоотношений. В основном это работы экономистов, политологов, демографов, фокусирующих свой анализ на экономическом и стратегическом партнерстве, кросс-границных миграциях и др.

Вместе с тем прошедшие три десятилетия предоставляют науке материал для того, чтобы рассмотреть происходившие события также и с позиции исторических трансформаций.

Объект и методы

В статье ставится задача, опираясь на методологию социальной истории, выявить, как англоязычная историография оценивает китайское проникновение в аграрную отрасль юга РДВ с точки зрения социальных сдвигов, эволюции форм собственности и типов хозяйственной организации на селе, происходивших при взаимодействии российской и китайской сторон. В такой постановке проблема в научной литературе до сих пор не ставилась.

Выбор публикаций для анализа определяется состоянием этого направления зарубежной историографии. К настоящему времени оно не приобрело устойчивого характера и ограничивается небольшим числом в основном малоформатных работ. Во многом это объясняется тем, что ученые сталкиваются с рядом ограничительных факторов методологического и инструментального характера. Полноценный исторический горизонт изучаемого явления еще не проявился, в большинстве исследования проводятся в рамках актуального времени и отражают лишь отдельные аспекты проблемы. Другая (пожалуй, главная) трудность – это недостаточное количество источников. Доступная

официальная информация (как российская, так и китайская) далеко не полна, часто противоречива и несопоставима, являясь следствием недостатков миграционного учета, государственной статистики, существования «теневых» явлений и др. Кроме официальных материалов авторы используют также русские и китайские СМИ, социологические опросы, интервью, различные интернет-сайты. Но и всё это в комплексе оставляет множество информационных лакун.

Результаты исследования и их обсуждение

Эволюцию англоязычной историографии можно проследить на основе изменения аспектного ряда исследований. В работах 1990-х гг. аграрная сфера российско-китайского взаимодействия не выступала самостоятельным предметом изучения, в лучшем случае она упоминалась или подразумевалась в контексте более широких процессов, что было характерно и для отечественных работ. Наиболее обсуждаемым был вопрос о расширяющейся китайской иммиграции на РДВ в целом. Западные аналитики доказывали, что в условиях кризиса и депопуляции она полезна для региона. Прогнозировалось, что ее масштабы не будут столь значительными, чтобы стать угрозой российским интересам по причине низкой привлекательности этой депрессивной территории [7 и др.]. «Единственный аргумент в пользу южной части Дальнего Востока как места для китайской миграции, – убеждал В. Конторович, – состоит в его непосредственной близости» [13, р. 9–10].

В 2000-е гг. по мере расширения китайского экономического проникновения на РДВ и накопления нарративного материала публикации получили большую конкретику, наметилась тенденция переноса акцентов с макро- на микроуровень. Ценным вкладом в развитие направления можно считать появление работ, в которых современная агросфера на РДВ рассматривается как пространство трансформации экономических и социальных отношений, затрагивающей сообщества по обеим сторонам границы. В этом плане нам видится продуктивным сопоставление публикаций по проблемам землепользования и динамики сельского хозяйства приграничных районов двух стран-соседей.

В отношении российского Дальнего Востока такой анализ провели Дж. Дункан и М. Ruetschle (2002), показав реализацию аграрной реформы в 1990-е гг. в Амурской области и в Хабаровском крае, что отражает и состояние той социально-экономической базы, в рамках которой начал функционировать китайский сегмент. В резуль-

тате реформы собственность бывших советских колхозов и совхозов была приватизирована прежде всего членами этих хозяйств. Часть земель перешла в районные земельные фонды под начало местных властей, которые, как предполагалось, должны были перераспределить эти площади в пользу крестьян-фермеров. Однако на Дальнем Востоке более 50% угодий были удержаны от приватизации и остались в самих этих фондах. Районные власти предпочли сдавать их в аренду, сохраняя возможность расторжения договора в случае ненадлежащего использования участков. Эта стратегия, как видится авторам, направленная на сокращение неэффективного земледелия, опиралась на принцип сохранения высокого уровня государственного контроля [11, р. 194–195, 200–201].

В работе выделены три типа российских агропроизводителей, появившихся в регионе в 1990-е гг.: крупные сельхозпредприятия, крестьянско-фермерские хозяйства и владельцы небольших (дачных или приусадебных) участков. В контексте нашей проблематики интерес представляют первые два. В работе показано, что *крупные предприятия* возникали на базе старых колхозов лишь с косметическими изменениями. Только единицы из них провели реконструкцию, которая позволила им стать успешными. Большая же часть медленно ослабевала, испытывая финансовые и кадровые трудности. Многие пайщики на земле не работали. *Крестьянские фермы* образовались в результате выведения индивидуальных земельных паев из коллективных хозяйств, а также присоединения к ним арендованных участков. Доля земель крестьянско-фермерских хозяйств на РДВ, по данным авторов, была примерно такой же, как и в целом по России (около 6%). В 1990-е гг. средний размер участков (в расчете на одно хозяйство) увеличивался, но их суммарная площадь и число самих хозяйств сокращались. Положение фермеров осложняли высокие цены на топливо, слабая механизация производства, отсутствие инфраструктуры хранения урожая, конкуренция со стороны китайцев и др. Некоторые фермеры уходили с официального учета в неформальный сектор.

Авторы приходят к выводу, что в целом в течение первого постсоветского десятилетия сельскохозяйственное производство на Дальнем Востоке, потеряв былую поддержку со стороны государства и испытывая большой отток населения, постепенно деградировало. Существенно сократилась общая площадь используемых земель и, соответственно, образовались большие мас-

сивы пустующих сельскохозяйственных угодий. Острыми проблемами для всех типов хозяйств были нехватка рабочей силы и капиталов для развития [11, р. 194–197]. К сожалению, эта добротная публикация хронологически ограничивается 1990-ми годами и нам не удалось выявить столь же целенаправленные зарубежные исследования по последующему периоду.

Вторая группа авторов анализирует ситуацию по другую сторону приграничья, создающую мотивацию для китайского проникновения в аграрную отрасль РДВ. Основными донорами выступают три Северо-Восточные провинции КНР – Хэйлунцзян, Гири и Ляонин при ведущей роли первой из них. В публикации Э. Вишник (2005) показано, что эти провинции страдают от высокого уровня безработицы и неполной занятости. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. туда направлялось 22% всей государственной помощи по бедности, в то время как проживает там только 8% населения Китая [16, р. 72].

В аграрной сфере КНР под влиянием реформ 1980-х гг. также происходили изменения, в том числе наметилась тенденция капитализации производства. Тем не менее, как следует из работы Цзяи Чжоу (2015), здесь по-прежнему доминируют мелкие крестьянские хозяйства. Сельские земли принадлежат деревенским коллективам, но распределены среди жителей села на равной основе в долгосрочное землепользование. Несмотря на то, что посевная площадь в трех пограничных провинциях в последний период росла, особенно быстро в 2000-е гг., резервы земли для распределения между домохозяйствами исчерпаны. Автор приводит примеры деревень, где на одного крестьянина приходится от 0,13 до 2 га земли, и уже ничего не осталось для новоприбывших [12, р. 4, 11, 15].

В ряде статей выявлены проблемы, которые сужают возможности сельхозпроизводителей на северо-востоке Китая: деградация окружающей среды, урбанизация, развивающийся дефицит водных ресурсов, падение цен на сельхозпродукцию, сокращение производства одной из основных культур – сои, что произошло в результате вступления Китая в ВТО и резкого усиления конкуренции. Все это принуждает многих крестьян устремить свой взгляд на земли к северу от границы [16, р. 72; 14]. Как выразился Дж. Мольц, природа «нашествия» китайцев на Дальний Восток должна пониматься не как организованная и контролируемая государством кампания, а как исход китайских крестьян – отдельных лиц или

небольших семейных групп, которые «хотят улучшить свои экономические условия в перегретой и инфляционно-опустошенной китайской экономике» [15, р. 193].

Важным предметом исследований является анализ и типологизация форм участия Китая в дальневосточной агросфере.

Экспорт труда из КНР в РФ

Значительное внимание ученых привлекает экспорт китайского труда – первая по времени распространения в постсоветский период и наибольшая по вовлеченности людских ресурсов форма взаимодействия. В сельском хозяйстве РДВ основной костяк китайских иммигрантов состоит из сезонных рабочих. Однако анализ агрегированных данных этого сегмента, его временной динамики и территориальной структуры слабо отражены в англоязычной историографии, прежде всего из-за того, что по имеющимся источникам его трудно вычленивать из общего миграционного потока (последний чаще всего и представлен в публикациях [7, р. 8–13 и др.]). Кроме того, выявленные частные случаи свидетельствуют о том, что часть мигрантов, прибывших в Россию в качестве сельхозработников, на самом деле заводит собственные фермерские хозяйства, и определить масштабы этого явления невозможно. С этими проблемами сталкиваются и российские исследователи, тем не менее, они делают более успешные попытки анализа данного аспекта, хотя и те далеки от завершающих обобщений [4, с. 112–123; 1, 5 и др.].

Зарубежные коллеги больше внимания уделяют организационным сторонам вопроса. Во многих работах выявлено, что экспорт труда из КНР развивается на основе соглашений российских региональных администраций или агропредприятий с китайскими органами местного самоуправления и государственными предприятиями. Работников набирают в сельской местности Северо-Восточных провинций Китая или среди неполностью занятых городских рабочих. Этим занимаются фирмы-экспортеры трудовых ресурсов. Некоторые из них подчинены Министерству экономики и торговли КНР, другие связаны с провинциальными министерствами труда, но большинство находится в негосударственном секторе. Трудовое контрактование активно поддерживается провинциальными и местными властями КНР. Существует и вербовка, основанная на личных связях [16, р. 74, 82; 12, р. 12; 8 и др.].

Совокупность ряда публикаций отражает изменения состава нанимателей таких сельхозработников. На российской стороне ими поначалу

выступали бывшие советские коллективные хозяйства и их постсоветские преемники, позже – и дальневосточные фермеры. По мере расширения китайского предпринимательства в России основными импортерами сельхозрабочих становятся сами китайские фермеры и агропредприятия.

Практически ни одно исследование по данной тематике не обходится без хорошо известного тезиса о преимуществах китайских сельхозрабочих по сравнению с российскими. В работах также показано, что заработки китайцев в России существенно выше, чем на родине. Однако условия труда и быта часто бывают суровыми и даже кабальными. Из-за этого далеко не все из работающих готовы возвратиться сюда еще на один сезон. По некоторым данным, отсев тех, кто «не может терпеть лишения», составляет около 30% [12, р. 12, 17; 11, р. 214–215], что требует постоянного наращивания миграционного оборота.

Другой проблемой для экспортеров являются бюрократические препятствия и расходы, связанные с визовым и миграционным процессами. Авторы отмечают переменчивость российской административной политики, введение ограничительных квот, громоздкость процедур оформления, вымогательства со стороны должностных лиц и др. Вместе с тем ими выявлено, что китайцы находят уловки, чтобы обойти квоты и получить визы для «технических специалистов» или «прикомандированных сотрудников». Незаконная миграция на сезонные сельскохозяйственные работы – тоже проблема, хотя точные цифры невозможно проверить. Эти факторы в последнее время привели к появлению новой тенденции: китайские агропредприятия в России в поисках трудовых ресурсов подумывают о среднеазиатской рабочей силе [12, р. 16; 7, р. 14].

Аренда земли

В зарубежных публикациях обращено внимание на то, что аграрная реформа 1990-х гг. в России не предусматривала формирования доступного иностранцам рынка земли, поэтому в первое постсоветское десятилетие вложение их капитала ограничивалось единственной земельной транзакцией – арендой, которую граждане КНР получают от районных земельных фондов, агропредприятий и отдельных сельских жителей Дальнего Востока. Уровень арендных ставок в работах обычно не рассматривается. Лишь изредка можно найти замечание, что на РДВ они значительно ниже, чем в Китае [11, р. 205–206; 12, р. 13].

Не является предметом подробного изучения и правовая основа таких взаимоотношений.

Тем не менее некоторыми авторами подмечено, что российское законодательство 1990-х гг. не предоставляло иностранцам четко сформулированных правил аренды. С другой стороны, у арендаторов нередко отсутствовали надлежащие иммиграционные документы. По этим причинам аренда часто носила полулегальный или скрытый характер. С принятием в 2002 г. Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» сдача земли в аренду иностранцам в России получила прочную правовую основу и придала ей дополнительный импульс. Аренда расширялась как по площади, так и по срокам. Если в селах приграничных провинций КНР размеры участков в расчете на одного крестьянина составляли менее одного-двух гектаров, то на российском Дальнем Востоке китайский земледелец в 2000–2010-е гг. возделывал от 300–400 га до 1–2 тыс. га. Сроки аренды увеличились с одного года до 5, 20 и более лет (по закону разрешается до 49 лет). Получила распространение сдача земли в субаренду, которую практикуют как российские юридические и физические лица, так и китайские компании (арендующие земли у российской администрации), причем нередко это скрывается от официальных органов, чтобы уйти от налоговых выплат или завуалировать нарушения законодательства [11, р. 215; 12, р. 17; 14].

В публикациях начала 2010-х гг. речь идет уже об аренде огромных площадей: по Хабаровскому краю и ЕАО – около 426 тыс. га, а в целом по ДФО – 850 тыс. га. При этом отмечается, что в реальности эти цифры еще больше, так как достоверная статистическая информация отсутствует, что ставит под вопрос способность российских властей контролировать этот процесс [14; 9, р. 84].

Существует и другая злободневная для россиян проблема – угроза экологической безопасности со стороны китайских земледельцев, однако в англоязычных работах она обычно не анализируется.

Типы китайских агропроизводителей

Земельная аренда неразрывно связана с появлением и функционированием на юге РДВ китайских фермерских хозяйств. Поначалу в зарубежной историографии они рассматривались как аморфное явление без указания точного времени его возникновения в регионе. В ряде работ речь идет о конце 1990-х гг.

Дж. Дункан и М. Ruetschle приводят пример с Амурской областью, где наличие больших массивов пустующих земель заставило земельный комитет в конце 1990-х гг. проводить политику

сдачи земли в аренду практически каждому, кто обращался за этим, включая в отдельных случаях и фермеров-иммигрантов из Китая, Кореи и других стран [11, р. 201].

С. Дэвис (2003) считает, что наиболее благоприятная на РДВ ситуация для китайских фермеров в конце 1990-х гг. сложилась в Еврейской автономной области, куда их пригласила областная администрация по тем же причинам, что и в Амурской области. По сведениям автора, в районе вокруг Биробиджана в 1999 г. работало 450 китайских фермеров, в 2001 г. – 300. Они производили зерновые, кукурузу, картофель, арбузы и дыни. Создали три животноводческих фермы, где выращивали до 1300 свиней. Эти хозяйства нанимали и русских жителей, которые при сложившемся в области дефиците рабочих мест соглашались даже на низкую зарплату [10, р. 73–74].

Одна из редких работ, в которой предпринята попытка более тщательного структурного анализа китайского сегмента в аграрной отрасли дальневосточного приграничья, принадлежит перу Цзяи Чжоу, что дает нам основание остановиться на ней более подробно. Опираясь на изучение опыта ряда частных лиц и отдельных компаний, автор охарактеризовала китайское фермерство как «любопытный феномен», раскрыв его неоднородный характер и постепенную трансформацию.

По её данным, первые самостоятельные китайские фермеры появились на РДВ уже с начала 1990-х гг., выделившись из среды сельскохозяйственных наёмных рабочих. Это самозанятые фермеры, т.е. вкладывающие в производство исключительно собственный труд. В дальнейшем часть из них стала привлекать родственников, односельчан и знакомых из сел Северо-Восточного Китая и постепенно превращаться в фермеров-предпринимателей («боссов»), создавших земледельческие и животноводческие хозяйства, овощные теплицы, быстро расширяя вложенный капитал, покупая машины и нанимая все больше работников (включая русских). Тех и других автор относит к независимым фермерам. Помимо них на РДВ получило распространение контрактное фермерство, при котором гражданин КНР заключает договор с более крупным китайским же агропредприятием, арендуя у него землю и продавая ему урожай на условиях, которыми определяется ответственность сторон за обеспечение техникой, семенами и удобрениями, набор рабочей силы, таможенное и визовое сопровождение и т.д.

По мере того как становилась очевидной выгодность фермерства в России и росла при-

бытность этих хозяйств, в пограничных китайских провинциях все более развивался устный и корпоративный рекрутинг, породив цепь миграций и настоящую «фермерскую гонку». В одном только уезде Дуннин до 10% населения (около 20 000 чел.) оказались постоянно вовлечены в сельское хозяйство на русской земле. Вместе с тем Цзяи Чжоу обращает внимание на то, что часть китайцев уходит из этого бизнеса, так как несет потери, будучи не в состоянии сделать вложения в оборудование, водоснабжение и т.д. Но автор не выявляет, как велик этот отсев предпринимателей [12, р. 1, 13, 15, 17, 19].

Следующий уровень вовлеченности в российскую агросферу автор связывает с появлением в ней с 2000-х гг. крупных китайских частных и государственных компаний, которые имели более широкий доступ к финансированию и часто скрытую или явную государственную поддержку как с китайской, так и с русской сторон. Например, одним из таких инвесторов выступило государственное предприятие «Baoquanling Land Reclamation Far East Agricultural Development Company», которое в 2004 г. учредило две «дочки» в Еврейской автономной области. В начале 2010-х гг. оно имело в России 51 ферму по выращиванию сои и кукурузы, а площадь арендованных ею у местной администрации земель составляла 10 000 га.

Исследователь отмечает, что Закон РФ 2002 г. о сельскохозяйственных землях позволил приобретать земли совместным акционерным компаниям, где имеется русское большинство. Исходя из этого, китайские инвесторы вошли в структурный симбиоз с российскими, образовав ряд *совместных компаний*, а те в свою очередь входят в многоуровневые взаимоотношения между собой и с другими акторами в форме ассоциаций, групп и т.п.

В качестве примера Цзяи Чжоу приводит одно из самых крупных и известных в Приморском крае совместных российско-китайских сельхозпредприятий – ООО «Компания «Армада», основанное в 2004 г., которое занимается животноводством и полеводством. В 2015 г. оно использовало 50 000 га земли, что равнозначно пахотной площади в округе Дуннин, откуда и происходит компания. Её китайский совладелец Ли Дэминь одновременно является председателем более масштабного образования – Дуннинской группы Хуасинь (Dongning Huaxin Industry and Trade Group) с широким спектром капиталовложений в России (в торговлю, транспорт, строительство, недвижимость), в том числе и в сельское хозяйство.

В 2010 г. «Армада» возглавила формирование так называемой китайско-российской зоны сельскохозяйственного экономического сотрудничества, а в 2012 г. – инициировала образование «Хэйлунцзяно-Российской сельскохозяйственной кооперативной ассоциации», которая в настоящее время, как показано автором, доминирует в сельском хозяйстве Дальнего Востока. Она состоит из почти 100 корпоративных членов, получивших в распоряжение суммарно 380 тыс. га земли на Дальнем Востоке и в Сибири, а каждый из них – не менее 500 га.

Опираясь на китайязычные публикации, Цзяи Чжоу сообщает, что принципы организации этой ассоциации стали известны (очевидно, в Китае) как «хуасиньская модель», состоящая из множества уровней и структур. В нее входят предприятия приграничной торговли, крупнейший государственный агрохолдинг Группа Бэйдахуан (Beidahuang Group), кооперативы малых и средних предпринимателей, спонсоры, каждый из которых несет свой круг ответственности – от аренды земли, доступа к рынкам, логистики и таможенного оформления до финансовой поддержки и управления конкретными производственными операциями. Группа осуществляет также контрактное фермерство. Основным направлением Группы является выращивание зерновых и бобовых культур, а также молочное и мясное животноводство. Кроме того, она имеет три зерновых обрабатывающих центра, масло- и комбикормовый заводы. Руководство Группы заявляет, что оно старается проводить политику привлечения 60% местных трудовых ресурсов, а общее число её рабочих мест достигает 600 [12, р. 1, 13–14, 18–20].

Как видно из этой характеристики, несмотря на то, что ассоциация обозначена как китайско-российская, все её упомянутые элементы представляют лишь китайскую сторону, и мало что сообщается о роли российской, за исключением расплывчатых упоминаний об использовании земельных и трудовых ресурсов. Возможно, это исходит из задачи автора, поставившей в центр внимания формирование «китайского аграрного капитализма в России». Но в трудах дальневосточных авторов можно обнаружить объяснение, которое мы не можем здесь не привести.

Российские историки пришли к выводу, что консолидация предприятий с китайским капиталом (ПКК) в Приморье предпринята для лоббирования своих интересов в Китае. Не случайно «Хэйлунцзяно-Российская ассоциация...» учреждена в провинции Хэйлунцзян, имеет по-

печительский совет из представителей местной бюрократии и в России формально деятельность не осуществляет. Такая форма объединения необходима ПКК, так как они зависимы от государственных финансовых ресурсов, и им требуется установление личных и символических связей со своими властями, заинтересованными в расширении международных связей. ПКК неизменно позиционируют себя в России как успешный результат российско-китайского сотрудничества, хотя лишь в одном холдинге есть вероятность участия российского капитала. При этом ПКК избегают публичности в России, но масштабно представлены в китайязычном информационном пространстве и склонны преувеличивать свои достижения с целью добиться от Пекина дополнительных льгот и преференций [3, с. 22–24; 2, с. 149].

Из трудов западных коллег остаются недостаточно ясными также принципы участия, формы и пропорции «вложений» каждой из сторон и в других совместных предприятиях, будь то агрохолдинги или фермерские хозяйства, обеспечивается ли в них взаимная выгода, и не является ли в некоторых случаях российское участие лишь вывеской, которая помогает китайцам обходить законы и бюрократические препятствия. Открыт вопрос и об экономическом эффекте китайского участия в сельском хозяйстве для региона в целом.

Как бы там ни было, зарубежная историография ясно определяет или подразумевает, что многие стороны китайского предпринимательства в российской агросфере скрыты не только от научного анализа, но и от государственного контроля. Некоторые исследователи выявляют и политические риски дальнейшего расширения китайского присутствия в дальневосточном пограничье. Симптоматично, что в отличие в 1990–2000-х гг., когда западные аналитики единодушно отвергали алармистские настроения, существовавшие в российском публичном пространстве, в последние годы они начали высказывать России осторожные предостережения на будущее. Так, Р. Ли (2013) считает, что китайские мигранты «могут со временем приобрести постоянный плацдарм на РДВ, добиваться льготных прав от русских администраторов пограничья и даже лоббировать некоторые виды особых отношений с провинциями своей китайской родины (сценарий реконкисты, знакомой наблюдателям по динамике процессов на американо-мексиканской границе)» [14].

Заключение

Рассмотренный круг англоязычных публикаций, несмотря на фрагментарность и неполноту

в освещении проблемы, в целом показывает, что китайское проникновение в сельское хозяйство юга РДВ в 1990–2010-е гг. проходило эволюцию от простейших до более сложных форм одновременно с российскими агропроизводителями, которые пережили болезненный слом советского государства и вынуждены были адаптироваться к новым для себя рыночным отношениям в условиях тяжелейшего кризиса. Как в том, так и в другом сообществе происходила социальная дифференциация, в результате которой на сельских просторах дальневосточного пограничья появились слои российского и китайского населения (как правило, обособленные, но иногда и тесно переплетающиеся), соответствующие постсоветской хозяйственной системе: наемные рабочие, самозанятые фермеры и, используя термин Цзяи Чжоу, «аграрные капиталисты» (от мелких до крупных). Китайские и российские предприниматели вступают между собой и с местными администрациями во взаимодействия разного уровня и форм, развивая интеграционные процессы, но частично действуют автономно. При этом китайская сторона экономически явно доминирует. Для многих бывших малоземельных крестьян, небогатых горожан и мелких торговцев, приехавших из соседних провинций КНР, российская агроплощадка послужила восходящим социальным лифтом, позволив им стать состоятельными людьми, чего не скажешь об отечественных сельчанах (причины этого – тема для отдельного исследования).

Западное экспертное сообщество подошло к пониманию китайского аграрного сегмента на РДВ как постоянно расширяющегося, неоднородного и усложняющегося явления, играющего позитивную роль в сохранении сельскохозяйственного производства в российском периферийном регионе, но далеко не беспроblemного и несущего в себе определенные риски.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ващук А.С. Миграционная политика России в конце XX – начале XXI века: надежды управленцев и реалии сельской глубинки юга Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН. 2012. № 4. С. 24–31.
2. Иванов С.А. Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая: системные ограничители и проблема мотивации // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 143–153.
3. Иванов С.А., Савченко А.Е., Зуенко И.Ю., Козлов Л.Е. Китайский капитал на юге Даль-
- него Востока России: ожидания государства и реалии взаимодействия. Аналитический доклад. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 29 с. URL: <http://ihaefe.org/files/analytics/chinese-capital-on-fe.pdf> (дата обращения: 14.02.2017).
4. Ларин В.В. В тени проснувшегося дракона: российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
5. Мищук С.Н. Российско-китайское сотрудничество в сельском хозяйстве Дальнего Востока России // Известия РАН. Серия Географическая. 2016. № 1. С. 38–48.
6. Чернолуцкая Е.Н. Перестройка и перспективы развития российского Дальнего Востока в американской историографии // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 54–64.
7. Balzer H., Repnikova M. Migration between China and Russia // Post-Soviet Affairs (USA). 2010. Vol. 26, N 1. P. 1–37.
8. Biao Xiang. Predatory princes and princely peddlers: The State and international labour migration intermediaries in China // Pacific Affairs (Canada). 2012. Vol. 85, N 1. P. 47–67.
9. Blank S. Russo-Chinese relations at a crossroads: An American view // Russia-China relations: Current state, alternative futures, and implications for the West / ed. by A. Moshes, M. Nojonen. The Finnish Inst. of International Affairs. Report 30. Tampere, 2011. P. 76–94.
10. Davis S. The Russian Far East. The last frontier? L., N.Y.: Routledge, 2003. 155 p.
11. Duncan J., Ruetschle M. Agrarian reform and agricultural productivity in the Russian Far East // Russia's Far East: A region at risk / ed. by J. Thornton, Ch.E. Ziegler. Seattle, L.: University of Washington Press, 2002. P. 193–220.
12. Jiayi Zhou. Chinese agrarian capitalism in the Russian Far East / BRICS Initiative for Critical Agrarian Studies (BICAS). 2015. Working paper 13. 26 p. URL: https://www.tni.org/files/download/bicas_working_paper_13_zhou.pdf (дата обращения: 14.01.2017).
13. Kontorovich V. The Russian Far East and the social sciences. The paper at the 34th National Convention of AAASS in Pittsburgh, 2002. URL: <http://ww3.haverford.edu/economics/old-siteOct2008/Faculty/Kontorovich/documents/AAASS.pdf> (дата обращения: 18.05.2016).

14. Lee R. The Russian Far East and China: thoughts on cross-border integration // Foreign Policy Research Institute (USA).2013, November. URL: http://www.fpri.org/docs/Lee_-_Russia_and_China.pdf (дата обращения: 10.02.2017).
15. Moltz J.Cl. Russo-Chinese normalization from an international perspective. Coping with the pressures of change // Politics and economics in the Russian Far East. Changing ties with Asia-Pacific / ed. by Tsuneo Akaha. L., N.Y., 2002. P. 187–197.
16. Wishnick E. Migration and economic security: Chinese labour migrants in the Russian Far East // Crossing national borders: Human migration issues in Northeast Asia / ed. by Tsuneo Akaha and A. Vasilieva. Tokyo, N.Y., Paris: United Nations University Press, 2005. P. 68–92.

ENGLISH-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY ABOUT CHINESE PARTICIPATION IN THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE SOUTH OF THE RUSSIAN FAR EAST DURING 1990–2010

E.N. Chernolutskaya

The article presents the analysis of approaches and evaluations of English-language historiography in relation to the Chinese penetration in the agricultural sector of the far-Eastern frontier in 1990-2010, with a focus on social transformations, the evolution of forms of ownership and types of economic organizations. The works of Western researchers reflect heterogeneity, the expansion and complication of Chinese agricultural segment of RDV – from the export of labor to the functioning of farms and large agrarian enterprises with the participation of private and public capital of China, as well as creating joint ventures with Russian actors. The other side of this process is the social differentiation of the Russian and Chinese rural population of the border areas. The article also identifies the views of the experts on the benefits, problems and risks of China's economic presence in the Russian peripheral region.

Keywords: agricultural sector; China-Russian cooperation, export of labor, farms, agribusinesses, southern Far East of Russia, North-Eastern province of China.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ЖЕНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
ИЗ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

С.Ю. Сивоплясова

Институт социально-политических исследований РАН,
ул. Фотиевой 6/1, г. Москва, 119333,
e-mail: svetlankamos84@rambler.ru

Приграничное положение рассматривается как один из факторов, стимулирующих миграцию. Однако проведённое исследование показывает, что зачастую определяющими являются совершенно иные причины. Так, на женскую эмиграцию из приграничных регионов России часто большее влияние оказывают морально-психологические и социально-экономические факторы.

В настоящей статье внимание сконцентрировано на женской эмиграции, так как отъезд женщины за рубеж приводит не просто к «прямому» сокращению численности населения, но и к «косвенному» в виде нерождённых в стране детей.

В рамках настоящего исследования приграничные субъекты Российской Федерации сгруппированы в три блока: регионы с высоким, средним и низким уровнями женской эмиграции. Проанализированы факторы, оказывающие большее влияние на формирование миграционных потоков.

Также в статье представлены результаты опроса, позволяющие определить дальнейшую динамику женской эмиграции из регионов с высоким уровнем женской эмиграции.

Ключевые слова: эмиграция женщин, приграничные территории, классификация, опрос.

Актуальность темы исследования

Масштабы внешней миграции в России огромны. Международный миграционный оборот по данным Федеральной службы государственной статистики составляет на 2015 г. более 950 тыс. человек [5]. Из них более 350 тыс. человек – это эмигранты, выбывшие из страны за рубеж.

Эмиграционные потоки вызывают ряд последствий, большая часть из которых носит негативный характер. Так, эмиграция сокращает численность населения страны, замедляет экономический рост, деформирует половозрастную структуру населения, разрушает патриархальный уклад жизни, вызывает трансформацию гендерных ролей в семьях. Вместе с тем эмиграция женщин за рубеж вызывает ещё более негативные последствия, так как в этом случае страна не просто теряет население, но и несёт «косвенные» потери в виде нерождённых в стране детей. Поэтому процессы женской эмиграции за рубеж требуют особого изучения и регулирования со стороны государства.

Масштабы эмиграции женщин из России сильно дифференцированы по регионам страны. Вместе с тем закономерно предположить, что приграничное положение субъекта и близость иностранного государства будут способствовать большей эмиграции из этих регионов, чем из регионов, расположенных «в глубине» территории страны.

Подтвердить или опровергнуть данную гипотезу призвано настоящее исследование.

Объект и методы исследования

Масштабы эмиграции женщин из страны довольно велики. Причём с 2011 г. по 2015 г. они неуклонно увеличивались. Так, если в 2011 г. нашу страну покинули 18,3 тыс. женщин, то в 2015 г. их число достигло 111,7 тыс. человек (рис.).

Следует отметить, что в эмиграционном потоке из России доля женщин в 2015 г. превысила 30% и составила 31,62%. Такое значение не является историческим максимумом, однако это максимальное значение начиная с 2012 г., когда была изменена система статистического учёта мигрантов. На протяжении трёх лет, с 2008 г. по 2010 г., доля женщин среди выезжающих из страны за рубеж превышала 50%.

В эмиграционных потоках женщин преобладают лица трудоспособного возраста. С 2008 г. по 2015 г. их доля изменялась в пределах от 67,3% (в 2008 г.) до 80,9% (в 2014 г.). В 2015 г. доля женщин трудоспособного возраста в эмиграционном потоке составила 77,5%. При этом доля женщин старше трудоспособного возраста выросла до 15,1%, то есть за год рост составил 3,3 п.п. Доля девочек младше трудоспособного возраста на протяжении периода с 2012 г. по 2015 г. изменялась слабо и составила около 8%.

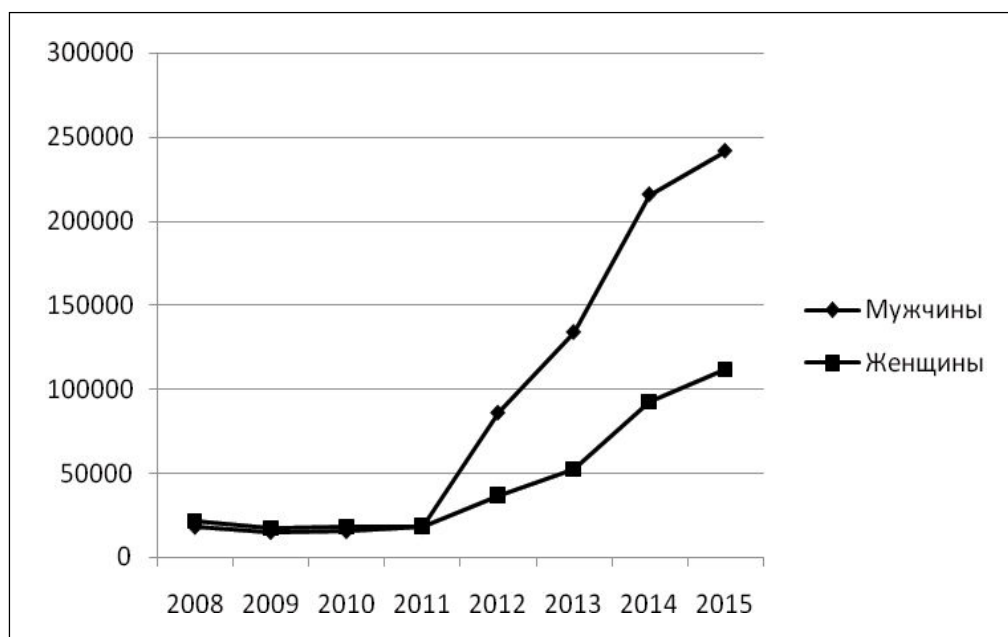

Рис. Гендерная структура эмиграции из России, человек

Fig. Gender structure of emigration from Russia, people

Вместе с тем анализ показывает, что среди выезжающих преобладают девушки и женщины 20–29 лет. Причём наибольшее их число приходится на возрастную группу 25–29 лет. Данная ситуация свидетельствует о том, что среди женщин, покидающих нашу страну, преобладают лица не просто трудоспособного, а наиболее активного репродуктивного возраста. При этом она является косвенным признаком того, что из страны чаще уезжают женщины, получившие профессиональное образование [2].

Как отмечалось ранее, масштабы женской эмиграции сильно дифференцированы по регионам страны. Для выявления величины дифференциации был рассчитан показатель интенсивности женской эмиграции из приграничных территорий Российской Федерации. Таким показателем является число женщин, выехавших за рубеж, в расчёте на 100 000 женщин, проживающих в регионе.

Анализ полученных данных показал, что приграничные регионы страны можно сгруппировать в три блока: регионы с высоким уровнем женской эмиграции, регионы со средним уровнем женской эмиграции, регионы с низким уровнем женской эмиграции.

Для выявления миграционных намерений молодых женщин и определения перспектив развития миграционной ситуации, а также «выталкивающих» факторов, влияющих на формирование

эмиграционных потоков женщин, в ряде регионов с высокой долей женской эмиграции был проведён опрос в виде анкетирования. Опрос проводился в Смоленской и Астраханской областях. В опросе приняли участие 339 женщин репродуктивного возраста (76,5% – в возрасте 20–29 лет).

Результаты исследования и их обсуждение

Являясь самой большой по площади страной в мире, Россия состоит из 85 субъектов, 37 из них – приграничные (рассматривая сухопутные границы). Однако по показателям эмиграции они существенно различаются. Так, по показателю числа женщин, выехавших из региона за рубеж, в расчёте на 100 000 женщин, проживающих в регионе, характеризующему интенсивность женской эмиграции из регионов, можно выделить три группы субъектов [3].

Первую группу составляют субъекты с низкими значениями показателя интенсивности женской эмиграции (до 30 женщин, выехавших за рубеж, на 100 000 женщин, проживающих в регионе). К этой группе относятся следующие регионы: Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика, Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Республика Алтай, Республика Тыва, Забайкальский край. В этих регионах низкая эмиграционная активность женского населения обусловлена тем, что практически все перечисленные субъекты яв-

ляются национальными образованиями (исключение составляет лишь Забайкальский край), в которых сильны семейные, патриархальные традиции и распространены многодетные многопоколенные семьи. Вероятнее всего, именно эти факторы сдерживают международную миграцию в регионах.

Вторую группу составляют субъекты со средними значениями показателя интенсивности женской эмиграции (от 31 до 100 женщин, выехавших за рубеж, на 100 000 женщин, проживающих в регионе). Это наиболее многочисленная группа регионов (18 субъектов), которые расположены во всех федеральных округах. К ним относятся Ростовская область, Краснодарский край, Республика Северная Осетия, Волгоградская область, Саратовская область, Оренбургская область, Челябинская область, Курганская область, Омская область, Амурская область, Еврейская автономная область, Хабаровский край, Приморский край, Воронежская область, Белгородская область, Курская область, Брянская область, Псковская область.

Для данной группы выталкивающим фактором, главным образом, является низкий уровень благосостояния семей. В рейтинге регионов по данному основанию почти все субъекты из второй группы занимают места во второй половине списка [4]. Данный фактор особенно важен для женщин. Он влияет на то, что женщины, в поисках более высокого дохода и лучших условий жизни для себя и своих детей, всё активнее включаются в процесс миграции.

Исключение из этой закономерности составляют Челябинская область, Омская область, Воронежская область и Белгородская область, которые в рейтинге субъектов Российской Федерации по уровню благосостояния семей занимают места в третьем и четвёртом десятке. Средний уровень женской эмиграции из данных регионов, вероятно, объясняется близостью к Казахстану и Украине, с которыми у России в целом и указанных регионов в частности имеются тесные политические, экономические и социокультурные связи.

Третью группу регионов составляют субъекты с высоким уровнем женской эмиграции (более 101 женщины, выехавшей за рубеж, в расчёте на 100 000 женщин, проживающих в регионе). К ним относятся Астраханская область, Тюменская область, Новосибирская область, Алтайский край, Смоленская область, Ленинградская область, Калининградская область, Республика Карелия и Мурманская область. Для данной группы регио-

нов довольно сложно найти общие факторы, под приоритетным влиянием которых формируются эмиграционные потоки женщин, так как регионы, входящие в данную группу, сильно различаются по показателям социально-экономического развития, качества жизни и уровня благосостояния семей.

Вместе с тем можно выделить регионы с низкими уровнями социально-экономического развития и качества жизни, которые вынуждают женщин покидать регионы в поисках лучших условий жизни и работы и могут негативно влиять на демографическую ситуацию в субъектах. Такими регионами являются Республика Карелия, Астраханская область, Алтайский край и Смоленская область [5].

В эту же группу регионов попала Тюменская область, которая имеет одни из самых высоких показателей социально-экономического развития, качества жизни и уровня благосостояния семей в стране. В данном случае высокий уровень женской эмиграции, вероятно, объясняется близостью к Казахстану (стране, входящей в ЕАЭС), что способствует увеличению международной миграции в регионе. Кроме того, структура экономики оказывает существенное влияние на миграцию. Так, нефтегазоносные районы региона привлекают на работу иностранцев, которые создают семьи с российскими девушками и по окончании работы возвращаются на родину с российской женой.

Высокие показатели миграции в Новосибирской области, вероятно, связаны с особенностями структуры региональной экономики. Область является привлекательной для высококвалифицированных специалистов, учёных, студентов ввиду высокого уровня развития науки и технологии, развитого научного кластера. Получив качественное образование в регионе, отечественные специалисты зачастую переезжают в другие страны, забирая с собой жён и детей. Такой же стратегии придерживаются и иностранные студенты, получающие образование в регионе и создавшие семью с россиянками.

Калининградскую и Мурманскую области также можно объединить в отдельную подгруппу в группе регионов с высоким уровнем женской эмиграции. Эти два субъекта имеют сухопутную границу с европейскими странами, входящими в Шенгенскую зону: Калининградская область граничит с Литвой и Польшей, Мурманская область — с Норвегией. Близость к более развитым европейским государствам и особый режим посещения их приграничных территорий жителями названных

субъектов стимулирует эмиграцию из регионов. Кроме того, высокой эмиграционной активности способствуют низкий уровень социально-экономического развития регионов (прежде всего влияет на формирование миграционных процессов в Калининградской области) и низкий уровень качества жизни (в большей степени сказывается в Мурманской области). Совокупность названных факторов влияет на увеличение интенсивности женской эмиграции из субъектов.

Таким образом, приграничное положение регионов по-разному сказывается на миграционных процессах. Высокая интенсивность женской эмиграции чаще всего отмечается в тех субъектах, которые граничат либо со странами, имеющими более высокий уровень социально-экономического развития, либо со странами, входящими в динамично развивающиеся интеграционные группировки, в рамках которых предусматривается упрощённое пересечение государственных границ и более либеральный режим пребывания на территории стран, в том числе для трудовых мигрантов.

В целом среди приграничных регионов России уровень дифференциации составляет 223 раза. Разрыв же между средними значениями показателей интенсивности женской эмиграции группы регионов с низким уровнем женской эмиграции и группы регионов с высоким уровнем женской эмиграции заметно ниже и составляет 14,7 раз.

Для того, чтобы определить, сохраняются ли в будущем столь высокие темпы женской эмиграции, был проведён опрос в форме анкетирования в некоторых регионах с высоким уровнем женской эмиграции, а именно в Смоленской и Астраханской областях. Целью опроса было выявление миграционных намерений современных молодых российских женщин.

Респондентам задавался вопрос о том, задумывались ли они о возможности переезда в другую страну на длительный срок. Результаты опроса показали, что 57,9% от числа ответивших на данный вопрос в г. Астрахани и Астраханской области и 45,9% от числа ответивших в г. Смоленске и Смоленской области ответили утвердительно.

Однако полученные результаты дают довольно грубую оценку миграционных намерений женщин. Поэтому нами был задан вопрос о предпринимаемых к переезду шагах. Данная группа респонденток, на наш взгляд, с гораздо большей вероятностью совершит переезд в другую страну. Доля женщин, предпринимавших конкретные действия, связанные с возможным переездом из страны, существенно различается по регионам.

Так, среди опрошенных в г. Астрахани и Астраханской области предпринимали какие-либо действия 19,5%, а среди задумывавшихся о переезде доля предпринимавших шаги увеличивается до 63,3%. В г. Смоленске и Смоленской области доли распределились следующим образом: 11,1 и 30,8% соответственно.

В г. Астрахани и Астраханской области женщины чаще всего изучали иностранный язык (65,6% от числа респонденток, предпринимавших действия, связанные с переездом) и знакомились с правилами въезда в предполагаемую страну эмиграции (56,3%) (сумма полученных результатов больше 100%, так как респондентки могли выбрать несколько вариантов ответов). В г. Смоленске и Смоленской области ответы распределились несколько иным образом. Чаще всего женщины изучали иностранный язык (57,1%) и совершали туристические и ознакомительные поездки (57,1%).

Таким образом, результаты проведённого анализа показывают, что число женщин, выезжающих за рубеж, в расчёте на 100 000 женщин, проживающих в регионе, потенциально может увеличиться до 20 тыс. в Астраханской области и до 11,7 тыс. в Смоленской области. Очевидно, что далеко не все женщины, принявшие участие в опросе и предпринимавшие определённые действия, связанные с переездом за рубеж, эмигрируют в другую страну. Однако рост эмиграции представляется вполне вероятным.

Кроме этого, заставляет задуматься тот факт, что в подавляющем большинстве случаев женщины покидают молодые девушки, не состоящие в браке и не имеющие детей. Так, в г. Астрахани и Астраханской области среди женщин, предпринимавших какие-либо действия, связанные с переездом в другую страну, 51,6% не состоят в браке (никогда не состояли или разведены) и 71,0% не имеют детей. В г. Смоленске и Смоленской области аналогичные показатели составляют 70,0 и 70,0% соответственно.

Таким образом, проведённый анализ брачной и детной структуры респонденток, предпринимавших шаги, связанные с эмиграцией в другую страну, позволяет сделать вывод, что вне зависимости от того, в какой форме будет совершаться эмиграция (трудовая, образовательная и т.д.), велика вероятность того, что она перерастёт в брачную. Более того, будущие дети эмигрировавших женщин, скорее всего, будут рождены в другой стране. В связи с этим женская эмиграция будет иметь ещё более негативные последствия для демографической ситуации в регионах.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что эмиграция женщин из приграничных территорий России сильно дифференцирована в региональном разрезе. Масштаб дифференциации в среднем составляет 14,7 раз. При этом страну покидают главным образом молодые девушки активного репродуктивного возраста, вероятнее всего, получившие высшее или среднее профессиональное образование. То есть страна теряет генофонд, сокращается трудовой и демографический потенциал.

Результаты проведённого опроса позволяют сделать вывод, что с высокой долей вероятности эмиграция женщин из регионов будет увеличиваться. В связи с этим необходимо предпринимать меры по решению тех проблем, которые формируют «выталкивающие» факторы, побуждающие женщин к переезду в другую страну.

Исследование проведено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект № МК-2984.2017.6.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богатые и бедные семьи – рейтинг регионов 2016. URL: <http://riarating.ru/infografika/20160601/630023786.html> (дата обращения: 15.05.2017).
2. Рязанцев С.В., Сивоплясова С.Ю. Общие тенденции женской эмиграции из России // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. № 3 (июнь). С. 52–55.
3. Рязанцев С.В., Сивоплясова С.Ю. Женская эмиграция из России: факторы, тенденции, география // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2016. № 4. С. 36–46.
4. Рязанцев С.В., Тикунов В.С., Сивоплясова С.Ю. Региональные аспекты женской эмиграции из России // Метаморфозы в пространственной организации мировой экономики в начале XXI века: монография / под ред. И.А. Родионовой. М.: Университетская книга, 2016. С. 228–236.
5. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году. Федеральная служба государственной статистики. М., 2016. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 15.05.2017).

REGIONAL DIFFERENCES OF WOMEN'S MIGRATION FROM THE BORDER AREAS OF RUSSIA

S.Yu. Sivoplyasova

Residence in the border area is considered as one of the factors stimulating migration. However, the study shows that the conceived determinants are committed for other reasons. So, the female emigration from border regions of Russia is often more influenced by moral and socio-economic factors.

In this article the focus is on women's emigration, since this process leads not only to a «direct», but also to «indirect» reduction of the population, in the form of the unborn children to the country. In addition, it is probable that the emigrated woman would never come back if she leaves with the purpose to marry a foreigner.

In this research, the borderland subjects of Russian Federation are grouped into three blocks: regions with high, medium and low levels of female emigration. The authors analyse the most important factors that influence female emigration.

The article also presents the results of the survey which allows determining the further dynamics of the women's emigration from regions with high levels of female emigration.

Keywords: emigration of women, border areas, migration, classification, survey.

БЕЗОПАСНОСТЬ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Е.В. Гамерман

Благовещенский финансово-экономический колледж,
ул. Чайковского 87, г. Благовещенск, 675005,
e-mail: egamerman@mail.ru

Данная статья посвящена проблемам национальной безопасности России и Китая в регионах, находящихся на протяжении общей границы двух стран. Автор всесторонне анализирует традиционные (военные) и нетрадиционные (невоенные) угрозы безопасности, с которыми сталкиваются приграничные территории двух государств сегодня. При этом в данном материале не только фиксируется проблемное поле, наличие тех или иных угроз, но и делается попытка проследить существующие возможности и перспективы по их минимизации в рамках взаимовыгодного взаимодействия двух стран.

Ключевые слова: военная безопасность, Северная Корея, система ПРО, энергетика, продовольственная безопасность, миграция, экология, Китай, приграничные территории.

Взаимоотношения России и Китая имеют давнюю историю, однако наибольшей интенсивностью они стали отличаться со второй половины XIX в. (с момента присоединения к Российской империи юга Дальнего Востока и начала его колонизации и освоения). Данное сосуществование не было безоблачным, а, скорее наоборот, отличалось высоким уровнем конфликтности и напряженности. XX в. и особенно его вторая половина (вплоть до 1990-х гг.) стали кульминационными в рамках этой тенденции. В 1990-е гг. начался процесс нормализации двусторонних отношений, сопровождавшийся заключением целого ряда договоров и соглашений, разрешением ряда территориальных споров и началом полноценного экономического взаимодействия. Эта стадия несколько зашла в тупик в начале 2010-х гг., в силу малозначительности достигнутых результатов [6]. Но с новой силой процесс возобновился во второй половине 2014 г., после Крымского референдума и начала нового этапа противостояния России с западными странами. Было заключено газовое соглашение, которое с легкой руки журналистов тут же назвали «сделкой века», ряд соглашений в сфере сельского хозяйства и других отраслях народного хозяйства [8].

При этом взаимодействие России и Китая вызывает много вопросов, существует огромное количество исследований по двусторонним отношениям в различных сферах, имеющих полярно противоположные оценки и суждения. И это удивительно – два государства имеют очень про-

тяженную общую границу – 4209,3 км, являясь крупнейшими соседями друг для друга. Это предопределяет огромное количество как возможностей, так и угроз национальной безопасности двух стран. Особенно это касается приграничных территорий, которые находятся в непосредственном соприкосновении с иностранным государством.

В рамках данной статьи мы проанализируем современное состояние, а также существующие угрозы безопасности и потенциальные возможности для их минимизации в дальневосточных регионах России и Северо-Восточных провинциях Китая.

Современные угрозы безопасности принято делить на традиционные (военные) и нетрадиционные (невоенного характера).

Начнем непосредственно с военных угроз, военной безопасности. Еще совсем недавно казалось, что военные угрозы ушли в прошлое вместе с «холодной войной» и что теперь есть более важные и насущные вызовы. Однако то, что мы видим сегодня в международных отношениях, иначе как «ренессансом холодной войны» и сверхактуализацией военных угроз безопасности не назовешь.

В данной области самой актуальной угрозой является проблема Северной Кореи, а именно ее ядерная программа и регулярные запуски баллистических ракет. Последние имели место в марте – мае 2017 г. Один из таковых закончился падением ракеты всего лишь в 96,5 километрах от города Владивостока [1]. Политика Пхеньяна создает непосредственную угрозу регионам Дальне-

го Востока, а также провинциями Северо-Восточного Китая. А ядерная программа режима Чучхэ может привести к экологической катастрофе в рамках всего региона. Кроме того, самой явной угрозой является возникновение регионального военного конфликта на территории Корейского полуострова (чему может способствовать и личностный фактор – непредсказуемость действий и Ким Чен Ына, и Дональда Трампа).

Наличие регионального конфликта в непосредственной близости от российской и китайской границ, и даже просто реальность угрозы его возникновения значительно снижает уровень безопасности приграничных территорий двух стран.

Следующей угрозой безопасности, лежащей также в плоскости военной сферы, является развертывание Соединенными Штатами Америки системы ПРО на территории Республики Корея (система ТНААД). Поводом для этого послужила активизация корейских испытаний баллистических ракет и в целом агрессивная политика КНДР [10]. С одной стороны, можно понять желание Вашингтона защитить своих союзников и выполнить взятые на себя обязательства. С другой – данный курс серьезнейшим образом дестабилизирует обстановку в регионе, нарушая существующую здесь не один десяток лет стратегическую стабильность. Система противоракетной обороны, расположенная на границах России и Китая, – непосредственная угроза безопасности двух стран, в первую очередь приграничных территорий. Помимо этого, следует ожидать ответных действий как со стороны Москвы, так и со стороны Пекина. В ближайшей перспективе будет увеличиваться количественное и качественное оснащение российских вооруженных сил в Дальневосточном федеральном округе. Китай будет действовать в аналогичном ключе. Вместе с тем высока вероятность появления российской системы ПРО, предположительно на территории Приморского Края, и китайской ПРО в одной из Северо-Восточных провинций. Вполне возможным выглядит российско-китайское сотрудничество в этой сфере (в технологическом плане – со стороны России, в материальном – со стороны Китая). Не исключено и создание общей системы или, по крайней мере, с согласованным механизмом управления. Однако при этом значительное увеличение численности вооружений и техники, а также ядерного оружия вблизи государственных границ многократно повышает риски развязывания регионального и глобального конфликтов (с применением оружия массового уничтожения).

То есть, несмотря на то, что данные действия двух государств призваны усилить обороноспособность, в результате уровень безопасности приграничных территорий обеих стран снижается, а риски и угрозы увеличиваются (превращаясь из потенциальных в реальные).

Обратимся к угрозам безопасности нетрадиционным, то есть невоенного характера.

Начнем с такой животрепещущей сферы, как экология. Китай является одним из главных «загрязнителей» окружающей среды в мире. Несмотря на развитое экологическое законодательство, в Поднебесной в промышленном производстве не соблюдаются самые элементарные методы и способы экологической защиты. Более 65% китайских предприятий либо вообще не имеют очистного оборудования, либо не используют его. Пять китайских мегаполисов (Пекин, Шанхай, Шэньян, Сиань, Гуанчжоу) входят в десятку городов с самой загрязненной окружающей средой, то есть в число самых «грязных» городов. Все это ставит страну на грань экологической катастрофы [3, с. 140–142]. В России ситуация чуть более благоприятная, чем в Китае (при том, что Российская Федерация занимает 74-е место в мире по экологической чистоте). Но связано это с отсутствием развитого промышленного производства и других секторов народного хозяйства, а не с сознательностью государства, бизнеса и общества в целом.

Наличие очень протяженной общей границы и интенсивное экономическое развитие Северо-Восточных провинций Китая ведет к значительному повышению уровня угроз экологической безопасности для российских дальневосточных территорий. В недавнем прошлом, в 2005 году, уже происходила авария на реке Сунгари с последующим загрязнением реки Амур, что привело к негативным последствиям для всей экосистемы Хабаровского края [7]. Следует полагать, что такие и подобные им аварии будут случаться и впредь, а с интенсификацией экономического развития и отсутствием действенного экологического контроля будет расти и интенсивность загрязнения окружающей среды приграничных территорий сопредельных государств.

Одной из наиболее актуальных и злободневных сфер экономического взаимодействия двух держав является энергетика. И это неудивительно: Китай является крупнейшим в мире импортером энергоресурсов, а Россия – одним из крупнейших экспортеров. То есть сама логика современного развития соседних стран предопределяет актив-

ное развитие сотрудничества именно в этом секторе экономики. Однако и здесь необходимо говорить об энергетической безопасности двух стран.

Пекин, заключив с Москвой газовое соглашение (вслед за целым рядом других соглашений – нефть, электроэнергетика и др.), значительно диверсифицировал импорт энергоресурсов, обезопасив себя от возможных сбоев поставок с Ближнего Востока. Кроме того, китайское руководство «держит в уме» постоянно растущие потребности в ресурсах, соглашение с Россией решает и эту проблему. Китай значительно увеличил уровень энергетической безопасности своей страны, минимизировав угрозы.

Чего нельзя сказать о России. После ухудшения отношений со странами Западной Европы в 2014 году поставки энергоресурсов на данном направлении значительно снизились. И есть риск, что прекратятся совсем (в среднесрочной перспективе). В этих условиях Москва значительно ускорила переговоры с Пекином по поставкам газа. И соглашение, которое было заключено, предусматривает цены значительно более низкие, нежели сложившиеся на мировых рынках. Более того, Россия все больше попадает в ситуацию зависимости от одного (крупнейшего) покупателя, который уже сейчас начинает диктовать свои условия. Это не отвечает российским национальным интересам и является угрозой энергетической безопасности страны. Особенно остро этот вопрос встанет, когда будет завершено строительство газопровода с территории Амурской области в провинцию Хэйлунцзян. Еще одной неоднозначной сферой является электроэнергетика. Закончено строительство первой очереди Нижне-Бурейской ГЭС [5]. Российское руководство не скрывает того факта, что главная цель ее строительства – внешние рынки (а если говорить конкретнее – Китай). Мощности Нижне-Бурейской ГЭС являются для Дальневосточного федерального округа избыточными (так как нет развитой промышленной базы). И мы снова оказываемся в ситуации односторонней зависимости от партнера. Расходовать нам эту энергию будет некуда, а, следовательно, Пекин будет в выигрышной ситуации и станет диктовать свои цены и условия. Компенсировать потери ПАО «Русгидро» придется за счет российских потребителей. Это приведет к еще большему снижению конкурентоспособности российских товаров и услуг, а также к социальным протестам и к еще большему снижению численности населения Дальнего Востока. В целом можно сказать, что российская энергетическая политика на данном этапе не от-

вечает долгосрочным стратегическим интересами страны, преследуя сиюминутную выгоду. Все это снижает уровень энергетической безопасности и национальной безопасности в целом. А для приграничных российских регионов несет в себе целый ряд угроз – в энергетической, демографической, социальной, экономической, инвестиционной и других сферах. Необходима более продуктивная и взвешенная политика, требуется проработка вопроса о диверсификации поставок энергоресурсов в такие страны, как Япония, Республика Корея, Монголия.

Обратимся к следующей сфере – продовольственной безопасности. После введения санкций против России странами Запада, а также введения ответных санкций (в первую очередь это затронуло продукты питания) достаточно остро встал вопрос об обеспечении в необходимом количестве и надлежащего качества отдельных позиций в сфере продовольствия. РФ не обеспечивает себя в полном объеме в сфере мясной продукции (а также ряда других). Угрозы продовольственной безопасности российских дальневосточных регионов предопределили возможности для развития российско-китайского взаимодействия на этом направлении. Еще в 2014 г. были сняты все запреты на поставку мясной продукции из Поднебесной. Однако вопрос о качестве таковой продолжает сохранять актуальность [9].

В условиях экономического кризиса и значительного снижения стоимости российской валюты проявилась и другая тенденция: многократное увеличение российского экспорта в Китай продовольственной продукции (в основном молочной и кондитерской) [2]. Уникальность сложившейся ситуации делает возможным становление ситуации взаимовыгодного партнерства двух стран по минимизации угроз продовольственной безопасности как в национальных масштабах, так и, в первую очередь, на приграничных территориях. Россия может предложить более высокое качество по отдельным позициям и уникальность, а Китай – более доступные цены и массовость (при условии тщательной проверки качества).

При наличии столь протяженной общей границы не может не возникать вопрос о миграции и миграционных аспектах безопасности. В 1990-е и начале 2000-х гг. был очень популярен в СМИ и в выступлениях ряда политиков тезис о «желтой угрозе», китайской экспансии и опасности, исходящей от мигрантов из Поднебесной. Однако экономическая конъюнктура изменилась. В условиях постоянного экономического роста Китая на про-

тяжении последних 20 лет (с небольшим спадом в 2008 г.) ситуация стала фактически зеркально противоположной. Уровень жизни в крупнейших мегаполисах Китая сегодня сопоставим с таковым в Париже или Лондоне. А если говорить о приграничной провинции Хэйлунцзян (которая считается одной из самых бедных в стране), то здесь средняя заработная плата выше в 2–2,5 раза, нежели в регионах российского Дальнего Востока [4]. Поэтому реальность сегодняшнего дня такова, что именно русские все чаще и во все большем количестве едут работать в Китай, а жителям Поднебесной становится экономически невыгодно искать себе заработок в России. Главной угрозой безопасности в сфере миграции на российском Дальнем Востоке является стремительное уменьшение собственного населения. Никакие программы и никакие бесплатные «дальневосточные гектары» проблему решить не в состоянии. В среднесрочной перспективе высока вероятность создания ситуации отсутствия возможностей для дальнейшего хозяйственного освоения и развития Дальнего Востока. Поэтому крайне важно не только сохранение собственного населения, но и привлечение высококвалифицированных китайских специалистов для работы в отдельных отраслях народного хозяйства. Тем более, что проблема перенаселенности в Китае, и в Северо-Восточных провинциях в частности, никуда не делась. Взаимодействие в этой сфере также может быть обоюдовыгодным, при наличии грамотной, взвешенной миграционной политики Москвы.

Таким образом, безопасность приграничных территорий России и Китая во многом зависит от качества двусторонних отношений и имеет целый ряд как возможностей, так и угроз. Наибольшей актуальностью сегодня обладают угрозы, исходящие от Северной Кореи и американской системы ПРО, а в невоенной сфере – диспропорции в энергетике, экология и внутренние социально-экономические проблемы в самих российских регионах. России и Китаю необходимо активнее участвовать в разрешении северокорейской проблемы на международном и региональном уровнях (новые дипломатические инициативы и предложения). Кроме того, взаимоотношения между

странами обязаны выходить на качественно новый уровень, как в государственном масштабе, так и в отношениях приграничных регионов, которые должны во все большей мере становиться субъектами внешней политики и экономики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белый дом заявил о пролете ракеты КНДР рядом с Россией. URL: <http://www.rbc.ru/politics/14/05/2017/5917e5c29a794765c992ec40> (дата обращения: 11.05.2017).
2. Китай важнее Турции: поднебесная стала лидером по импорту продуктов из РФ. URL: <http://lprime.ru/articles/20170323/827283830-print.html> (дата обращения: 09.03.2017).
3. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / отв. ред. Г.И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН, 2007. 327 с.
4. Китайский труд стал дороже бразильского и мексиканского. Зарплаты в Китае опередили российские и приближаются к уровню периферийных стран еврозоны. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/02/27/679193-kitaiskii-trud-dorozhe-brazilskogo> (дата обращения: 11.03.2017).
5. На Нижне-Бурейской ГЭС заработала первая подстанция. URL: <http://www.ampravda.ru/2013/01/21%2010:53:28/041998.html> (дата обращения: 01.03.2017).
6. Песков Ю. Развитие российско-китайских отношений. URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N07_97/7_05.HTM (дата обращения: 10.05.2017).
7. Река яда. Реку, отравленную в Китае, невозможно остановить на границе с Россией. URL: <https://rg.ru/2005/11/25/amur-yad.html> (дата обращения: 22.04.2017).
8. Россия и Китай заключили «сделку века». URL: <https://russian.rt.com/article/33520> (дата обращения: 02.05.2017).
9. Санкции излечили китайских свиней. URL: <http://www.fontanka.ru/2014/08/15/170/> (дата обращения: 02.05.2017).
10. США размещают в Южной Корее систему ПРО. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-39718524> (дата обращения: 02.05.2017).

SECURITY OF BORDER AREAS IN RUSSIAN-CHINESE RELATIONS AT THE PRESENT STAGE

E.V. Gamerman

This article is devoted to the problems of national security of Russia and China in the regions adjacent to the common border of the two states. The author comprehensively analyzes the traditional (military) and non-traditional (non-military) security threats faced by the border areas of the two states today. At the same time, this material not only states the problem field, and the presence of certain threats, but also attempts to trace the existing opportunities and prospects for their minimization in the framework of mutually beneficial cooperation between the two countries.

Keywords: *military security, North Korea, missile defense system, energy, food security, migration, ecology, China, border areas.*

Правила оформления рукописи в журнале
«РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ»

1. Рукопись загружается на сайте журнала **rp.icarp-febras.ru** и высылается обычной почтой в 1 экз. **Бумажный носитель обязателен.**

Там же необходимо заключить договор с редакцией на публикацию статьи и размещение ее в Интернете, а также предоставить экспертное заключение учреждения, в котором выполнена работа.

2. Рекомендуем оформлять статью по рубрикам: актуальность (постановка проблемы), объект и методы, результаты исследования и их обсуждение, заключение, список литературы.

3. **На первой странице рукописи** в левом верхнем углу должен быть указан индекс по универсальной десятичной классификации (УДК). Затем по центру следует на русском и английском языках название статьи, инициалы и фамилии всех авторов, полное название организации, почтовый адрес, e-mail, аннотации и ключевые слова; текст.

4. Текст статьи должен быть набран в редакторе WinWord, шрифтом Times New Roman, 12 pt. Поля слева, сверху и снизу – 2,5 см, справа – не менее 1 см. Объем статьи не должен превышать **13 страниц текста**, напечатанного через **1,5 интервала**, включая список литературы, таблицы и рисунки. К публикации принимаются статьи на русском и английском языках.

5. Сокращения слов, кроме общепринятых, в рукописи не допускаются.

6. Формулы нумеруются в круглых скобках (2), **подстрочные примечания не допускаются**, необходимые разъяснения даются в тексте.

7. Цитируемая литература приводится отдельным списком, перечисляется по алфавиту (в тексте оформляется квадратными скобками и порядковым номером списка) и оформляется в соответствии с ГОСТом.

8. В конце рукописи необходимо четко указать название учреждения, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, а также адрес (с индексом) и телефон автора.

9. **Таблицы должны иметь заголовки на русском и английском языках** и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст.

10. Весь иллюстративный материал (графики, схемы, фотографии, карты) именуется рисунками и имеет сквозную порядковую нумерацию. Рисунки выполняются **в черно-белом цвете** в формате GIF, TIFF, JPEG, CDR, EPS, либо в Word (wmf) и представляются в виде отдельных файлов. Рисунки в текст не вставляются, но в тексте дается обозначение, где должен быть рисунок. **Подписи к рисункам на русском и английском языках** печатаются на отдельном листе с указанием фамилии автора и названия статьи. Фотографии (1 экз.) должны быть четко отпечатаны на белой бумаге без дефектов. От качества авторских оригиналов зависит качество иллюстраций в журнале.

Все материалы, опубликованные в журнале «Региональные проблемы», безгонорарные. Плата за их публикацию с авторов не взимается.

Адрес редакции: 679016, Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, 4. ИКАРП ДВО РАН, редакция журнала «Региональные проблемы». Ответственному секретарю Мищук С.Н. Электронный адрес: **reg.probl@yandex.ru** с пометкой «Региональные проблемы».